ПИОНЕР

Апрель

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда" 1936 г.

4

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Мальчики—*рассказ Валентина Катаева* 3
Два приятеля—*стихи С. Михалкова. Рис. А. Брея* 29
Страна-перекресток—*С. Третьяков* 31
Мятежник Моти-Гадж—*рассказ Р. Киплинга. Рис. П. Митурича* 38
Мои операции - *рассказ проф. Б. С. Вейсброда* 45
Приключения в Атахуальпе—*повесть Теодора Пливье* 49
Дружба зверей—*проф. П. А. Мантейфель* 78
Научный телеграф 81
Эрбях-Богатырь—*якутская сказка. Рис. Ю. Каскачи* 85
В гостях у Пушкина—*из записок И. И. Пущина* 90
Спорт 97
Мастер Леонардо—*путешествие в века* 100
Глокая куздра—*Л. Успенский* 103
Ворота богов—*очерк Д. Михайлова* 105
Почта
Живой уголок—*письмо Левы Черкасова* 111
Моя охота—*письмо Жени Артемьева* 112
Огненный шар—*письмо Юры Катасонова* 113
Как мы выиграли сражение—*письмо Вани Бакулова* 113
Город Дия—*письмо Игоря Шевченко* 114
Возвращение Тут-Итама *рис. А. Каневского* 116
Биоскоп 118
Самоделка 120
Загадки доктора Каррабелиуса 124

Обложка работы художника Г. Нисского

34.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

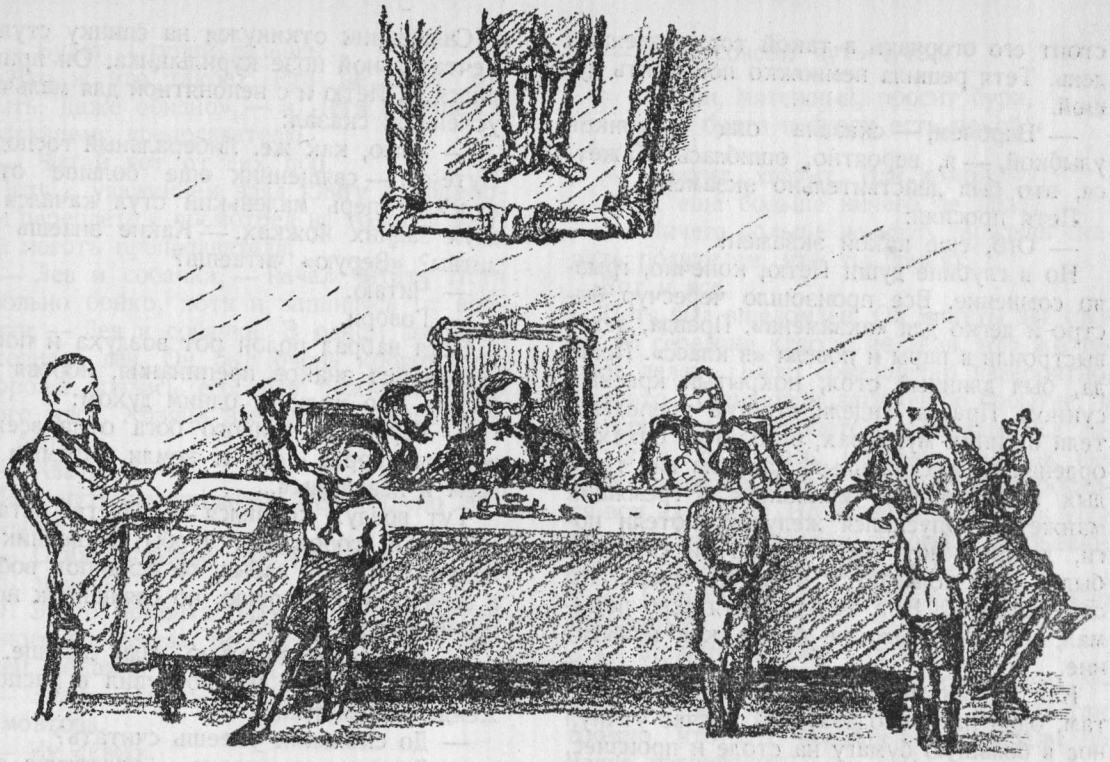
Гос. Публичная Б-ка

№ 4

АПРЕЛЬ

1936

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“



Мальчики

Рассказ Валентина Катаева

Экзамен

Наступил миг величайшего петиного торжества и счастья: не было еще и часу дня, а он уже обегал всех знакомых в доме, показывая свою новенькую гимназическую фуражку, возбужденно рассказывая, как он только что экзаменовался. По правде сказать, рассказывать было почти нечего: никакого экзамена, собственно, не было. Было легкое приемное испытание, продолжавшееся пятнадцать минут. Оно началось в половине одиннадцатого, а в пять минут двенадцатого приказчик в магазине рядом с гимназией уже вручил мальчику его старую соломенную шляпу, завернутую в бумагу. Фуражку Петя как надел, так уже и не снимал до самого вечера.

— Ух, как я ловко выдержал экзамен!— возбужденно говорил Петя, торопливо шагая по улице и заглядывая во все стекла и зеркала, чтобы лишний раз увидеть себя в фуражке.

— Друг мой, — замечала тетя, у которой от смеха дрожал подбородок,—успокойся. Это был не экзамен, а всего лишь испытание.

— Ну, тетя! Как вы можете так говорить! — гневно багровея и топая ногами, кричал на всю улицу Петя, готовый зарыдать от обиды. — Ведь вы же не видели, а утверждаете! Это был самый настоящий экзамен, а вы в это время сидели в приемной и не имеете права так утверждать. Я вам говорю, что был эк-за-мен!

— Конечно. Я дура, а ты умный. Было испытание.

— А вот экзамен!

— Я ему — брито, а он мне — стрижено!

Петя со слезами в голосе повторял:

— А вот экзамен, а вот экзамен...

Но у тети было доброе сердце. Ей стало жаль отнимать у племянника самую пышную часть его торжества — выдержанный экзамен. «Экзамен» — одно слово чего стоит! Пусть же мальчик радуется. Не

стоит его огорчать в такой торжественный день. Тетя решила немножко покривить душой.

— Впрочем, — сказала она с тонкой улыбкой, — я, вероятно, ошиблась. Кажется, это был действительно экзамен.

Петя просиял:

— Ого, еще какой экзамен!

Но в глубине души Петю, конечно, грызло сомнение. Все произошло чересчур быстро и легко для «экзамена». Правда, детей выстроили в пары и повели «в класс». Правда, был длинный стол, покрытый красным сукном. Правда, сидели строгие преподаватели в синих мундирах, в золотых очках, в орденах, в крахмальных, даже на вид твердых как скорлупа манишках и гремящих манжетах. Опускался желудок, потели ноги, ледяной пот выступал на висках. Все было, как полагается испокон веков. Но сам экзамен... Нет, теперь Петя ясно понимал, что это было не более, как испытание.

Как только мальчики расселись по партам, один из преподавателей тотчас уткнул нос в большую бумагу на столе и произнес, прекрасно, отчетливо, кругло выговаривая каждое слово:

— Что же, приступим. Александров Борис, Александров Николай, Бачей Петр. Пожалуйте сюда.

Услышав свою фамилию и имя, прозвучавшие так чуждо и вместе с тем так жгуче в этом гулком, пустынном классе, Петя почувствовал, будто его внезапно ударили кулаком «под ложечку». Он никак не предполагал, что страшный миг наступит так непоправимо быстро. Мальчик был застигнут врасплох. Он густо покраснел и, почти теряя сознание, подошел по скользкому полу к столу. Три мальчика поступили в распоряжение трех преподавателей. Петя достался священнику.

— Нуте-с, — сказал громадный старый священник, заворачивая широкий рукав рясы и втыкая в узкую грудь наперстный крест на серебряной цепочке из плоских звеньев с прорезью в форме гирек. — Подойди, отрок. Как звать?

— Петя.

— Петр, дорогой мой. Петр. Петя дома остался. Фамилия как?

— Бачей.

— Василия Петровича сын? Преподавателя ремесленного училища и школы десятников?

— Да.

Священник откинулся на спинку стула в мечтательной позе курильщика. Он прищурился на Петю и с непонятной для мальчика усмешкой сказал:

— Знаю, как же. Либеральный господин. Нуте-с... — священник еще больше откинулся. Теперь маленький стул качался на двух задних ножках. — Какие знаешь молитвы? «Верую» читаешь?

— Читаю.

— Говори.

Петя набрал полон рот воздуха и пошел чесать без знаков препинания, норовя выпалить всю молитву одним духом:

— Верую во единого бога отца вседержителя творца неба и земли видимым же всем и невидимым...

Тут воздух кончился — и Петя остановился. Он торопливо, чтобы священник не подумал, что он забыл, со всхлипом вобрал в себя свежую порцию, но священник испуганно махнул рукой.

— Довольно, довольно. Иди дальше.

И мальчик тут же поступил в распоряжение математика:

— До скольких умеешь считать?

— До сколько угодно, — хвастливо сказал Петя, одобренный триумфом по закону божьему.

— Прекрасно. Считай до миллиона.

Пете показалось, что он провалился в прорубь. Он даже совершенно непроизвольно сделал ртом такой звук, будто захлебнулся. Он с отчаянием посмотрел по сторонам, ища помощи. Но все вокруг были заняты, а математик смотрел в сторону через очки, в стеклах которых выпукло и совершенно отчетливо отражались два больших классных окна с зеленью гимназического сада и даже с голубыми куполами Пантелеевского подворья. Считать до миллиона... Петя погиб!

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, — старательно начал мальчик, исподтишка загибая пальцы, — восемь, девять, десять, одиннадцать...

Математик бесстрастно смотрел в окно. Он подождал, когда удрученный мальчик произнес «семьдесят девять» и сказал:

— Достаточно. Таблицу умножения учил?

— Однажды один — один, однажды два — два, однажды три — три, — быстро и звонко начал Петя, боясь, чтобы его не прервали, но преподаватель кивнул головой:

— Будет.

— Я еще знаю сложение, вычитание, умножение и деление!

— Будет. Ступай дальше.

«Что ж это такое? Рта не дают открыть. Даже обидно», — и Петя перешел к следующему преподавателю.

— Читай вот от сих пор.

Петя с уважением взял книгу в мраморном переплете и посмотрел на толстый желтый ноготь преподавателя.

— Лев и собачка, — начал читать Петя довольно бойко, хотя и запинаясь от волнения, — Лев и собачка. В одном зверинце находился лев. Он был очень кровожаден. Сторожа боялись его. Лев пожирал очень много мяса. Хозяин зверинца не знал, как тут быть.

— Хватит.

Петя чуть не заплакал. Невозможно экзаменоваться!

— Стихотворение какое-нибудь на память знаешь?

О! Этого момента Петя ждал с трепетом тайного торжества. Вот тут-то он себя, наконец, покажет в полном блеске!

— Знаю «Парус», стихотворение М. Ю. Лермонтова.

— Ну скажи.

— Сказать с выражением?

— Скажи с выражением.

— Сейчас.

Петя быстро отставил ногу, что являлось совершенно необходимым условием чтения с выражением, и гордо закинул голову.

— «Парус», стихотворение М. Ю. Лермонтова! — провозгласил он с некоторым завыванием. Он глубоко передохнул и начал, воя все сильнее и сильнее:

«Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?»

Наскоро сделав обеими руками знак удивления и вопроса, продолжал, торопясь сказать как можно больше, пока его еще не остановили:

«И мачта гнется и скрипит...
Увы, он счастия не ищет
И не от счастия бежит!»

Петя торопливо сделал руками «увы», но преподаватель успел замахать руками:

— Хватит, хватит...

— Я сейчас кончу, там еще чуть-чуть! — умоляюще закричал мальчик и проговорил скороговоркой, не забывая, впрочем, делать руками выразительные жесты:

«Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...»

— Хватит!

— Еще совсем чуть-чуть...

«А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!»

— Хватит, хватит. Иди домой.

— А еще больше ничего не надо?

— Ничего больше не надо. Можешь сказать родителям, что ты принят.

Вот и все.

Петя был ошеломлен. Он минуты две стоял по середине класса, не зная, что же теперь делать. Было совершенно невероятно, что это страшное и загадочное событие, к которому он с трепетом готовился все лето, уже состоялось. Наконец мальчик неловко шаркнул ногой, споткнулся и бросился вон из класса. Но через секунду как угорелый вбежал назад и спросил, прерывающимся от волнения голосом:

— Гимназическую фуражку уже можно покупать?

— Можно, можно. Ступай.

Петя ворвался в приемную, где сидела тетя в летней шляпе с вуалью. Он кричал так громко, что его, несомненно, слышали на улице извозчики:

— Тетя! Идем скорее! Они сказали, что уже надо покупать гимназическую фуражку!

Г а в р и к

Ах, какое это было блаженство — покупать фуражку! Сначала ее долго примеряли, потом торговались, потом выбирали герб, эту изящнейшую серебряную вещицу, состоящую из двух скрещенных колючих веточек с «0.5.Г.» между ними — вензелем Одесской 5-й гимназии. Герб выбрали самый большой и самый дешовый, за пятнадцать копеек. Приказчик проткнул шилом две дырки в твердом околышке синей касторовой фуражки и вставил в них герб, отогнув с внутренней стороны латунные лапки.

Дома фуражка с гербом вызвала общий восторг. Все норовили потрогать ее, снять с головы, но Петя не давал. Любоваться, — пожалуйста, любуйтесь, а руками не хватать! Папа, Дуня, Павлик — все наперебой спрашивали: «Сколько стоит?», — как будто бы в этом было дело. Петя снисходительно отвечал всем:

— Рубь сорок пять фуражка и пятнадцать — герб, да это что! Вот если б вы видели, как я ловко выдержал экзамен, вы б тогда знали!

— А ну, покажь,—сказал Гаврик вместо ответа.

Затем Петя побежал показывать фуражку вниз, в лавочку, Нюсе Когану. Нюся Коган еще не возвратился с лимана. Это было ужасно досадно! Но зато новой фуражкой чрезвычайно заинтересовался отец Нюси, старик Коган, лавочник. Надев очки, он долго рассматривал фуражку со всех сторон, цокал языком и наконец задал вопрос:

— Сколько стоит?

Обегав всех знакомых в доме, Петя отправился на полянку и показал фуражку солдатам. Солдаты тоже спросили, сколько стоит. Больше показывать было некому. А не прошло еще и половины дня... Петя был в отчаянии. Вдруг он увидел Гаврика, шедшего под забором родильного приюта. Петя бросился к приятелю, оглашая воздух криками и размахивая фуражкой. Но, боже мой! Что сделалось с Гавриком? Его маленькие глаза были обведены коричневыми кругами бессонницы. Они с тусклой злобой блестели на худом, немытом лице. Рубаха была изодрана. Одно ухо, лилово-красное, распухшее, сразу бросалось в глаза.

— Ух, как я ловко выдержал экзамен,— хотел было крикнуть Петя, но слова эти застряли у него в горле. Он прошептал: — Ой! С кем ты дрался? Кто тебя побил?

Гаврик угрюмо усмехнулся, опуская глаза.

— А ну, покажь,— сказал он вместо ответа и протянул руку к фуражке. — Сколько стоит?

Хотя давать фуражку в чужие руки было мучительно жалко, все же Петя, — правда, с болью в сердце — позволил Гаврику потрогать обновку.

— Только ты не попорти!

— Не дрефь.

Мальчики уселись под кустиком, возле помойки, и принялись всесторонне рассматривать фуражку. Гаврик тотчас открыл в ней множество тайн и возможностей, ускользнувших от глаз Пети. Во-первых, обнаружилось, что вынимается тонкий стальной обруч, распиравший дно. Он был оклеен заржавленной бумагой и, вытащенный из фуражки, представлял самостоятельную ценность. Из него ничего не стоило наделать массу маленьких стальных пластинок, годных хотя бы для того, чтобы класть на рельсы под дачный поезд (интересно что с ними сделается?). Во-вторых, была черная сатиновая подкладка с напечатанной золотом прописью. «Бр. Брук и К-о». Если ее немножко отодрать, — за нее можно прятать различные мелкие вещи: ни за что никто не найдет! В-третьих, кожаный козырек, покрытый снаружи черным лаком, можно легко сделать еще более блестящим, если хорошенько натереть зелеными стручками дерева, носившего среди мальчиков название «лаковое». Что же касается герба, то его немедленно надо подогнуть по моде и даже слегка подрезать веточки. Мальчики тут же с жаром принялись за дело и работали до тех пор, пока не извлекли из фуражки все удовольствия, какие в ней заключались. Это немного развлекло Гаврика. Но когда фуражка окончательно поте-

ряла человеческий вид и надоела, Гаврик снова стал мрачен.

— Слышь, Петька, вынеси кусок хлеба и два куска сахару, — сказал он вдруг с напускной грубостью. — Отнесу деду.

— Куда?

— В участок.

Петя смотрел на приятеля широко раскрытыми, ничего не понимающими глазами. Гаврик сумрачно усмехнулся и сплюнул под ноги:

— Ну, чего смотришь? Не понимаешь, чи шо? Маленький? Нашего деда вчерась забрали в участок. Надо нести передачу.

Петя продолжал ничего не понимать. Это было нечто совсем, совсем непонятное. Мальчик знал, что в участок забирают пьяниц, буянов, воров, босяков, но... дедушку Гаврика? Это было выше его понимания. Петя прекрасно знал старика. Мальчик часто приходил к Гаврику в гости, на берег. Сколько раз дедушка брал его вместе с Гавриком в море ловить бычков. Сколько раз он угощал его своим особенным чаем, всегда извиняясь, что «тилько, звиняйте, нема сахару». Сколько раз он налаживал Пете грузило и учил, как надо привязывать лесу. А какие смешные украинские поговорки были у него припасены на все случаи жизни, какое множество историй из времен турецкой кампании и солдатских анекдотов он знал! И такого человека забрали в участок?! Невероятно!

— Но за что же, за что?

— А вот за то самое!

Гаврик вздохнул солидно, как взрослый, несколько помолчал и вдруг, прислонившись плечом к другу, таинственно зашептал:

— Слухай...

И он рассказал Пете о том, что случилось вчера ночью. Из его рассказа выходило, что ночью к ним в хибарку прибежали какие-то трое, что они прятались от городовых. А потом к ним пришли с обыском.

— Тут этот самый, дракон, ка-ак пошел мне накручивать ухи!..

— Я б ему так надавал, так надавал!.. — возбужденно закричал Петя, сверкая глазами. — Он бы у меня тогда хорошенько узнал!..

— Заткнись, — угрюмо сказал Гаврик и, крепко взявшись за козырек петиной фуражки, насунул ее Пете до половины лица, так что оттопырились уши.

Проделав это, Гаврик продолжал свой рассказ как ни в чем не бывало. Петя слушал его с ужасом.

— Кто же были эти? — спросил он, когда Гаврик кончил. — Грабители?

— Зачем? Я ж тебе говорю, кто: простые люди, комитетчики.

Петя не понял:

— Какие?

— Ну, с тобой разговаривать — надо житного хлеба сперва накушаться. Я ж тебе говорю: комитетчики. Значит, с комитету.

Гаврик совсем близко наклонился к Пете и прошептал ему в самый рот, дыша луком:

— Которые делают забастовки. Из партии. Чуешь...

— Так зачем же дедушку в участок?

— Я ему — сто, а он мне — двести. Забрали, что он их ховал. Чуешь теперь? И меня б тоже забрали, только не имеют права, как я маленький. Знаешь, сколько полагается сидеть? Через два дня в третий придется ему передачу в участок носить. Только, чуешь...

Гаврик еще больше понизил голос и прошептал совсем еле слышно, озираясь по сторонам:

— Только, чуешь, ему сидеть не больше, как одну неделю. Они скоро пойдут участки разбивать. Драконов покидают в Черное море, чтоб я не видел в жизни счастья! Святой, истинный крест.

Гаврик опять сплюнул под ноги и уже совсем другим, деловым тоном сказал:

— Так вынесешь?

Петя рысью помчался домой и через две минуты вернулся с шестью кусками сахара в кармане и половиной ситного хлеба за пазухой.

— Хватит, — сказал Гаврик, посчитав сахар и взвесив на ладони хлеб. — Пойдешь со мной в участок?

Хотя участок был недалеко, но, разумеется, ходить туда, безусловно, запрещалось. Пете же, как на зло, до такой степени захотелось вдруг в участок, что невозможно описать. В душе мальчика началась жестокая борьба с совестью, которая и продолжалась всю дорогу, вплоть до самого участка. Когда же совесть в конце концов победила, оказалось—поздно: мальчики уже пришли к участку.

Все понятия и вещи в присутствии Гаврика тотчас теряют свою привычную оболочку и обнаруживают множество качеств, до сих пор скрытых от Пети. Ближние мельницы из печального селения вдов и сирот превращались в рабочую слободку с лиловыми петушками в палисадниках, городовой становился драконом, в фуражке ока-

зывался стальной обруч. И вот теперь участок. Чем он был до сих пор в петином представлении? Тем основательным, казенным зданием на углу Ришельевской и Новорыбной (против Пантелеймоновского подворья), мимо которого столько раз в своей жизни проходил Петя. Но стоило только Гаврику приблизиться к нему, — и он оборотился как от прикосновения волшебной палочки. Он повернулся узким, сырым переулком, куда выходили решетчатые окна арестного дома. Участок оказался просто тюрьмой.

— Постой здесь, — сказал Гаврик.

Он перебежал через сырую мостовую и незаметно юркнул мимо городового в ворота участка. Как видно, и здесь Гаврик был своим человеком.

Петя остался один в небольшой толпе, стоявшей на той стороне, против участка. Это были родственники. Они переговаривались через улицу с арестованными. Петя никак не предполагал, что в участке может «сидеть» столько людей. Их было, видимо, несколько сотен. Впрочем, они отнюдь не сидели: одни стояли на подоконниках, держась за решотки открытых окон, другие выглядывали из-за них, махая руками, третьи подпрыгивали, стараясь через головы и плечи увидеть улицу. К удивлению Пети, здесь не было ни воров, ни пьяных, ни босяков, наоборот: обыкновенные, простые, вполне приличные люди, которых можно было каждый день встретить возле вокзала, на Ланжероне, в Александровском парке, на конке... Было даже несколько студентов. Один привлекал внимание черной кавказской буркой поверх белого кителя с золотыми пуговицами. Приложив ладони к синим худым щекам, он кричал кому-то в толпе оглушительным гортанным голосом:

— Передайте, пожалуйста, в землячество, что сегодня ночью товарищей Лордкипанидзе, Красикова и Буревого вызвали куда-то по городу с вещами! Повторяю: Лордкипанидзе, Красикова и Буревого! Сегодня ночью! Организуйте общественный протест! Привет товарищам!..

Человек в пиджаке и косоворотке с растегнутым воротом кричал из другого окна:

— Пущай Сережа пойдет в контору за моей получкой!

Раздавались голоса, перебивавшие друг друга:

— Не доверяйтесь Афанасьеву! Слышь, Афанасьеву не доверяйтесь!

— Колька сидит в Бульварном!

— ...у Павел Иваныча в ящике, за шкафом!..

— Самое позднее — в среду!

Родственники тоже кричали, поднимая над головой кошолки и детей. Одна женщина держала на руках девочку и кричала:

— За нас не беспокойся! Нас люди не оставляют! Мы имеем, что кушать. Смотри, какая наша Верочка здоровенькая!

Иногда к толпе подходил городовой, держась обеими руками за ножны шашки.

— Господа, честью прошу вас не останавливаться напротив окон и не вступать с задержанными в разговоры.

Но тотчас из окон раздавались оглушительные свистки, невообразимая брань, рев. В городового летели арбузные корки, кукурузные кочаны, огурцы.

— Дракон!

— Фараон!

— Иди, бей японцев!

И городовой торопливо возвращался к воротам, делая вид, что ничего особенного не произошло.

Нет, положительно, на свете все было вовсе не так благополучно, как это могло показаться с первого взгляда!

Гаврик возвратился сумрачный, злой.

— Ну что, видел дедушку?

Гаврик не ответил ни слова. Мальчики пошли назад. Возле вокзала Гаврик остановился.

— Они ему почки поотбивали, — глухо сказал он, вытирая драным рукавом щеки. — Будь здоров.

Гаврик пошел прочь.

— Куда?

— На Ближние мельницы, — услышал Петя издали.

Через Куликово поле Петя побрел домой. Ветер гнал тучи сухой, скучной пыли. На душе у мальчика было так тяжело, что даже сплющенная медная гильза от винтовочного патрона, которую Петя нашел по дороге, не могла заставить его закричать и засмеяться.

Первые отметки

Наступила осень.

Петя уже ходил в гимназию. Из большого загорелого мальчика с длинными ногами в фильдекосовых чулках он превратился в маленького лопоухого приготовишку, на гимназическом языке, — в «мартыхана». Длинные брюки и форменная курточка сидели мешковато, очень неудобно. Грубый воротник натирал шею, привыкшую к сво-

бодному вырезу матроски. Даже пояс, настоящий гимназический пояс с мельхиоровой бляхой, о котором больше всего после фуражки мечтал Петя, не оправдал своих ожиданий. Он все время лез подмышки, бляха с'езжала набок, языком висел свободный конец ремня. Не придавая петиной фигуре ничего мужественного, воинственного — на что сильно рассчитывал мальчик, — пояс оказался лишь постоянным источником унизительных хлопот, вызывавших едкие насмешки окружающих. Но зато сколько неожиданной радости принесла Пете покупка тетрадей, учебников и письменных принадлежностей! Петя, как очарованный, рассматривал голубые глобусы с медным меридианом, черные карты звездного неба, страшные и вместе с тем поразительно яркие разборные анатомические таблицы человеческого тела. Вся мудрость человечества, сосредоточенная в этом магазине, казалось, проникла в поры покупателя. И, возвращаясь на конке домой, Петя уже чувствовал себя необыкновенно образованным, хотя в магазине они пробыли не более десяти минут и купили всего четыре или пять книжек, из которых самая толстая стоила сорок две копейки. Потом был куплен настоящий ранец из телячьей кожи, пестрой шерстью наружу, и маленькая корзиночка для завтраков; затем — прекраснейший пенал с переводной картинкой на выдвижной лакированной крышке, тугой и скрипучей, как деревянная писанка. Все отделения пенала Петя с большим вкусом и старанием наполнил предназначенными для них предметами, особенно стараясь, чтоб ни одно не пустовало. Были положены разных сортов перышки: синие с тремя дырочками, «коссодо», «рондо», «номер восемьдесят шесть», «Пушкин» — с курчавой головой знаменитого писателя — и множество других; затем — резинка со слоном, лапка, растушевка, два карандаша (один — для писания, другой — для рисования), перочинный ножичек, дорогая ручка (за двадцать копеек), разноцветные облатки, кнопки, булавки, картинки. И все это совершенно новенькое, лаковое, упоительно пахучее, все эти маленькие изящные орудия прилежания! Весь вечер Петя усердно обертывал переплеты учебников специальной синей бумагой, скрепляя ее облатками. Он приклеивал к промокашкам картинки. Лакированные букеты и ангелы крепко прижимали шолковые ленточки. Все тетради были аккуратно надписаны: «Тетрадь ученика приготовительного класса «О.5.Г.» Петра Бачей».

Петя едва дождался утра. На дворе еще было почти темно, а дома горела утренняя лампа, когда мальчик побежал в гимназию, с ног до головы снаряженный, как на войну. Уж теперь-то ни одна наука не устоит против Пети! Три недели мальчик с неслыханным прилежанием в гимназии и дома занимался улучшением своего научного хозяйства. Он то и дело переклеивал картинки, заново обертывал учебники, менял в пенале перья, добиваясь наибольшей красоты и совершенства. И когда тетя, бывало, скажет: «Ты бы лучше уроки учил», — Петя с отчаянием стонал:

— Ой, тетя, ну что вы говорите разные глупости! Как же я могу учить уроки, когда у меня еще ничего не готово?

Словом, все шло прекрасно. Одно только омрачало радость учения: Петю еще ни разу не вызывали — и ни одной отметки еще не стояло в его записной тетради. Почти у всех мальчиков в классе были отметки, а у Пети не было. Каждую субботу он с грустью приносил свою пустую записную тетрадь, роскошно обернутую в розовую бумагу, оклеенную золотыми и серебряными звездами, орденами, украшенную разноцветными закладками. Но вот однажды, в субботу, Петя, не раздеваясь, вбежал в столовую, сияющий, взволнованный, красный от счастья. Он размахивал нарядной записной тетрадью, крича на всю квартиру:

— Тетя, Павка, Дуня! Идите сюда скорее! Смотрите, мне поставили отметки! Ах, как досадно, что папа на уроках!

И, торжественно швырнув тетрадь на стол, мальчик с гордой скромностью отошел в сторону, как бы не желая мешать великолепному зрелищу отметок.

— А ну-ка, ну-ка, — восклицала тетя, вбегая в столовую с выкройкой в руках, — покажи свои отметки!

Она взяла со стола тетрадь и быстро пробежала ее глазами.

— Закон божий — два, русский — два, арифметика — два, внимание и прилежание — два? — с удивлением сказала тетя, укоризненно качая головой. — Не понимаю, чего ты радуешься? Сплошные двойки!

Петя с досады даже топнул ногой.

— Вот так я и знал! — закричал он, чуть не плача от обиды. — Как вы, тетя, не понимаете? Неважно, сколько; важно, что отметки! Понимаете: от-мет-ки! А вы этого не хотите понять... И так всегда!..

И Петя, сердито схватив знаменитую тетрадь, помчался во двор показывать отметки мальчикам.

На этом и закончился первый, праздничный период петиного ученья. За ним наступили суровые будни, скучная пора зубрежки. Гаврик больше не появлялся, и Петя его почти забыл, всецело занятый на первых порах гимназией. До поры до времени забыл о петином существовании и Гаврик. Теперь он жил на Ближних мельницах, у своего брата Терентия. Дедушку все еще не выпустили. Он сидел то в Александровском участке, то в охранке, куда его часто возили ночью на извозчике. Но, как видно, старик умел держать язык за зубами, так как Терентия не трогали.

Гаврик сходил на берег, перетащил лодку к соседям и запер дедову хибарку на замок. Теперь он по целым дням бродил по городу, ища себе пропитания. Конечно, выгоднее всего было бы начать просить милостыню, но Гаврик, скорее, согласился бы сдохнуть, чем протянуть руку прохожему. Вся его рыбацкая кровь начинала кипеть при одной мысли об этом. Нет! Он привык добывать хлеб трудом. Он носил кухаркам корзинки с привоза до самого дома за две копейки. Он помогал грузчикам на станции. Одесса-Товарная. Он бегал в «монополькy» за шкаликом водки для извозчиков, которые под угрозой штрафа не имели права отлучаться от лошади.

Иногда Терентий посылал его отнести какой-нибудь сверток по адресу, который непременно надо было выучить наизусть и ни в коем случае не записывать на бумажку. Гаврику очень нравились эти поручения, несомненно, имевшие какую-то связь с теми делами, которыми постоянно был занят Терентий. Сверток — чаще всего это были бумаги — Гаврик засовывал глубоко в карман и сверху приглаживал, чтобы он не торчал. Он знал, что «в случае чего» надо говорить, что сверток нашел. Отыскав человека, надо обязательно сказать: «Здравствуйте, дядя, вам кланяется Софья Ивановна». Человек ответит: «Как здоровье Софьи Ивановны?» И только тогда можно отдать сверток, но не раньше! Очень часто человек, получая сверток, давал целый гривенник «на конку». Ух, как жутко и весело было идти по такому поручению!

Наконец, Гаврик добывал деньги игрой в «ушки». Эта игра только что вошла в моду. Ею увлекались не только дети, но и взрослые. Ушками назывались форменные пуговицы различных ведомств, со вбитыми внутрь петельками. В общих чертах игра состояла в том, что игроки ставили чашечки ушек в кон, а затем поочереди били по ним специальной ушкой — биткой, стараясь их перевернуть орлом вверх. Каждая перевернутая таким образом ушка считалась выигранной.

Игра в ушки не была труднее или интереснее других уличных игр, но в ней заключалась особая прелесть, особый азарт: ушки стоили денег. Их всегда можно было купить и продать. Они котировались по особому курсу на уличной бирже. Гаврик блестяще играл в ушки. У него были твердая, сильная рука и очень меткий глаз. В короткое время он приобрел славу чемпиона. Его мешочек всегда был наполнен превосходными, дорогими ушками. Когда его дела становились особенно скверными, он продавал часть своего запаса, но его мешочек никогда не оставался пуст: на другой же день Гаврик выигрывал еще больше ушек, чем продал накануне. Таким образом то, что для других было развлечением, для мальчика стало чем-то вроде выгодной профессии. Ничего не поделаешь! Приходилось выкручиваться!

А з а р т

Уже шел октябрь. Акации почти облетели. В море ревели штормы. Вставали при свете лампы. По неделям над городом стоял туман. Улицы и деревья рисовались в нем как на матовом стекле. Лампы, потушенные в девять часов утра, зажигались снова в пять вечера. Моросил дождь. Иногда он переставал: ветер уносил туман. Тогда холодная рябиновая заря долго горела на чистом как лед небе за вокзалом, за голыми прутьями деревьев, покрытых вороньими гнездами, большими и черными как манчжурские папахи. Руки сильно зябли без перчаток. Земля становилась тугой. Страшная пустота и прозрачность стояли над чердаками. В эти недолгие часы город казался отрезанным от Куликова поля стеной, высотой до самого неба. Однажды часов около десяти вечера в столовую вбежала, не снимая платка, Дуня, ходившая в лавочку за керосином, и сказала, что только что на полянке, под стеной штаба, из винтовки застрелился солдат. Она передала страшные подробности: солдат снял с правой ноги сапог, вложил дуло в рот и большим пальцем ноги спустил курок. Ему разнесло затылок.

Из окна кухни, выходившего на пустырь, Петя видел блуждающие фонари кареты скорой помощи, тени людей. Дрожа от страха и холода, он сидел на ледяном под-

оконнике, припав к облитому дождем стеклу и не в состоянии отвести глаз от этой темноты, в которой еще чудилось присутствие смерти.

На следующее утро он не смог преодолеть искушения взглянуть на страшное место. Необъяснимая сила тянула его на пустырь. По дороге в гимназию он завернул туда, осторожно, на цыпочках, как в церкви, приблизился по мокрой, гнилой траве к тому месту, вокруг которого уже стояло несколько любопытных. Вдруг под ногами мальчик заметил какой-то небольшой кружок. Он поднял его и не поверил своим глазам: это был пятак. Он был черен и пятнист, с грязным лишаем вместо орла. Разумеется, находка эта была случайна и к происшествию никакого отношения не имела. Вернее всего, пятак пролежал здесь с лета, когда его потеряли игравшие в орлянку мастеровые или обронила ночевавшая под кустиком нищенка. Однако эта монета приобрела в глазах мальчика значение как бы заколдованной, не говоря уже о том, что помимо всего это было целое богатство: пять копеек! Отец никогда не давал Пете на руки денег: он считал, что деньги легко могут развратить восьмилетнего мальчика.

Петя был вне себя от восторга. Весь этот день, волшебно озаренный находкой, превратился для мальчика в сплошной праздник. В классе пятак переходил из рук в руки. Среди товарищей нашлись люди опытные в такого рода делах. Они божились, крестясь на купола Пантелеймоновского подворья, что это не что иное, как неразменный пятак — младший брат сказочного неразменного рубля. Он должен принести Пете неслыханные богатства. Один мальчик даже предложил Пете в обмен на него завтрак вместе с корзиночкой и в придачу перочинный ножичек. Но, разумеется, Петя с грубым смехом отказался: только круглый дурак согласился бы на такую мену!

Петя, задыхаясь от нетерпения, бежал из гимназии домой, чтобы поскорее показать находку всем дома и во дворе. Какова же была его радость, когда он увидел во дворе Гаврика! Гаврик стоял на коленях, окруженный детьми, присевшими на корточки. Он обучал их модной игре в ушки. Петя еще даже не успел хорошенько поздороваться с приятелем, с которым не виделся столько времени, как тотчас был охвачен азартом. Они сыграли на пробу одну партию ушками Гаврика. Но это еще больше раззадорило Петю.

— Гаврик, дай на разживу, — сказал Петя, протягивая руку, дрожавшую от нетерпения. — Как только наиграю, так и отдам, святой, истинный крест!

— Не лапай, не купишь, — сумрачно ответил Гаврик, высыпал ушки в байковый серый мешочек и акуратно завязал его шпагатиком. — Ушки тебе — не картонки: они денег стоят. Могу продать, если хотишь.

Петя ничуть не обиделся на Гаврика и не надулся. Он прекрасно понимал, что дружба—дружбой, а каждая игра имеет свои нерушимые правила. Раз ушки стоят денег,— значит, за них надо платить деньги, и никакая дружба тут не поможет. Таков был железный закон улицы. Как же быть? Играть хотелось мучительно. Буря пронеслась в душе мальчика. Он колебался не дольше минуты, полез в карман и протянул Гаврику знаменитый пятак. Гаврик внимательно, со всех сторон, осмотрел подозрительную монету и покачал головой:

— Его никто не возьмет.

— А вот возьмет!

— А вот не возьмет!

— Дурак.

— От такого слышу. Пойди в лавочку— разменяй.

— Пойди ты разменяй.

— Чего я буду ходить? Твой пятак.

— Твои ушки.

— Не хочешь — не надо.

— Не надо!

Гаврик спокойно опустил мешочек в карман и равнодушно плюнул сквозь зубы далеко в сторону.

Тогда Петя, вне себя от нетерпения, побежал в лавочку и попросил разменять пятак.

Пока лавочник подносил к больным глазам подозрительную монету, мальчик пережил множество самых унизительных чувств, среди которых преобладало трусливое нетерпение вора, сбывающего краденое. Петя бы, пожалуй, не удивился, если бы в эту минуту в лавочку спустились городовые с шашками и отвезли его на извозчике в участок за соучастие в некоем тайном и постыдном преступлении. Наконец, лавочник кинул пятак в ящик и равнодушно выбросил на чашку весов пять копеек мелочью. Петя поспешил во двор, где Гаврик уже продавал ушки другим мальчикам. Петя купил у него на все деньги несколько штук ушек разного достоинства. Начали играть. Петя забыл все на свете. Уже на дворе стало совсем темно, когда у Пети не осталось ни одной ушки. Это было тем

более ужасно, что сначала ему страшно везло и все выигранные ушки не помещались в кармане. А теперь вдруг ни денег, ни ушек! Петя чуть не плакал. Он был в полном отчаянии. Гаврик сжалился над приятелем. Он дал ему в долг на отыгрыш две ушки-одинарки. Но Петя был слишком азартен и нетерпелив: он в пять минут проигрался снова. С Гавриком трудно было бороться! Он небрежно высыпал весь свой баснословный выигрыш в мешочек и отправился домой, сказав, что завтра зайдет опять.

О, как много их было!..

Дутые студенческие десятки с накладными орлами. Золотые офицерские пятки с чеканными орлами. Коричневые—коммерческого училища—с жезлом Меркурия, перевитого змеями и с плутовской крылатой шапочкой. Светлые мореходные со скрещенными якорями. Почтово-телеграфные с позеленевшими молниями и рожками. Артиллерийские с пушками. Судейские со столбиками законов. Медные ливрейные, величиной с полтинник, украшенные геральдическими львами. Толстые тройки чиновничьих вицмундиров. Тончайшие писарские «линки» с острыми, режущими краями, издававшими при игре комариный звон. Толстые одинарки гимназических шинелей с серебряными чашечками, докрасна вытертыми по середине. Сказочные богатства, вся геральдика Российской империи, на один счастливый миг были сосредоточены в петиных руках!

Ладони мальчика еще продолжали ощущать многообразные формы ушек и их солидный, свинцовый вес. Между тем он уже был совершенно разорен, опустошен, пущен по ветру. Он думал об ушках и только об ушках. Они стояли все время перед его глазами видением приснившегося богатства. Он рассеянно смотрел за обедом в тарелку супа, в масляных капсюлях которого отражались триста крошечных абажуров столовой лампы, но видел триста сверкающих ушек с золотыми орлами. Он с отвращением рассматривал пуговицы отцовского сюртука, обшитые сукном и не представляющие ни малейшей ценности. Вообще он только сегодня заметил, что, в сущности, живет в нищей семье, где во всем доме нет ни одной приличной пуговицы. Тетя сразу заметила странное состояние мальчика.

— Что с тобой такое? — спросила она, проницательно вглядываясь в необычайно возбужденное лицо Пети. — Может быть, тебя мальчики на дворе побили?

Петя сердито мотнул головой.

— Или, может быть, опять двоек нахватался? Так ты прямо лучше скажи, чем сидеть и мучиться.

— Да нет же! Ну что вы ко мне все пристали, я не понимаю!

— А ты, часом, не болен?

— Ой, боже мой!..

Петя даже захныкал от этих расспросов.

— Ну как знаешь. Не хочешь говорить—не надо. Страдай.

И Петя действительно страдал, ломая голову, где бы раздобыть денег, необходимых на завтрашнюю игру. Он даже неважно спал, терзаемый нетерпением поскорее отыграться. Утром он решился на тонкую хитрость. Он долго и нежно терся возле отца, просовывал голову под его локоть, целовал в красную, пористую шею, пахнущую свежестью после умывания. Отец гладил колючую головку маленького гимназиста и прижимал ее к сюртуку с отвратительными пуговицами.

— Ну что, Петюша, ну что, маленький?

Мальчик только и дожидался этого вопроса, этого нежного дрожания отцовского голоса, показывавшего, что отец теперь ни в чем не откажет, чего ни попроси.

— Папа,—сказал мальчик, выкручиваясь возле отца и с деланной застенчивостью поправляя пояс.—Папа, дай мне пять копеек...

— Для чего? — спросил отец, даже в самые нежные минуты не отказывавшийся от строгих принципов воспитания.

— Мне очень нужно.

— Нет, ты скажи, для чего?

— Нет, ты дай.

— Нет, ты скажи. Я должен знать, на что ты собираешься истратить эту сумму. На дельную, полезную вещь я тебе дам с удовольствием, а на вредную—не дам. Так вот ты мне и скажи, на что тебе нужны деньги.

Как мог Петя сказать отцу, что ему необходимы деньги для азартной игры? Разумеется, это было совершенно невозможно. Об этом нечего было и думать! Тогда Петя сделал простодушное лицо благонравного мальчика, которому хочется немного полакомиться, и тихим голосом сказал:

— Я себе куплю шоколадку.

— Шоколадку? Прекрасно! Против этого трудно что-нибудь возразить.

Петя так и просиял. Но вдруг отец молча подошел к письменному столу, отомкнул его и подал совершенно ошеломленному мальчику плитку шоколада с передвижной

картинкой на обертке, запечатанной, как конвертик, пятью сургучными кляксами. Со слезами на глазах Петя взял шоколадку и пробормотал:

— Спасибо, папочка.

Отправился в гимназию. Все же это было лучше чем ничего. Шоколадку можно было попытаться обменять на ушки.

Едва на Ближних мельницах распространился слух, что выпускают арестованных, Гаврик тотчас побежал к участку. Терентий, не ночевавший последнюю неделю дома и неизвестно откуда появившийся рано утром, проводил Гаврика до угла, сумрачный, шатающийся от усталости.

— Ты, Гаврюха, конечно, старика встреть, только, не дай бог, не веди его сюда. А то возле участка, наверное, полно тех драконов. Подцепите за собой какого-нибудь Якова, а потом провалите нам квартиру, даром людей «закапаете». Чуешь?

— Чую, — сказал Гаврик, — Только куда же я нашего старика отведу, если не на Ближние мельницы?

Терентий задумался.

— Слушай, — сказал он наконец. — Ты его перво-наперво отведи на море в хибарку. Если за вами кто-нибудь и прилипнет, то пускай видит, куда вы пошли. Пережде-те в своей халабуде до вечера, а как только смеркнет, тихонько идите прямо по тому адресу, который я тебе сейчас скажу, а ты хорошенько запоминай: Малая Арнаутская, номер пятнадцать. Зайдешь к дворнику и спросишь там Иосифа Карловича. Ему скажешь—хорошенько запоминай: «Здравствуйте, Иосиф Карлович, прислала Софья Петровна узнать, получили ли вы письмо из Николаева». Тогда он тебе ответит: «Уже два месяца нету писем». Чуешь?

— Чую.

— Повторить можешь?

— Могу.

— А ну, скажи.

Гаврик собрал на лбу прилежные складки, сморщил нос и сосредоточенно выговорил:

— Значится, Малая Арнаутская, пятнадцать, спросить у дворника Иосифа Карловича. Сказать: «Здравствуйте, Иосиф Карлович, прислала до вас Софья Петровна узнать, чи вы получили письмо с Николаева». Тогда он мне должен сказать: «Уже два месяца нету писем...»

— Верно. Тогда ты ему можешь смело сказать, что прислал Терентий и пускай он нашего старика возьмет пока что к себе и кормит его, а там видно будет. Чуешь?

— Чую.

— Ну так будь здоров.

Встретив полуживого дедушку возле участка, Гаврик отвел его в хибарку на берегу, уложил на койку и пробыл с ним до вечера. Как только стемнело, мальчик сказал:

— Пойдемте, дедушка, в одно место. Там пока поживете.

Старик поднялся, взял свою кошолку, и они пошли мимо пустых, заколоченных дач, мимо закрытого тира и ресторана в город, на Малую Арнаутскую, пятнадцать. Расспросив дворника, Гаврик без труда отыскал в темном полуподвале квартиру Иосифа Карловича и постучал в дверь, обитую рваным войлоком.

— Кто там? — послышался голос.

— Здесь квартира Иосифа Карловича?

— А что надо?

— Откройте, дядя, я к вам от Софьи Петровны.

Дверь тотчас открылась, и мальчик увидел на пороге человека с керосиновой лампочкой в руке. Он посмотрел невозмутимо на мальчика и, не двигаясь с места, сказал:

— Я Иосиф Карлович. Ну и что же дальше?

— Здравствуйте, Иосиф Карлович,—произнес мальчик тщательно, как хорошо выученный урок. — Прислала до вас Софья Петровна узнать, чи вы получили письмо с Николаева.

С удивлением осмотрев мальчика с ног до головы, на что ушло по меньшей мере минуты две, Иосиф Карлович проговорил:

— Уже два месяца нету писем. Прошу покорно, молодой человек. Этот старик, если не ошибаюсь, ваш дедушка? Заходите же в комнату.

Дедушка и внучек очутились в конуре, поразившей даже их своей нищетой. Мальчик оглядывал пустые, зеленоватые от сырости стены.

Иосиф Карлович широким жестом предложил сесть на стул и, отойдя в угол, спросил:

— Вы имеете мне что-нибудь сообщить?

Гаврик от имени брата попросил временно приютить дедушку.

— Передайте вашему брату, что все будет исполнено, пускай не сомневается, — быстро сказал Иосиф Карлович.—У меня есть в городе кое-какие связи. Я думаю, что мне удастся в конце концов устроить его ночным сторожем.

Гаврик оставил дедушку у Иосифа Карловича, обещал заходить и вышел. У дверей его нагнал хозяин.

— Передайте Терентию, — сказал он шопотом, — что Софья Ивановна просила передать, что у меня имеется порядочный запас орехов, только, к сожалению, не очень крупных, не грецких. Он поймет. Не грецких. Пусть наладит транспорт. Вы меня поняли?

— Понял, — сказал Гаврик, уже привыкший к подобным поручениям.—Не грецких, и пущай сам за ними присылает.

— Верно!

Иосиф Карлович полез в подкладку своего ужасного пиджака, порылся и подал Гаврику гривенник.

— Прошу вас, возьмите это себе на конфеты. К сожалению, больше ничего не могу вам предложить.

Гаврик серьезно и просто взял гривенник, поблагодарил и вышел на улицу, озаренную тревожным светом иллюминации.

Преступления

На другой день, утром, Петя унес из чулана две пары летних кожаных скороходов и по дороге в гимназию продал их старьевщику за четыре копейки. Когда днем явился Гаврик, мальчики тотчас расставили ушки. Петя проиграл все ушки, которые он только что купил, еще скорее чем в первый раз. Да и вполне понятно: у Пети и Гаврика были слишком неравные силы. Почти все ушки приморского района лежали в мешочке Гаврика. Он мог широко рисковать, в то время как Петя принужден был дорожить каждой двойкой и делать нищенские ставки. А это, как известно, всегда приводит к быстрому проигрышу. На другой день Петя, уже совершенно не владея собой, потихоньку взял шестнадцать копеек—сдачу, оставленную Дуней на буфете. На этот раз он решил быть умнее и осторожнее. Прежде всего для удачной игры была необходима настоящая, хорошая битка. Петина битка—большая и на вид необыкновенно красивая ливрейная пуговица с геральдическими львами и графской короной—несмотря на всю свою красоту никуда не годилась: она была слишком легкая. Ее требовалось утяжелить. Петя отправился на вокзал, пробрался на запасные пути и в отдаленном тупике, за депо, сходя с ума от страха, срезал с товарного вагона свинцовую пломбу. Дома он вколотил ее молотком в чашечку битки, а потом вынес на Куликово поле и положил под дачный поезд. Он поднял ее с рельсов — великолепно расплющенную, горячую, тяжелую. Теперь она не уступала лучшим биткам Гаврика. Вскоре пришел Гаврик, и началась игра. Мальчики сражались долго и ожесточенно. Однако оказалось, что иметь хорошую битку, этого еще мало: надо быть мастером! В конце концов Петя проиграл не только все, что у него было, но еще остался должен. Гаврик пообещался придти завтра за долгом. Для Пети наступило время, похожее на дурной сон.

— На буфете лежала сдача — шестнадцать копеек, — спокойно сказал отец вечером после обеда. — Ты их, случайно, не брал?

Кровь прилила к петиному серду и тотчас схлынула.

— Нет, — сказал он как можно равнодушней.

— А посмотри-ка мне в глаза.

Отец взял мальчика за подбородок и повернул его лицо к себе.

— Честное, благородное слово, — сказал Петя, изо всех сил стараясь смотреть отцу прямо в глаза. — Святой, истинный крест...

Холодея от ужаса, мальчик перекрестился на икону. Он ожидал, что сию же секунду разверзнется потолок и на него упадет молния. Ведь не мог же бог оставить без внимания такое наглое клятвопреступление! Однако все было тихо.

— Это очень странно, — хладнокровно заметил отец. — Значит, у нас в доме завелся вор. Мне и тете, разумеется, нет никакой необходимости тайно брать деньги с буфета. Павлик целый день на глазах у взрослых и тоже не мог этого сделать. Ты дал честное слово. Следовательно, остается предположить, что это сделала Дуня, которая у нас служит пять лет.

В это время Дуня заправляла в передней лампу. Она тотчас положила на подзеркальник стекло и тряпку. Она появилась в дверях. Не только шея, но даже обнаженные до локтей руки ее стали красными. Ее большое добродушное лицо было покрыто пятнами и искажено мукой.

— Что б мне не было в жизни счастья,— закричала она,—если тую сдачу с базара паныч не проиграл в ушки Гаврику!

Отец взглянул на Петю. Мальчик понял, что должен немедленно, молниеносно, сию же секунду сказать нечто благородное,

—Вы не имеете права так говорить!—заорал Петя.

гордое, справедливое, страшное, что мгновенно сняло бы с него всякое подозрение. Минуту назад он бы еще мог, пожалуй, сознаться, но теперь, когда дело коснулось ушек, — ни за что!

— Вы не имеете права так говорить! — заорал Петя сипнущим голосом, и яркий румянец негодования выступил на его лице.— Вы врете!—но и этого показалось ему мало.—Вы... Вы, наверное, сами... воровка!— затопав ногами, выкрикнул Петя.

Отец с грустью качал головой, не в состоянии сразу понять, что делается в душе мальчика. Покуда Дуня бестолково суетилась в кухне, собирая вещи и требуя расчета, Петя выбежал в детскую и так страшно хлопнул дверью, что на спинке кровати закачался эмалевый образок ангела-хранителя. Петя наотрез отказался просить у Дуни прощения. Он лег в постель и притворился, что у него обморок. Его оставили в покое. Отец не поцеловал мальчика на ночь. Петя слышал, как тетя уговаривала Дуню остаться и как та, всхлипывая, наконец, согласилась. Среди ночи Петя просыпался, ужасаясь своему поступку. Он готов был бежать на кухню и целовать Дуне ноги, умоляя о прощении. Однако еще большее волнение охватывало мальчика при мысли о Гаврике, который потребует завтра долг. Утром, выждав момент, когда отец повел Павлика в ванную умываться, Петя вынул из шкафа старый отцовский вицмундир. По семейному преданию, вицмундир этот был сшит папой тотчас по выходе из университета и одет всего один раз в жизни—когда папа венчался с мамой,— по настоянию маминых чопорных родственников, потребовавших, чтобы все было как у людей. С тех пор вицмундир висел, всеми забытый, в шкафу. Ушек на нем оказалось очень много, но большинство из них, к сожалению, были слишком маленькими, в игру не годившимися. Больших имелось всего четыре, но и они не оправдывали надежд: это были малоценные, толстые, белые, почти вышедшие из употребления тройки. На совесть пришитые старательным одесским портным прошлого века, они не поддавались ножницам. Петя нетерпеливо выдрал их зубами из тонкого черного сукна.

Стоит ли говорить, что и на этот раз Петю постигла в игре полная неудача. Его долг Гаврику возрос необычайно. Петя окончательно запутался. Гаврик посматривал на приятеля с мрачным сочувствием, не предвещавшим ничего хорошего.

— Ну, Петька, как же будет? — спросил он сурово.

В значении этих слов трудно было ошибиться. Их смысл был, примерно, таков:

«Что ж это ты, брат? Набрал в долг ушек и не отдаешь? Печально. Придется, видно, тебе набить морду. Дружба—дружбой, да ничего не поделаешь. Так полагается, сам понимаешь. Ушки—это тебе не картонки: они денег стоят. Уж ты на меня не сердись».

Петя и не сердился, прекрасно понимая, что Гаврик совершенно прав. Он только тяжело вздохнул и попросил еще немножечко обождать. Гаврик согласился.

Петя промучился весь вечер, ломая голову, где бы раздобыть ушек. От умственного напряжения у него даже до того разгорелись уши, что против лампы светились совершенно как рубиновые. Он перебрал тысячи способов быстрого обогащения, но все они были или слишком фантастическими или слишком преступными. Вдруг ему в голову пришла удивительно простая и вместе с тем замечательная мысль. Ведь покойный-то дедушка, мамин папа, был майор. О, как он мог это забыть?!

Не теряя времени, Петя вырвал из тетрадки лист бумаги и принялся писать бабушке, маминой маме, письмо в Екатеринослав. Осыпая бабушку ласковыми именами и сообщая о своих блестящих гимназических успехах — что, по правде сказать, было сильно-таки преувеличено,—Петя просил как можно скорее прислать ему на память майорский мундир дорогого дедушки. Хитрый мальчик отлично понимал, на какую удочку легче всего поймается добрая старушка, одинаково сильно чтившая память дедушки, героя турецкой кампании, и любившая Петю, своего старшего внучка.

Мальчик извещал ее, далее, что по примеру дедушки-героя сам твердо решил стать героем и поэтому избирает военную карьеру, а мундир, дескать, необходим для постоянного поддержания в нем воинского духа.

Петя надеялся, что на майорском мундире должна быть масса ушек. Штук двадцать, если не тридцать, отличных офицерских пятков с чеканными орлами. Это одно могло помочь ему выпутаться из долгов и, может быть, даже отыграться.

По петиным расчетам, посылка обязательно должна была получиться через неделю, не позже. Петя рассказал Гаврику все. Гаврик вполне одобрил. Мальчики вместе, став на цыпочки, опустили письмо в желтый почтовый ящик с изображением заказного пакета за пятью сургучными печатями и двух скрещенных почтовых рожков.

Теперь оставалось спокойно ждать.

В предвкушении несметных богатств Гаврик открыл Пете новый, неограниченный кредит, и Петя спокойно проигрывал будущее дедушкино наследство.

Веселое рабство

Прошла неделя, другая, а посылка от бабушки не приходила: почта работала плохо. Отец перестал получать из Москвы газету «Русские ведомости» и сидел по вечерам молчаливый, расстроенный, не зная, что делается на свете и как надо думать о событиях. Приготовительный класс распустили на неопределенное время. Петя целый день болтался без дела. За это время он успел проиграть Гаврику в долг столько, что страшно было подумать.

Однажды пришел Гаврик и, зловеще улыбаясь, сказал:

— Ну, теперь ты не ожидай так скоро своих ушек. Пошла всеобщая.

Может быть, еще месяц назад Петя не понял бы, о чем говорит Гаврик. Но теперь было вполне ясно: раз «всеобщая»,—значит «забастовка». Сомневаться же в достоверности гавриковых сведений не приходилось. Петя уже давно заметил, что на Ближних мельницах все известно почему-то гораздо раньше чем в городе. Это был нож в сердце.

— А, может, успеет дойти?

— Навряд ли.

Петя даже побледнел.

— Как же будет насчет долга?—спросил Гаврик настойчиво.

Дрожа от нетерпения поскорее начать игру, Петя поспешно дал честное, благородное слово и святой, истинный крест, что завтра, так или иначе, непременно расквитается.

— Смотри! А то знаешь...—сказал Гаврик, расставив по-матросски ноги в широких бобриковых штанах лилового, сиротского цвета.

Вечером того же дня Петя осторожно выкрал знаменитую копилку Павлика и столовым ножом извлек из нее все сбережения—сорок три копейки медью. Проделав, запершись в ванной, эту сложную операцию с удивительной ловкостью и быстротой, мальчик набросал в опустошенную жестянку множество различного гремучего хлама: гвоздиков, пломб, костяных пуговиц, железок. Это было совершенно необходимо, так как бережливый и акуратный Павлик обязательно два раза в день, утром и вечером, проверял целость кассы. Он под-

носил жестянку к уху и тарахтел копейками, наслаждаясь их звуком и весом своих сокровищ. Можно себе представить, какие вопли поднял бы он, обнаружив кражу! Но все сошло благополучно: ложась спать, Павлик потарахтел жестянкой, набитой хламом, и нашел, что все в полном порядке. Однако известно, что богатства, приобретенные преступлением, не идут человеку впрок. В три дня Петя проиграл деньги Павлика. Надежды на быстрое получение дедушкиного мундира не было. Гаврик опять стал настойчиво требовать долг.

Ежедневно, сидя на подоконнике, Петя дожидался Гаврика. Он с ужасом представлял себе тот страшный день, когда все откроется: и ушки, и сандалии, и вицмундир, и копилка Павлика. А ведь это обязательно—рано или поздно—должно обнаружиться! О, тогда будет что-то страшное! Но мальчик старался об этом не думать, сгорая от нетерпения поскорее сразиться в ушки и отыграться. Вечная и бесплодная мечта проигравшихся игроков! Ходить по улицам было опасно, но все же Гаврик обязательно появлялся и, остановившись по середине двора, закладывал в рот два пальца. Раздавался великолепный свист. Петя торопливо кивал приятелю в окно и бежал через черный ход вниз.

— Получил ушки? — спрашивал Гаврик.

— Честное, благородное слово — завтра непременно будут! Святой, истинный крест!

— Имей в виду, последний раз.

В один прекрасный день Гаврик об'явил, что ждать больше не желает. Это значило, что отныне Петя как несостоятельный должник поступает к Гаврику в рабство до тех пор, пока полностью не расквитается. Таков был жестокий, но совершенно справедливый закон улицы.

Гаврик слегка ударил Петю по плечу, как странствующий рыцарь, посвящающий своего слугу в оруженосцы.

— Теперь скрозь будешь со мною ходить,—сказал он и прибавил строго:—Вынеси ранец!

— Зачем... ранец?

— Чудак-человек, а ушки в чем носить?

И глаза Гаврика блеснули самым диким, веселым лукавством. По правде сказать, Пете весьма улыбалась перспектива такого веселого рабства: ему давно уже хотелось побродяжничать с Гавриком по городу. Но дело в том, что Пете ввиду событий самым строжайшим образом было запрещено выходить за ворота. Теперь же совесть его могла оставаться совершенно спокойной: он здесь не при чем, такова воля Гаврика, которому он обязан беспрекословно подчиняться. И рад бы не ходить, да нельзя: такие правила. Петя сбегал домой и вынес ранец.

— Надень, — сказал Гаврик.

Петя послушно надел. Гаврик со всех сторон осмотрел маленького гимназиста в длинной, до пят, шинели, с пустым ранцем за спиной. Повидимому, он остался вполне доволен.

— Билет гимназический есть?

— Есть.

— А ну, покажь!

Петя вынул билет. Гаврик его раскрыл и по складам прочел первые его слова: «Дорожа своею честью, гимназист не может не дорожить честью своего учебного заведения...»

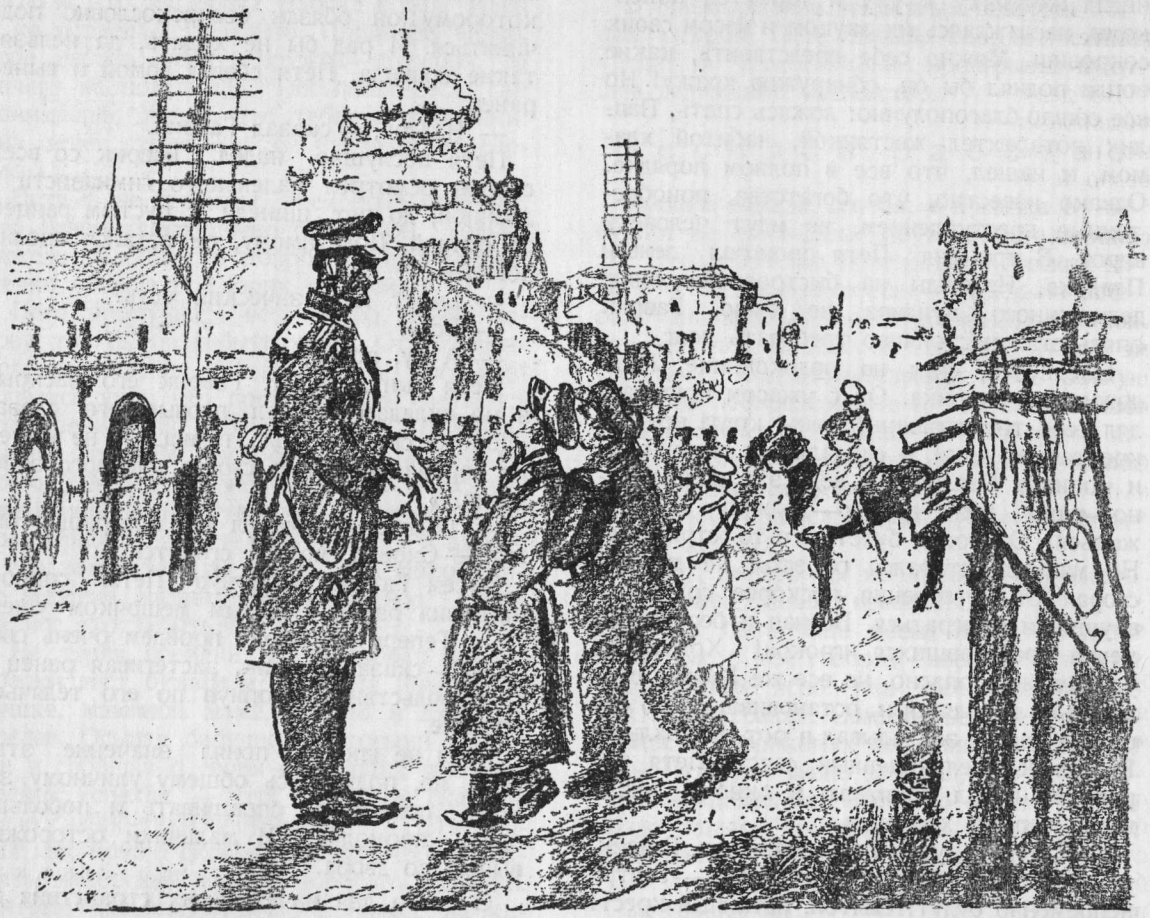
— Годится,—заметил он, возвращая билет. — Сховай, может, сгодится.

Затем Гаврик, повернув Петю спиной, нагрузил ранец тяжелым мешочком ушек.

— Теперь мы всюду пройдем очень свободно,—сказал Гаврик, застегивая ранец и с удовольствием хлопнув по его телячьей крышке.

Петя не вполне понял значение этих слов, но, подчиняясь общему уличному закону поменьше спрашивать и побольше знать, промолчал. И мальчики осторожно вышли со двора.

С этого дня начались их странствия по городу. С каждым днем ходить по улицам становилось все более опасно. Однако Гаврик не прекращал своей странной и увлекательной жизни странствующего чемпиона, наоборот: чем в городе было беспокойнее и страшнее, тем упрямее лез Гаврик в самые глухие и опасные места. С утра до вечера мальчики шлялись по каким-то черным дворам, где у Гаврика были с тамошними мальчиками различные дела по части купли, продажи и мены ушек. В одних дворах он получал долг, в других— играл, в третьих вел таинственные расчеты со взрослыми, которые, к петиному крайнему изумлению, повидимому, так же усердно занимались ушками, как и дети. Таща на спине тяжелый ранец, Петя покорно следовал за Гавриком повсюду. И опять, в присутствии Гаврика, город волшебно оборачивался перед изумленными глазами Пети, открывая тайны проходных дворов, подвалов, щелей в заборах, сараев, дровяных складов, стеклянных галлерей. Петя видел ужасающую и вместе с тем живописную нищету одесских трущоб, о существовании которых до



— Господин офицер, разрешите нам перейти на ту сторону...

этого времени не имел ни малейшего представления.

Прячась от выстрелов в подворотнях и обходя опрокинутые поперек мостовой конки, мальчики колесили по городу, посещая самые отдаленные его окраины. Благодаря петиной гимназической форме им без труда удавалось проникать в районы, оцепленные войсками и полицией. Гаврик научил Петю подходить к начальнику заставы и жалобным голосом говорить:

— Господин офицер, разрешите нам перейти на ту сторону, мы с товарищем живем вон в том большом сером доме; мама, наверное, сильно беспокоится, что нас так долго нет.

Вид у Пети в форменной шинели и ранце был такой простодушный и приличный, что обыкновенно офицер, не имевший права никого пропускать в подозрительный район, делал исключение для двух испуганных детишек:

— Валяйте, только поосторожней! Держитесь возле стен. И чтоб я вас больше не видел! Брысь.

Таким образом мальчики всегда могли попасть в любую часть города, совершенно недоступную для других.

Несколько раз они были на Малой Арнаутской улице, в старом греческом доме с внутренним двором и фонтаном ввиде пирамиды ноздреватых морских камней. Гаврик оставлял Петю во дворе, а сам бегал куда-то вниз, в полуподвал, откуда приносил множество мешочков с необыкновенно тяжелыми ушками. Он быстро набивал ими петин ранец, и они быстро убегали с этого тихого двора, окруженного старинными, покосившимися галлереями. В этом же дворе как-то Петя увидел, к своему крайнему изумлению, дедушку Гаврика. Он тихо шел через двор к фонтану на согнутых ногах с ведром в жилистой, дрожащей руке.

— Дедушка! — закричал Петя. — Послушайте, что вы здесь делаете? А я думал, что вы в участке!

Но дедушка посмотрел на мальчика неподвижными прозрачными глазами, как видно, не узнал, переложил из руки в руку ведро и прошамкал глухо:

— Я здесь теперь... Сторожу... Ночной сторож... Да...

И тихонько пошел дальше.

Мальчики заходили в порт, на Чумку, в Люковский сад, на Пересыпь—всюду, кроме Ближних мельниц. На Ближние мельницы Гаврик возвращался один после трудового дня.

Тетя и папа сошли бы, вероятно, с ума, если бы могли себе только представить, в каких местах побывал за это время Петя.

Опасные ушки

Но вот однажды настал конец этой восхитительной, но жуткой бродячей жизни. В этот памятный день Гаврик пришел раньше обыкновенного, и мальчики тотчас отправились в город. У Гаврика было серое, необычайно собранное, неподвижное лицо с пестрыми от холода, крепко сжатыми губами. Он быстро и валко шел, глубоко засунув руки в карманы своих широких бобриковых штанов, — маленький, сгорбившийся, решительный. Только в его прозрачных стоячих глазах мелькало иногда недоброе оживление. Его лицо казалось как бы миниатюрным отражением странно притихшего, пустынного города, в глубине которого мелькало движение толп и раздавались иногда выстрелы. Петя, охваченный ознобом, еле поспевал за своим другом. Мальчики почти бежали по улице, безлюдной, как во сне. Напряженное ожидание чего-то висело в сером воздухе. Шаги звонко раздавались по плиткам тротуаров. Под каблуком иногда ломалось оконное стекло льда, затянувшего сухую лужу. Вдруг где-то далеко, в центре, раздался легкий грохот. Можно было подумать, что везли на ломовике пирамиду пустых ящиков и внезапно они развязались и рухнули на мостовую. Гаврик остановился, прислушиваясь к слабому шуму эхо.

— Что это? — шопотом спросил Петя.— Ящики?

— Бомба, — сухо и уверенно сказал Гаврик. — Кого-то трахнули.

В этот день мальчики два раза заходили на Малую Арнаутскую улицу. В первый раз, «забрав товар», как выразился Гаврик, они отправились на Александровский проспект, оцепленный войсками. Их без особого труда пропустили через заставу. Пройдя несколько домов, Гаврик втащил Петю в какие-то ворота. Мальчики прошли через большой безличный двор, мимо казачьей коновязи, по пустым обоймам и винтовочным гильзам, вбитым солдатскими подошвами в тугую, промерзшую землю. Мальчики спустились в подвал и долго шли в сырой темноте мимо дровяных сараев, пока не вышли на другой двор. Из этого двора через узкую щель между двух высоких и мрачных кирпичных стен можно было пробраться еще в один двор. Как видно, Гаврик хорошо знал здесь все ходы и выходы. Щель была такая узкая, что Петя, пробираясь за Гавриком, то и дело царапал ранец о стены. Наконец, они выбрались на этот третий двор, узкий, высокий и темный как цистерна. Судя по тому, как долго пришлось сюда пробираться и сколько сделали поворотов и зигзагов, дом этого двора выходил на какую-то другую улицу. Весь двор был усеян битым стеклом и штукатуркой. Окна узкого четырехэтажного дома, окружавшего двор, были плотно закрыты ставнями. Казалось, что дом необитаем. Гулкая тишина стояла вокруг. Но за этой тишиной, по ту сторону дома, на незнакомой улице, не столько слышался, сколько угадывался тревожный шум какого-то движения. Кроме того сверху, как будто бы с неба, изредка раздавались громкие выстрелы. Петя прижался ранцем к стене и, дрожа, зажмурился. Гаврик же, неторопясь, вложил в рот два пальца и свистнул.

— Где-то наверху стукнула ставня и раздался голос:

— Стой! Сейчас!

Через минуту, показавшуюся Пете часом, из дверей черного хода во двор выскочил красный, потный человек без пальто, в пиджаке, испачканном мелом. Петя увидел и ахнул. Это был Терентий.

— Давай, давай, давай!—бормотал он, не переводя духа, и, не обращая внимания на самого Петю, он бросился к его ранцу:— Давай скорее! Спасибо, в самый раз! А то у нас ни черта не осталось!

Он нетерпеливо расстегнул ремешки ранца, переложил мешочки из ранца себе в карманы и бросился назад, успев крикнуть:

— Пущай Иосиф Карлович сейчас же еще присылает! Тащите, что есть, а то до вечера не продержимся!

— Ладно,—сказал Гаврик,—принесем.

Тут под самую крышу ударила пуля, и на мальчиков посыпалась известь. Они поспешили тем же путем назад, на Малую Арнаутскую, и взяли новую партию «товара». На этот раз ранец был так тяжел, что Петя его еле тащил. Теперь он уже, конечно, прекрасно понимал, какие это ушки. В другое время, весьма возможно, он бросил бы все и убежал домой. Но в этот день, охваченный до самого дна души страшным азартом опасности, гораздо более могущественным чем азарт игры, мальчик ни за что не согласился бы оставить товарища одного. Петя не мог отказаться от его славы. Одна мысль о том, что он будет лишен права рассказывать потом о своих похождениях, заставила его пренебречь опасностями. Гаврик и Петя поспешили назад. Но как изменился за это время город! Теперь он кипел. Улицы то вдруг наполнялись бегущим в разные стороны народом, то пустели мгновенно, подметенные залпами. Мальчики уже подходили к знакомой заставе, как вдруг Гаврик схватил Петю за руку и быстро втащил в ближайшую подворотню.

— Стой!

— Что?

Не выпуская петиной руки, Гаврик осторожно выглянул из ворот и тотчас отвалился назад, прижавшись спиной к стене с черной доской с фамилиями жильцов.

— Слышь, Петька... Дальше не пройдем... Тама ходит тот самый чорт, который мне, помнишь, ухи крутил... Смотри...

Петя на цыпочках подошел к воротам и выглянул. Возле заставы, мимо вывернутых чугунных решоток скверов, винтовок, составленных в козлы, по мостовой прогуливался господин в драповом пальто и каракулевой шляпе пирожком.

— Он меня знает, как облупленного,— сказал с досадой Гаврик.— Ни за что не пройдем.

— А, может, пройдем?

— Смеешься!

Гаврик выглянул из ворот.

— Ходит...

Гаврик сжал кулачок и стал со злостью грызть косточки пальцев.

— А они тама сидят и дожидаются... У, дракон!

В наступившей на минуту полной, глубокой тишине восстания слышались отдаленные выстрелы. Их шум перекатывался по крышам.

— Слышь, Петька,— сказал вдруг Гаврик,— понимаешь, они тама сидят и даром дожидаются... без товара... Их там всех перестреляют, очень просто... А я не могу, потому что этот чорт непременно за мной прилипнет!

Злые слезы закипели на глазах Гаврика. Он сильно потянул носом, высморкался на землю и сердито посмотрел Пете в глаза.

— Чуешь, что я тебе говорю?

— Чую,— одними губами проговорил Петя, холодея от этого сердитого, дружеского, настойчивого и вместе с тем умоляющего взгляда товарища.

— Сможешь один? Не сдрефишь?

От волнения Петя не мог выговорить ни слова. Он крупно глотнул и кивнул головой. Воровато озираясь по сторонам и выглядывая из ворот, Гаврик стал набивать петины карманы своими мешочками.

— Слышь, все отдашь, весь товар. И что в ранце отдашь и что в карманах. А если поймаешься, то молчи и отвечай, что нашел на улице и ничего не знаешь. Понял?

— Понял.

— А как только отдашь там, беги сюда обратно, я тебя буду тута дожидаться в воротах. Понял?

— Понял.

С неудобно раздутыми карманами Петя, почти ничего не сознавая от страха и волнения, подошел к заставе.

— Куда лезешь, не видишь, что ли?!— закричал усатый, бросаясь к мальчику.

— Дяденька, — захныкал Петя. — Пожалуйста, пропустите, мы живем тут недалеко, на Александровском проспекте, в большом сером доме, мама очень беспокоится, наверное, думает, что меня убили!

И совершенно натуральные слезы брызнули из его глаз, катясь по замурзанным пухлым щекам. Усатый с отвращением посмотрел на маленькую, жалкую фигурку приготовишки. Он взял Петю за ранец и, подведя к обочине мостовой, слегка поддал коленом.

— Жарь!

Петя побежал, не чувствуя под собой ног, к известному дому.

Мальчик шмыгнул в знакомые ворота и стал пробираться через двор. Проходя здесь час назад с Гавриком, Петя не испытывал особенного беспокойства: тогда он чувствовал себя под надежной защитой друга, ловкого и опытного. Он был всего лишь послушным спутником, лишенным собственной воли и избавленным от необходимости самому думать. За него думал и действовал другой, более сильный. Теперь он был совершенно один. Он мог рассчитывать толь-

ко на самого себя и ни на кого больше. И тотчас, в отсутствии Гаврика, мир стал вокруг Пети грозным, громадным, полным открытых опасностей.

Громадные казачьи лошади теснились и напирали на Петю золотистыми, атласными крупами. Чудовищные свистящие хвосты били по ранцу. Чубатые казаки в синих шароварах с красными лампасами прыгали на одной ноге, вдев другую в стремя.

— С права-а по три-и-и!— кричал осиплый голос, голос хорунжего. И, вырванная из ножон, шашка блеснула зеркальной дугой над приплюснутыми набекрень фуражками донцов.

Петя спустился в знакомый подвал. Он долго шел ощупью в душном, но холодном мраке, дыша пыльным воздухом сараев. Ужас охватывал его всякий раз, когда его глаз касалась паутина, казавшаяся крылом летучей мыши. Наконец, он выбрался на второй двор. Здесь было совершенно пусто. Только сейчас среди этой пустоты в полной мере ощутил Петя свое страшное одиночество. Он готов был броситься назад, к Гаврику, но тысячи страхов отделяли его от улицы. В знакомой щели, ведущей из второго двора в третий, стояла такая нечеловеческая тишина, что хотелось изо всех сил кричать, не щадя голоса, отчаянно, страстно, исступленно, лишь бы только не слышать этой тишины. Такая тишина бывает лишь в промежутке между двумя выстрелами. Теперь надо было сунуть в рот пальцы и свистнуть. Но вдруг Петя сообразил, что не умеет свистеть в два пальца. Плевать через зубы давно научился, а свистеть — нет. Не сообразил. Забыл. Он неловко вложил в рот пальцы и дунул, но свиста не вышло. В отчаянии он дунул еще раз изо всех сил. Ничего. Только слюни и шипение. Тогда мальчик собрал все свои душевные силы, и зажмурившись, крикнул:

— Э-э!

Голос прозвучал совсем слабо, но гулкое эхо тотчас наполнило пустую цистерну двора. Однако никто не откликнулся. Тишина стала еще страшней. Вдруг вверху что-то оглушительно щелкнуло и вниз полетело колено сбитой водосточной трубы, увлекая за собой куски кирпича, костыли, известку.

— Э-э! Э-э!— закричал мальчик изо всей мочи.

Наверху приоткрылась ставня и выглянуло незнакомое лицо.

— Чего кричишь? Принес? Беги сюда, наверх! Живенько!

И лицо скрылось. Петя в нерешительности оглянулся, но он был совершенно один и не с кем было посоветоваться. Вверху опять щелкнуло, и вниз полетел большой кусок штукатурки, разбившейся вдребезги у самых петиных ног. Вдавив голову в плечи, мальчик бросился в дверь черного хода, путаясь в полах слишком длинной, сшитой «на рост» шинели, и стал взбираться по гремучей железной лестнице наверх.

— Давай, давай, давай!— кричал сверху сердитый голос.

Тяжелый ранец больно колотил по спине. Раздутые карманы стесняли шаг. Сразу стало жарко. Внутренняя сторона кожаного козырька покрылась горячим потом. Пот лился на брови, на глаза. Лицо пылало. А раздраженный, умоляющий голос продолжал кричать сверху:

— Давай! Давай же, ну тебя к чорту!

Едва Петя, тяжело дыша и даже высунув от напряжения язык, добрался до площадки четвертого этажа, как его сразу схватил за плечи человек в хорошем, но грязном пальто с барашковым воротником, без шапки, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу. Его франтоватые усики и бородка совершенно не соответствовали воспаленному простому, курносому лицу, осыпанному известкой. Отчаянные, веселые глаза жарко блестели под побелевшими от извести колосистыми бровями. Он имел вид человека, занятого какой-то очень трудной и очень важной, даже опасной работой, которого оторвали от этой работы, и он страшно торопился назад. Он схватил Петю сильными руками за плечи, и мальчику показалось, что сейчас он его будет трясти, как папа в минуту сильного гнева. Петя даже присел от страха. Но человек торопливо спросил:

— Принес?

И, не дожидаясь ответа, втащил мальчика в пустую кухню какой-то квартиры, в глубине которой—Петя сразу это почувствовал—делалось что-то громкое и страшное, чего обычно в квартире делаться не может. Человек бегло осмотрел Петю и сразу же, не говоря ни слова, полез в его оттопыренные карманы. Он торопливо стал вытаскивать из них грузные мешочки. Петя стоял перед ним, расставив руки. Человек проворно вытащил из карманов мальчика все четыре мешочка.

— Все?— спросил он.

— Нет, еще есть в ранце.

— Молодец, мальчик!— закричал человек.— Ай, спасибо! А еще гимназист!

И он в знак восторга крепко взялся закопченной, пахнувшей порохом рукой за козырек петиной фуражки и глубоко насунул ее мальчику на самые уши.

Но в этот же миг в глубине квартиры что-то рухнуло. Рванулся воздух. С полки упала кастрюля. Человек мягким, кошачьим движением бросился в коридор, успев крикнуть:

— Стой здесь!

Через минуту где-то, совсем рядом, раздалось подряд шесть отрывистых выстрелов. Петя поскорей сбросил ранец и стал его расстегивать дрожащими пальцами. В это время из коридора в кухню, шатаясь, вошел Терентий. Он был без пиджака, в одной сорочке с оторванным рукавом. Именно этим рукавом и была перевязана его голова. Из-под перевязки по виску текла кровь. В правой руке он держал револьвер. Он увидел Петю, хотел что-то сказать, но махнул рукой и сперва напился воды, сунув опрокинутое лицо под кран.

— Принес?— спросил он, задыхаясь, между двумя глотками воды, шумно бившей в его лицо, бледное как гипс.—Где Гаврюшка? Живой?

— Живой.

Но, как видно, расспрашивать не было времени. Не вытирая с лица воду, Терентий тотчас стал выбирать из ранца мешочки.

— Не удержимся,— бормотал он, еле держась на ногах.— Будем по крышам уходить... Они тама орудие ставят... А ты, мальчик, тикай, а то тебя здесь подстрелят... Тикай скорей!

Терентий на минуту присел на табурет, но тотчас встал и, обтирая револьвер о колено, побежал по коридору туда, откуда слышалось беспрерывное хлопанье выстрелов и разбивающихся стекол. Петя схватил легкий ранец и бросился к двери. Но любопытство все-таки заставило его на минуту задержаться и посмотреть в глубину коридора. Через раскрытую настежь дверь Петя увидел комнату, заваленную сломанной мебелью. Посредине стены, оклеенной обоями с коричневыми букетами, обвалился громадный кусок штукатурки, обнаживший решотку дранки. Несколько человек, припав к подоконникам высаженных окон, часто стреляли вниз из револьверов. Среди этих людей, которых было не больше четырех человек, Петя увидел перевязанную голову Терентия и барашковый воротник человека с усиками. Мелькали еще какая-то черная косматая бурка и голубая студенческая фуражка. И все это плыло и тонуло в синеватых волокнах дыма. Человек с усиками стоял на одном колене у подоконника, на котором лежала спальная тумбочка и, поминутно высовывая наружу дергающуюся от выстрела руку, кричал бешеным осипшим голосом:

— Огонь! Огонь! Огонь!

И среди всего этого движения, беспорядка, суеты, дыма лишь один человек с закрытыми глазами и желтым равнодушным, восковым лицом и черной дыркой над закрытым глазом был совершенно неподвижен. Он неуместно лежал поперек комнаты лицом вверх, на полу, среди пустых обойм и гильз. Разбитое пенсне, зацепившееся черным шнурком за его твердое и белое ухо, лежало рядом с головой, на паркете, запудренном известкой. А еще подальше аккуратно лежала очень старая техническая фуражка с треснувшим козырьком. Петя посмотрел на этого человека и вдруг понял, что это труп. Мальчик бросился назад. Он не помнил, как добежал до подворотни, где его ждал Гаврик.

— Ну как, отнес?

— Отнес.

Петя быстро, захлебываясь, рассказал все, что видел в страшной квартире.

— Они все равно не удержатся... Будут уходить по крышам...— шептал Петя, тяжело дыша.— Там против них пушку ставят...

Гаврик побледнел и перекрестился. Первый раз в жизни Петя видел своего друга таким испуганным. Совсем недалеко, почти рядом, ударил орудийный выстрел. Железное эхо шарахнуло по крышам.

— Пропало! — закричал Гаврик в отчаянии.— Тикай!

Мальчики выскочили на улицу и побежали по городу, в третий раз изменившемуся за это утро. Теперь в нем безраздельно хозяйничали казаки. Всюду слышалось льющееся цоканье подков. Чубатые сотни донцов, спрятанных во дворах, стремительно выскакивали из ворот, лупя направо и налево нагайками. От них некуда было спрятаться: все парадные и ворота были наглухо заперты и охранялись нарядами войск и полиции. Каждый переулок представлял собой ловушку. Остатки рассеянных демонстраций бежали врассыпную, куда глаза глядят, без всякой надежды на спасение. Казаки настигали их поодиночке и рубили людей, в ужасе прижавшихся к стенам.

На Малой Арнаутской улице мимо мальчиков, по середине мостовой, пробежал че-

Через раскрытую настежь дверь Петя увидел комнату, заваленную мебелью.

ловек без пальто и шапки. Он держал подмышкой палку с красным флагом. Это был Иосиф Карлович. Он бежал, прихрамывая и бросаясь то к одной обочине, то к другой. Может быть, в другое время это и могло бы вызвать в мальчиках удивление, но сейчас это вызывало только ужас. Через каждые десять шагов Иосиф Карлович поворачивал назад страшно бледное, истерзанное лицо с безумно сверкающими глазами. За ним дробной рысью мчались два донца. Звонко выворачивались подковы, высекая из гранитной мостовой искры, бледные при дневном свете. Через минуту Иосиф Карлович оказался уже между двумя всадниками. Он пропустил их и бросился в сторону, схватившись за ручку парадного. Дверь была заперта. Он рвал ее с отчаянием, он бил в нее изо всех сил ногами, ломился плечом. Дверь не поддавалась. Казаки повернули лошадей и в'ехали на тротуар. Иосиф Карлович повернулся спиной, сгорбился, наклонив голову и обеими руками прижимая к груди флаг. Блеснула шашка. Пиджак лопнул наискось. Иосиф Карлович дернулся и повернулся. На один миг мелькнуло его искаженное болью лицо с косо подрубленными бачками.

— Негодяи! Сатрапы! Палачи!— закричал он на всю улицу грозным и страстным голосом. — Долой самодержавие!

Но в тот же миг резко и одновременно блеснули две шашки. Он упал, продолжая прижимать к груди знамя. Один из донцов наклонился над ним и что-то сделал. Через минуту оба казака уже мчались дальше, волоча за собой на веревке тело человека, оставлявшего на мостовой длинный красный, довольно яркий след.

Из переулка хлынула толпа и раз'единила мальчиков.

В этот день Петя потерял представление о времени. Когда он, наконец, добрался домой, ему показалось, что уже сумерки, а на самом деле не было еще и двух часов. В районе Куликова поля и штаба все было тихо, спокойно. События в городе доходили сюда ввиде слухов и отдаленных выстрелов. Но к слухам и выстрелам давно уже привыкли. Низкое, почти черное небо дышало крепким холодом недалекого снега. В такую пору вечер начинается с утра. В мутном, синеватом воздухе уже пролетело несколько совсем маленьких снежинок. Но твердая земля Куликова поля все еще была совершенно черной, без единой сединки. Петя вошел через черный ход, сбросил пустой ранец в кухне и осторожно пробрался в детскую. Но это оказалось напрасно: было так рано, что о нем еще и не начинали беспокоиться. Мальчик увидел тихие, спокойные комнаты, услышал почти бесшумный гуд разогнанной швейной машинки, почувствовал запах кипящего борща и вдруг ему захотелось броситься папе на шею и заплакать и рассказать все только что пережитое. Но это чувство возникло лишь на миг, тотчас уступив место новому, сдержанному и молчаливому чувству ответственности и тайны. Первый раз в жизни просто и серьезно мальчик понял, что в жизни бывают такие вещи, о которых не следует говорить даже самым родным и любимым людям, а знать про себя и молчать, как бы это ни было трудно. Отец качался в качалке, заложив за голову руки и сбросив пенсне. Петя подошел и уселся рядом на стуле, чинно сложив на коленях руки.

— Ну что, сынок, скучно ничего не делать? Скоро все уляжется, начнутся опять занятия. Пойдешь в гимназию. Нахватаешь двоек. Легче станет на сердце.

И он улыбнулся своей милой, близорукой улыбкой.

Жизнь возвращалась в свою колею. На улицах уже не стреляли. В городе была мирная тишина. Мимо дома проехала первая после забастовки трам-карета, это громоздкое и нелепое сооружение вроде городского дилижанса с громаднейшими задними колесами и крошечными передними. На вокзале свистнул паровик. Принесли «Русские ведомости», «Ниву» и «Задушевное слово». Однажды Петя посмотрел в окно. У под'езда стояла желтая почтовая карета. Сердце мальчика облилось горячим и замерло. Почтальон открыл заднюю дверцу и вынул из кареты посылку.

— От бабушки!— закричал Петя и хлопнул ладонями по подоконнику. Ах, ведь он совсем об этом забыл! Но теперь, при виде желтой кареты, он сразу вспомнил и ушки, и окончательно испорченный вицмундир, и проданные сандалии, и ограбленную копилку Павлика,— словом, все свои преступления, которые могли открыться каждую минуту. Раздался звонок. Петя бросился в переднюю.

— Не смейте трогать!— кричал он возбужденно.—Это мне! Это мне!

Действительно, на холсте было выведено крупными печатными буквами: «Петру Васильевичу Бачей в собственные руки». Ломая ногти, мальчик содрал парусину, крепко обшитую суровой ниткой. У него не хватило терпения акуратно отнять скрипучую

дощечку, прибитую длинными тонкими гвоздиками. Петя схватил кухонную сечку и грубо раскроил ящик, легкий как скрипка. Он вынул из него нечто, любовно завернутое в очень старый номер газеты «Русский инвалид». Это был офицерский сюртук.

— Дедушкин мундир!— торжественно провозгласил Петя.— Вот!

Больше в посылке ничего не было.

— Н-не понимаю...— пробормотала тетя.

— Странная фантазия посылать ребенку какие-то военные реликвии,— сухо заметил отец, пожав плечами.— Удивительно... бестактно!

— Ах, замолчите, вы ничего не понимаете! Молодец, бабушка!— воскликнул мальчик в восторге и бросился с заветным свертком в детскую. Из тончайшей шолковой бумаги блеснули старательно завернутые золотые пуговицы. Петя торопливо стал их разворачивать. Но, боже мой! Они оказались без орлов! Можно было подумать, что, пока они ехали по железной дороге, с них слетели орлы. Они были совершенно гладкие и ничем не отличались от самых дешовых солдатских одинарок. Петя, правда, насчитал их шестнадцать штук, но за всех их нельзя было получить больше трех пятаков. Что же случилось? Впоследствии, много лет спустя, Петя узнал, что таковы были офицерские пуговицы в эпоху императора Александра II — без орлов. Но кто же мог это предвидеть?

Мальчик был совершенно подавлен. Он сидел на подоконнике, равнодушно опустив на колени ненужный мундир.

К а т а с т р о ф а

Пришло рождество.

Павлик проснулся до рассвета. Для него сочельник был двойным праздником: он как раз совпадал с днем его рождения. Можно себе представить, с каким нетерпением дожидался мальчик наступления этого, хотя и радостного, но вместе с тем странного дня, когда ему вдруг сразу делалось четыре года. Вот только еще вчера было три, а уже сегодня четыре. Когда ж это успело случиться? Вероятно ночью. Павлик давно решил подстеречь этот таинственный миг, когда дети становятся на год старше. Оно проснулся среди ночи, широко открыл глаза, но ничего особенного не заметил. Все как обычно: комод, ночник, сухая пальмовая ветка за иконой. Сколько же ему сейчас лет: три или четыре? Мальчик стал внимательно рассматривать свои ручки и подрыгал под одеялом ногами. Нет. Руки и ноги такие же, как вечером, когда ложился спать. Но, может быть, немного выросла голова? Павлик старательно ощупал голову, щеки, нос, уши. Как будто бы тоже, как вчера. Странно... Тем более странно, что утром-то ему непременно будет четыре. Сколько ему сейчас? Не может быть, чтобы до сих пор оставалось три, но, с другой стороны, и не четыре; что-то непохоже. Хорошо было бы разбудить папу. Уж он-то, наверное, знает. Но вылазить из-под теплого одеяльца и шлепать босиком по полу... нет уж, спасибо! Лучше притвориться, что спишь, и с закрытыми глазами дождаться превращения. Павлик прикрыл глаза и вдруг, сам того не замечая, заснул, а когда проснулся, то сразу увидел, что ночник уже не горит и в щели ставен брезжит синеватый, темный свет раннего-раннего зимнего утра. Теперь не было ни малейшего сомнения, что уже четыре.

В квартире все еще крепко спали, даже на кухне не слышалось дуниной возни. Четырехлетний Павлик проворно вскочил с кроватки, сам оделся и, осторожно обеими ручонками открывая скрипучие двери, отправился в гостиную. Там, впотьмах, наполняя всю комнату сильным запахом хвои, стояло посредине нечто громадное, смутное, до самого полу опустившее темные лапы в провисших бумажных цепях. Павлик уже знал, что это елка. Пока его глаза привыкали к сумраку, он осторожно обошел густое бархатное дерево, еле-еле мерцавшее серебряными нитями канители. Каждый шажок мальчика чутко отдавался в елке легким бумажным шелестом, взрагиванием, шуршанием воздушной игрушки. Привыкнув к темноте, Павлик увидел в углу столик с подарками и тотчас бросился к нему, забыв на минуту о елке. Подарки были превосходные, гораздо лучше, чем он ожидал: лук и стрелы в бархатном колчане, роскошная книга с разноцветными картинками «Птичий двор бабушки Татьяны», настоящее лото. Были кроме того жестяные коробочки монпасье Жоржа Бормана, шоколадки с передвижными картинками, маленький тортик в круглой коробочке. Павлик никак не ожидал такого богатства. Полон стол игрушек и сластей—и все это принадлежит ему. Однако мальчику это показалось мало. Он потихоньку перетащил из детской в гостиную все свои старые игрушки, в том числе и ободранную Кудлатку, и присоединил к новым. Теперь игрушек было много, как в магазине, но и этого пока-

залось мало. Павлик принес свою знаменитую копилку и поставил ее по середине стола, на барабане, как главный символ своего неслыханного богатства.

Устроив эту триумфальную башню из игрушек и полюбовавшись ею всласть, мальчик снова обратился к елке. Его давно уже тревожил один очень большой, облитый розовым сахаром пряник, повешенный совсем невысоко на желтой гарусной нитке. Красота этого звездообразного пряника с дыркой по середине вызвала непреодолимое желание его скушать как можно скорее. Не видя большой беды в том, что на елке будет одним пряником меньше, Павлик отцепил его от ветки и сунул в рот. Он откусил порядочный кусок, но, к удивлению, заметил, что пряник вовсе не такой вкусный, как можно было подумать. Больше того, пряник оказался просто отвратительный: тугой, житный, несладкий, с сильным запахом патоки. А ведь по внешнему виду можно было подумать, что именно такими пряниками питаются белоснежные рождественские ангелы, в сочельник на небе поющие по нотам. Павлик с отвращением повесил обратно на елочную ветку надкушенный пряник.

Для мальчика было очевидно, что это — какое-то недоразумение. Очевидно в магазине случайно положили негодный пряник. Тут Павлик заметил другой пряник, еще более красивый, облитый голубым сахаром. Он висел довольно высоко, и пришлось подставить стул. Не снимая пряника с ветки, мальчик откусил угол и тотчас его выплюнул: до того отвратителен оказался и этот пряник. Но трудно было примириться с мыслью, что все остальные пряники никуда не годятся.

Павлик решил перепробовать все пряники, сколько их ни висело на елке. И он принялся за дело. Высунув на бок язык, кряхтя и сопя, мальчик перетаскивал тяжелый стул вокруг елки, взбирался на него, не снимая надкусывал пряник, убеждался, что пряник дрянь, слезал и тащил стул дальше. Скоро все пряники оказались перепробованными, кроме двух, под самым потолком, куда невозможно было добраться. Павлик долго стоял в раздумье, подняв голову к заманчивым пряникам. Они манили его своей недостижимой и потому столь желанной красотой. Мальчик не сомневался, что уж эти-то пряники его не обманут. Он уже подумывал, как бы поставить стул на стул и оттуда попытаться достать их. Но в это время послышался свежий шелест праздничного платья, и тетя, сияя улыбкой, вбежала в гостиную.

— А-а! Наш рожденник встал раньше всех! Что ты здесь делаешь?

— Любуюсь елкой,— скромно ответил Павлик, глядя на тетю доверчивыми, правдивыми глазами благовоспитанного ребенка.

— Ах ты, моя рыбка ненаглядная! Ну, поздравляю, поздравляю...

И мальчик очутился в горячих и нежных об'ятиях тети. А уже из кухни торопилась, красная от конфуза, Дуня, держа перед собою хрупкую голубую чашку с золотой надписью «С днем рождения». Так начался этот веселый день, которому суждено было закончиться неожиданным и страшным образом. Вечером к Павлику пришли гости — мальчики и девочки. Но все они были такие маленькие, что Петя считал ниже своего достоинства с ними не то что играть, но даже разговаривать.

Чувствуя на сердце необ'яснимую тоску и тяжесть, мальчик сидел в темной детской на подоконнике и смотрел в нарядно замерзшее окно, где среди ледяных папоротников мерцал золотой орех уличного фонаря. Зловещие предчувствия омрачали его душу. А из гостиной струился жаркий, трескучий свет елки, пылающей костром свечей и золотого дождя. Слышались подмывающие звуки фортепиано—это отец, расправив фалды и гремя крахмальными манжетами, наяривал семинарскую польку, под которую не в такт топало множество крепких детских ножек.

— Ничего, терпи казак,— сказала тетя, проходя через детскую и заметив печальную фигуру Пети. — Не завидуй. И на твоей улице будет праздник.

— Ах, тетя, вы совсем ничего не понимаете!— жалобно сказал мальчик.— Идите себе.

Но вот наступил, наконец, желанный миг раздачи с елки орехов и пряников. Дети обступили елку и, став на цыпочках, потянулись к пряникам, сияющим как ордена. Елка закачалась... Вдруг раздался звонкий испуганный детский голосок:

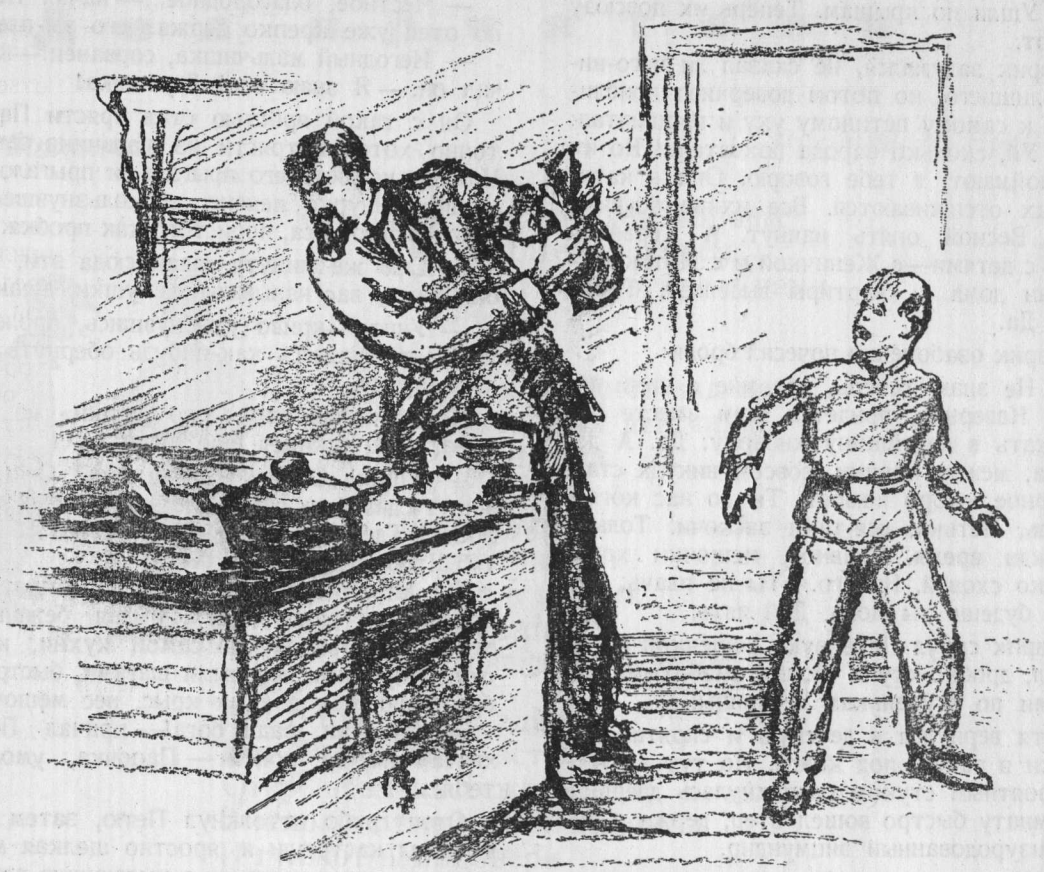
— Ой, смотрите: у меня надкусатый пряник!

— Ой, и у меня!

— У меня все об'еденные.

— Э!— сказал кто-то разочарованно.— Они вовсе уже не такие новые. Их уже один раз кушали.

Тетя стояла красная до корней волос среди постыдно надкусанных пряников, протянутых к ней со всех сторон. Наконец, ее глаза остановились на Павлике.



— Тикайте! — закричал Петя не своим голосом.

— Это ты сделал, скверный мальчишка?

— Я их только чуть-чуть надпробовал,— сказал Павлик, невинно глядя на разгневанную тетю широко открытыми глазами. И прибавил со вздохом:— Я думал, что они вкусные, а они, оказывается, только для гостей.

— Замолчишь ли ты, сорванец?!—закричала тетя, всплеснув руками, и бросилась к буфету, где, к счастью, оставалось еще много пряников, так что все обиженные тотчас были удовлетворены, и скандал удалось замять. Скоро сонных гостей стали уводить по домам. Праздник кончился. Павлик занялся приведением своих сокровищ в порядок. В это время в дверях детской таинственно появилась Дуня и поманила Петю.

— Паныч, вас на черной лестнице дожидается той скаженный Гаврик,— прошептала она оглядываясь.

Петя бросился на кухню. Гаврик сидел на высоком подоконнике черного хода, прислонившись плечом к ледяному окну, игравшему синими искрами месяца. Из-под башлыка блестели маленькие злые глаза. Мальчик тяжело сопел. В первый миг Петя подумал, что Гаврик пришел за долгом. Он уже приготовился рассказать ему о несчастье, постигшем их с дедушкиными пуговицами, и дать честное, благородное слово, что не позже, как через два дня, он расквитается. Но тот торопливо вытащил из-за пазухи ватной кофты четыре хорошо знакомых мешочка и сунул их Пете.

— Сховай и будем в расчете,— тихо и твердо сказал он.— От Иосифа Карловича остаток.

При этих словах Гаврик истово перекрестился.

— Сховай и держи, пока не пригодятся.

— Сховаю,— шопотом ответил Петя.

Гаврик долго молчал. Наконец, резко вытер кулачком под носом и сполз с подоконника:

— Ну, Петька... Будь здоров.

— А те ушли тогда?

— Ушли по крышам. Теперь их повсюду искают.

Гаврик задумался, не сказал ли чего-нибудь лишнего, но потом доверчиво приблизился к самому петиному уху и прошептал:

— Уй, сколько народа похватали! Но их не споймают, я тебе говорю. Они в катакомбах отсиживаются. Все ихние боевики тама. Весной опять начнут. А Терентия жену с детями—с Женичкой и с Мотькой—хозяин дома с квартиры выселяет. Такое дело. Да.

Гаврик озабоченно почесал брови:

— Не знаю теперь, что мне с ними делать. Наверное, придется всем вместе переезжать в дедушкину хибарку. Да. А дедушка, между прочим, совсем никуда стал. Наверное, скоро помрет. Ты до нас когда-нибудь, Петька, все-таки заскочи. Только пережди время. Главное, мешочки хорошенько сховай. Ничего. «Ты не плачь, Маруся, будешь ты моя». Дай пять.

Гаврик сунул Пете руку дощечкой и побежал, дробно стуча своими разбитыми чоботами по ступенькам лестницы.

Петя вернулся в детскую и спрятал мешочки в ранец, под книги. Но тут вдруг с невероятным стуком распахнулась дверь, и в комнату быстро вошел отец, держа в руках изуродованный вицмундир.

— Что это значит?— спросил он таким тихим голосом, что мальчик чуть не потерял сознание.

— Святой, истинный крест...— пробормотал Петя, не находя в себе силы перекреститься.

— Что это значит?!— заорал отец и затрясся багровея.

И на секунду, как бы откликаясь на гневный крик отца, из гостиной раздался раздирающий рев Павлика. Маленький мальчик вбежал, шатаясь на ослабевших от ужаса ножках, и обнял отца за колени. В руке у него была открытая копилка, полная вместо денег всякой гремучей дряни.

— П...па...п...па,— икая, лепетал Павлик. —Пе...еть...ка... обо...ик!.. обо...крал!

— Честное, благородное...— начал Петя, но отец уже крепко держал его за плечи.

— Негодный мальчишка, сорванец!—кричал он.— Я знаю все! Лгунишка!

Он с такой яростью стал трясти Петю, точно хотел вытрясти из мальчика душу. Нижняя челюсть его прыгала, и прыгало на черном шнурке пенсне, соскользнувшее с вспотевшего носа, пористого как пробка.

— Сию же минуту давай сюда эти, как они там у вас называются, чушки, душки...

— Ушки,—криво улыбнувшись, пролепетал Петя, надеясь как-нибудь обернуть дело в шутку.

Но, услышав это слово «ушки» из уст сына, отец вскипел еще пуще:

— Ушки! Отлично... Где они? Сию же минуту давай их сюда! Где эта уличная мерзость? Где эти микробы? В огонь! В плиту. Чтоб духу их не было!

Он стремительно осмотрел комнату и бросился к ранцу. Петя, рыдая, бежал за отцом по коридору до самой кухни, куда отец широкими нервными шагами, быстро и брезгливо, как дохлых крыс, нес мешочки.

— Папочка, ради бога!— кричал Петя, хватая его за локти.— Папочка, умоляю тебя!..

Отец грубо оттолкнул Петю, затем оттолкнул кастрюли и, яростно щелкая манжетами, сунул мешочки в пылающую плиту. Мальчик замер от ужаса.

— Тикайте!—закричал он не своим голосом.

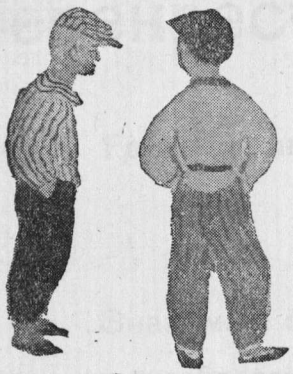
Но в этот миг в плите застреляло. Раздался небольшой взрыв. Из камфорки рванулось разноцветное пламя. Лапша полетела вверх из кастрюли и шлепнула в потолок. Плита с треском лопнула. Из трещин повалил едкий дым, в одну минуту наполнивший кухню. Когда плиту залили водой и выгребли золу, в ней нашли кучу обгоревших револьверных патронов. Но ничего этого Петя уже не видел: он был без сознания. Его уложили в постель. Он весь горел. Поставили термометр — оказалось: тридцать девять и семь десятых. У мальчика начиналась скарлатина.

□□□

Два приятеля

Сергей Михалков

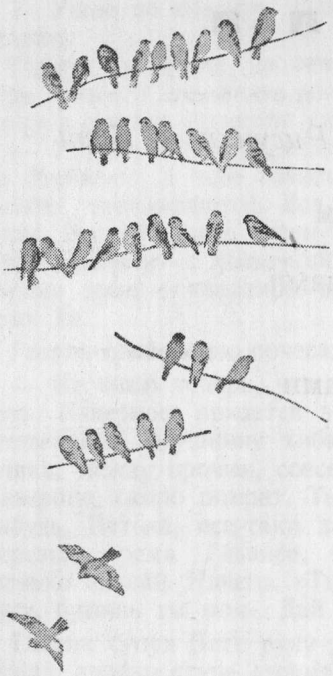
Рисунки А. Брея



Мы с приятелем вдвоем
На Остоженке живем.
И живут в квартире с нами
Два ужа
И два ежа.
Будят нас, поют над нами
Беспокойных два чижа.
И про наших
Двух ужей,
Двух ежей
И двух чижей
Знают в нашем
Новом доме
Все двенадцать этажей.

Мы с приятелем вдвоем
Без будильника встаем,
Открываем настежь двери,
В школу с книжками бежим...
И гуляют наши звери
По квартирам,
По чужим.
Забираются ужи
К инженерам в чертежи.
Управдом в постель ложится
И встает с нее дрожа:
На подушке
Не лежится:
По квартирам,
Два ежа!
Раньше всех
Чижи встают
И до вечера поют.
Дворник
Радио включает —
Птицы слушать не дают!

Тащат в шапках инженеры
К управдому
Двух ужей,
А навстречу инженерам
Управдом
Несет ежей.



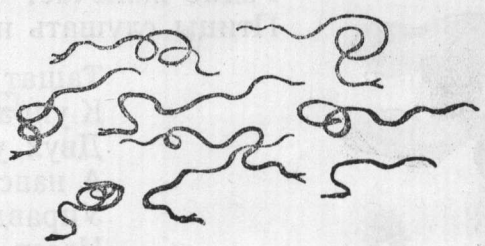
Пишет жалобу сосед:
«Нам, жильцам, покоя нет!
Зоопарк отсюда близко,
Предлагаем
Всех зверей
Сдать юнатам под расписку
По возможности скорей!»

Мы вернулись из кино,
Дома
Пусто и темно.
В доме тушатся огни,
Мы ложимся спать одни.
Еж колючий,
Уж ползучий,
Чиж певучий —
Где они?

Неужели Зоосад
Не вернет зверей назад?

Мы с приятелем вдвоем
Утром в школу не идем,
По дороге к Зоопарку
Не шумим
И не поем...
Сто чижей
Слетают с веток,
Пробегают
Сто ежей.
Только разве отличишь,
Где какой летает чиж?
Только разве разберешь,
Где какой свернулся еж?
Сто ужей
На двух ребят
Подозрительно шипят!

Солнце село.
Поздний час.
Сторожа выводят нас.



Страна-перекресток

Сергей Третьяков

Знакомые слова

Мы вышли на перрон. Нас встречали делегации трудящихся Чехословакии. Они приветствовали нас и кричали: «Адь жие Советский сваз!»

Мы торжественно шли по платформе, и нас удивляло и радовало, что мы слышим так много знакомых слов.

Вдруг сзади меня кто-то не очень громко, но настойчиво говорит: «Позор, позор!»

Я не могу понять, в чем дело, в чем позор? Оглядываюсь: идет носильщик, несет чемоданы и говорит: «Позор, позор!»

Оказывается, это значит берегись!

Оказывается, в чешском языке как будто много знакомых слов, но значение этих слов иное, чем у нас.

Например если придешь в магазин и спросишь «черствого» хлеба, дадут свежего. Скорый поезд у них называется «рыхлый влаг». Бессмертный писатель по-чешски будет «несмертельный списователь».

Был такой забавный случай.

В Чехословакию приезжал советский подводник, и ему нужно было продлить визу. Приходит он за визой, его спрашивают, кто он и чем занимается, а он отвечает:

— Я подводник.

— Как подводник? Мы подводникам паспорта не даем.

Оказывается, «подводник» по-чешски значит карточный шулер: тот, кто подводит.

Как-то раз я попробовал говорить по-чешски и назвал винтовку. Но мне сказали, что это неправильно: такого слова у них нет, а винтовка называется «пушкой». А пушка по-чешски — «дело», наше дело — «чин», а наш чин — на их языке «годность».

Вот и разберись в этих «знакомых» словах.

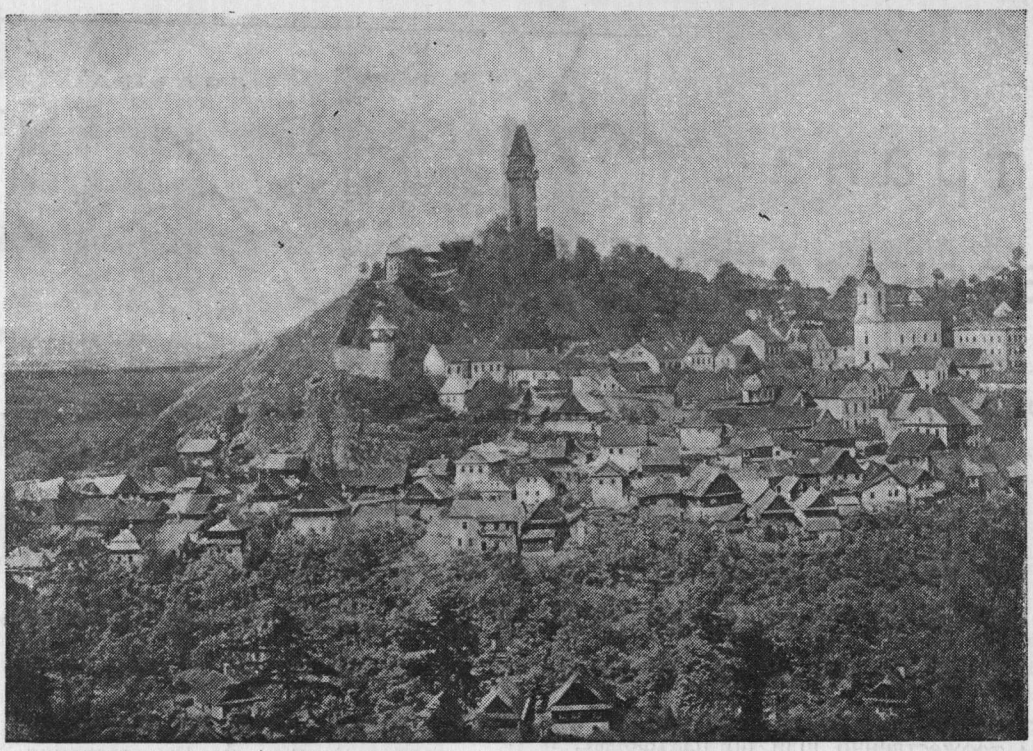
Кремневый нож

На карте Европы Чехословакия лежит как кремневый нож, острием к нам. Этот нож долгое время был направлен против Советского союза, потому что в прежние годы, когда Франция была нам враждебна, она свою союзницу — Чехословакию — натравливала на нас. Теперь дело изменилось.

От нас до Чехословакии километров двести, но на этом пути лежит полоса Польши и кусочек Румынии. Еще Чехословакия граничит с Германией, Австрией и Венгрией.

В длину эта страна без малого в 1000 километров, а поперек — самое большее 250—300. Она густо населена, трудолюбиво возделана. Города стоят близко один к другому. За несколько часов в поезде можно проехать и горы и равнины, услыхать и украинский язык, и венгерский, и словацкий, и чешский, и немецкий.

Вот город Пльзень, по-немецки Пильзен. Здесь находится громадный завод Шкода. Это орудийный, металлургический завод. Завод Шкода — один из самых больших заводов в мире. На этом заводе, например, отковывался руль самого большого в мире парохода «Нормандия». Этот руль такой громадный, что когда он лежит на земле, на нем можно в теннис играть. Он скован из двух кусков, его скрепили болтами толщиной с телеграфные столбы.



Феодальный замок и окружающие его поселения.

Во время империалистической войны у немцев была пушка, называлась она «Берта»; она обстреливала Париж, находясь за 120 километров от него. Части этой пушки делали на заводе Шкода.

Если мы поставим эту пушку где-нибудь на границе Чехословакии, повосточнее, и выстрелим, то снаряд перелетит через узенькую страну, не задев ее.

Если из этой пушки с границы выпалить по Пльзеню, то будет перелет еще километров на 40. Если эти пушки расставить по границам и палить внутрь страны, останется необстрелянной земли прямо с пятачок.

Отношения с соседями у Чехословакии неважные: она возникла в результате империалистической войны и за счет земель этих соседей. Державы-победительницы, изменяя карту Европы, выделили чехословацкие области из Германии, Австрии и Венгрии. Вот почему получилось, что в Чехословакии из 14,5 миллионов населения 3 миллиона — немцы, и этих немцев фашистская Германия всячески настраивает против Чехословакии, говоря им: «Ваша родина не Чехословакия, а гитлеровская Германия».

На германской границе происходят неприятные стычки, то и дело самолеты пролетают над страной. То и дело фашистские жандармы переходят границу, а иногда даже нападают на германских революционеров, эмигрировавших в Чехословакию. Так что здесь очень неприятное, накаленное состояние.

Примерно такое же положение и на границе с Польшей. В Чехословакии находится часть Силезии, место, богатое углем. Но Польша считает, что эта чешская Силезия должна быть у нее, и польские фашисты возбуждают поляков против Чехословакии.

Австрия сама по себе очень слаба. Поэтому там на границе спокойнее. Но Германия ждет случая, чтобы включить в себя Австрию. Против этого выступает Италия, которой выгодно, чтобы с ней граничила слабая Австрия, а не сильная Германия. Итальянским и немецким фашистам не так просто сговориться между собой: каждый друг против друга клыки точит.

На самолете от границы Германии до столицы Чехословакии — Праги — 20 минут лета. Если бы вспыхнула война и Германия захватила Австрию, трудно пришлось бы чехам. Впрочем, и чехи начеку.

Опасаясь фашистского нападения, Чехословакия включается в ряды тех держав,

которые ставят своей целью охранять дело мира и сопротивляться фашистским попыткам вызвать войну. Вот почему она связана с Францией, с которой даже не граничит. Вот почему она заключила дружеский договор с нами, зная, что мы охраняем мир.

„Злата уличка"

Я попал на пражскую улицу и сразу стал толкаться. Иду как будто правильно, а все натыкаюсь на встречных.

Оказывается, там пешеходы держатся левой стороны, а я иду по-советски — правой стороной. Так в Праге узнают иностранца. Автомобили тоже идут левой стороной, и когда едешь в первый раз в машине, то с непривычки очень страшно: кажется вот-вот на встречную машину наткнешься.

В Праге на каждом углу стоит человек и торгует сосисками, которые называются «парки» — связаны парами. Подходит усталый человек, берет сосиску, макает в горчицу и ест прямо на улице. Чем только там ни торгуют! Вся улица полна торгующего народа. Там большая безработица — люди измышляют, чем прожить. Только покупателей мало.

Чехи про себя говорят: «Мы республика молодая: нам всего 17 лет». А в действительности этой стране с того момента, когда она впервые стала государством, 900 лет.

Примерно лет 600 назад Чехия была сердцем Европы. В Праге был построен первый в Центральной Европе университет. Тогда было только три университета: в Париже, в Болонье (Италия) и в Оксфорде (Англия).

Уже в то время Прага была очень красивым городом. Все постройки, которые выросли за столетия, очень хорошо сохранились до нашего времени.

Очень интересен в Праге старый Кремль. Это — место, откуда начал строиться город. Мне там очень понравилась «Злата уличка». На ней в средние века жили алхимики. Это смешная улица; дома там маленькие: одна — две комнатки, в которые едва влезешь, а трубы над крышами громадные, и под трубой очаг. Когда-то на этих очагах алхимики делали свои опыты, стараясь найти способ производить золото. Тут им приходилось кипятить, плавить, и труба была нужна для тяги. Путь из этих домов для алхимиков был один—на жестокие казни и пытки. Им так и говорили: добудь золото—или будешь казнен. Кое-кто из них жульничал: незаметно всыпал в свой котел настоящее золото. Ему верили, что оно произведено химическим путем, платили много денег, ждали, когда он начнет производить помногу. Но обман открывался, и дело кончалось плахой.

Алхимиков давно нет, но их улица так целиком и осталась. В этой стране перемешаны разные времена. Если ехать по Чехии, то по зданиям видно, как росли города. В центре старинный замок-крепость. В нем жили феодалы, которые обрабатывали землю руками своих крепостных и воевали с соседними феодалами.

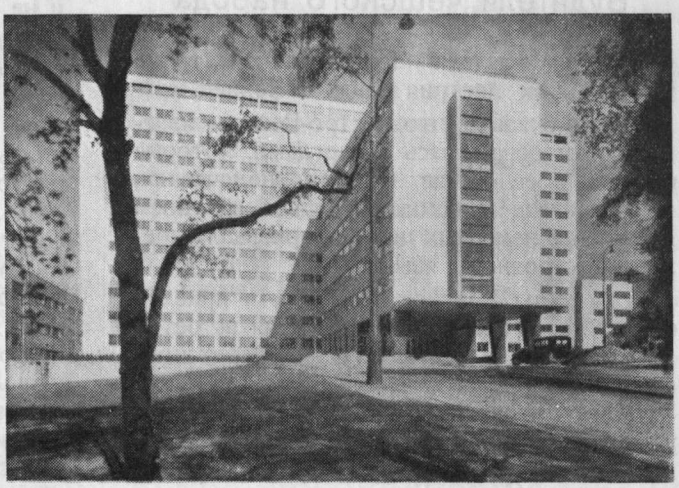
Торговцы и ремесленники селились кругом замка, создавали улицы торговой части города. А третьим кольцом идут уже современные здания.

Также и с одеждой. Есть деревни, где чешки до сих пор носят средневековые платья: юбка кринолином, как абажур, на плечах накрахмаленные буффы, как пузыри, на шее воротник кружевной, на голове высокая, вся вышитая шапка. Парни тоже носят шапки, расшитые бусами. Такие наряды передаются из поколения в поколение.

Страна-перекресток

В этой стране встречаются разные века — это страна-перекресток.

Какие только люди ни проходили сквозь



Один из современных домов в Праге.

Чехословакию. Полторы тысячи лет назад было великое переселение народов. Центральная Азия когда-то была замечательной, цветущей страной, там и сейчас в песках находят целые города.

Но Центральная Азия начала сохнуть — и началось огромное движение кочевых народов во все стороны: шли на Восток, на Юг, на Запад.

Народы проходили, гоня скот, который с'едал всю траву, а потом шли дальше и так кочевали от травы к траве. Шли эти народы, под их стадами исчезала трава, и они на своем пути сметали народы и государства. И они прошли через Чехословакию.

Из Азии и в следующие века шли народы, шли турки вокруг Черного моря и дошли до Чехословакии. Там и сейчас показывают турецкие ядра, которые застряли в стенах городов. В конце средних веков прошли через эту страну шведы, французы.

Русские тоже были там. Вы знаете Аустерлицкую победу Наполеона? Про нее Лев Толстой писал в «Войне и мире». В этом бою были и русские солдаты. Место этой битвы находится в Чехословакии, у города Брно, и там в поле стоит памятник павшим воинам.

Вы видите, как много прошло через эту страну самых разнообразных народов. И у каждого здешний народ что-нибудь перенимал, особенно в искусстве — в узоре, в песне, в ремесле.

Будители чешского народа

Венгрия владела Чехословакией точно так же, как Австрия владела Чехией.

Нужно сказать, что Австро-Венгрия издевательски обращалась с народами, которые входили в ее состав. Она их онемечивала, не позволяла в школах учиться на своем языке. А в немецких школах прививала презрение к родному языку.

Есть город Братислава. Когда я приехал в этот город читать доклад, меня встретил председатель общества друзей Советского союза. Звали этого человека Элло Шандор. Это венгерские имя и фамилия. Я очень удивился, потому что он не венгр, а словак. Оказалось, что когда он родился, власти насильно дали ему венгерское имя.

Это делалось для того, чтобы когда производили подсчет, сколько в стране венгров и сколько словаков, то выходило бы, что венгров — большинство.

Молодой словак с деревянной кружкой и половником.

Когда словаки хотели писать книги и учиться в школах на родном языке, то им отвечали: словацкого языка не было, нет и не будет!

Примерно также было и в Чехии. Дело дошло до того, что чехи почти потеряли свой язык. В течение 200 лет в Чехии не было азбуки, по которой можно было бы учиться чешскому языку, не было ни литературы, ни рассказов, ни песен. И только 100 лет назад в Чехословакии началось собственное культурное движение. Под влиянием французской революции, которая требовала освобождения народов, у передовых людей Чехословакии снова появилась гордость своим родным языком. Крупные ученые стали писать историю Чехии. Появились журналисты, писатели, поэты, писавшие по-чешски. Музыканты стали брать для своих работ родные мелодии и песни, сохранившиеся в деревне.

Отвоевать свою независимость силой Чехия тогда еще не могла: она была еще сла-

ба. Поэтому чехи шли обходным путем, укрепляя чешскую культуру. Чехия—очень музыкальная страна, там очень много поют. Вырастали большие музыканты. Они воспитывали любовь к своим песням, создавали хоровые общества. Потом к хоровым обществам присоединился театр и начал ставить пьесы на родном языке. Немецкие власти говорили: «Мы не позволим вам в государственных театрах ставить свои пьесы». Тогда чехи стали собирать деньги по всей стране и построили свой театр.

Вот таким образом, постепенно, шли чехословаки к созданию своего государства. В Праге я был на кладбище, которое называется «Славина» и на котором похоронены «будители чешского народа». Это люди науки и искусства, которые помогли чехам снова возродить свою национальную культуру.

Чехословацкие мастера

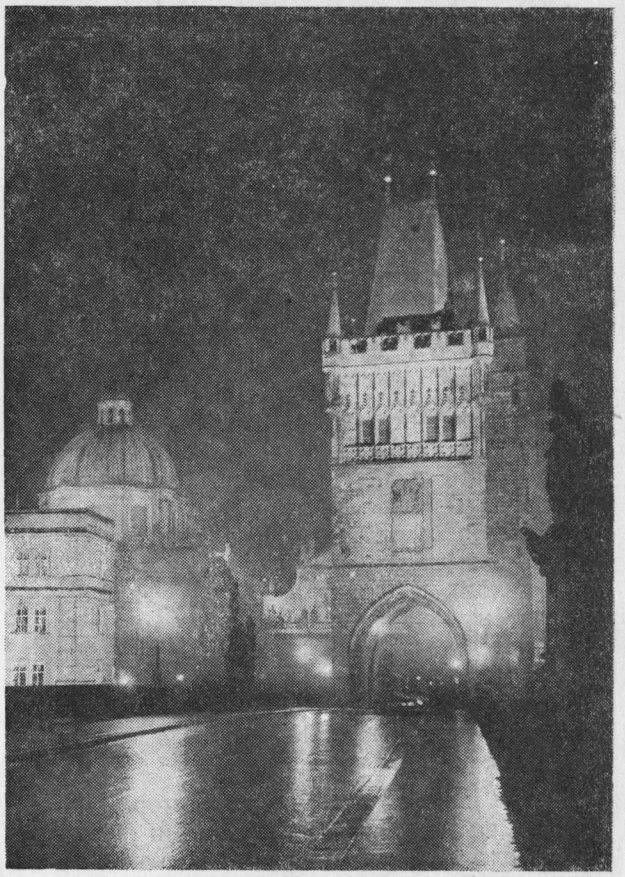
Когда вы в Европе ищете хорошего столяра, стекольщика, садовника, гончара, — чаще всего это будет чех, особенно в Австрии. Здесь почти сплошь и рядом все ремесла в руках чехов.

Когда я говорил чехам: «Вы так хорошо работаете, вероятно, потому, что вас немцы выучили»,— чехи обижались. У них с давних времен, еще до захвата немцами, было сильно развито ремесло. Я был на стекольной фабрике, где целые поколения работали по одному и тому же делу: прадед, дед, отец и сыновья занимаются тем же ремеслом.

По стеклу чехи — большие специалисты. Они выделывают самые разнообразные вещи из стекла: елочные украшения, цветы, тонкую посуду.

Также замечательна работа чешских гончаров. Например чешские фляги «чуторы», плоские с перемычкой для ремня, чтобы носить через плечо. И все расписано очень хорошими узорами. У них есть статуэтки разбойников. Народ был угнетенным, и разбойник становился в глазах народа героем. Такие разбойники назывались «шугаи». Эти шугаи очень часто встречаются в росписях на их керамике.

И на чешских лубках любили изображать шугаев. Например есть лубки, как знаменитый шугай Яничек принимает к себе в банду новых членов. Нарисован костер, и через костер скачет усатый дядя с пистолетами. Он должен на скаку отстрелить сразу две верхушки елок.



Средневековая башня у моста в Праге.

Чехи делают много игрушек кустарной деревенской выработки. Например лошадок, свистулек, петушков. Очень частая вещь в деревне — кукольный театр. Куколки сделаны на нитках—марионетки. Это очень хорошие марионетки.

Они и зародились частью в Германии, частью в Чехии. С этими куклами разыгрывают целые спектакли. Игра их проста и каждому понятна.

Искусство народа растет из самых его глубин, из деревень.

Есть деревни, в которых делают куклы; есть деревни, где рисуют лубки, плетут великолепные кружева.

Подземная река

Хочу рассказать вам про Мацоху. Это замечательная пещера, по которой течет подземная река Пунква.

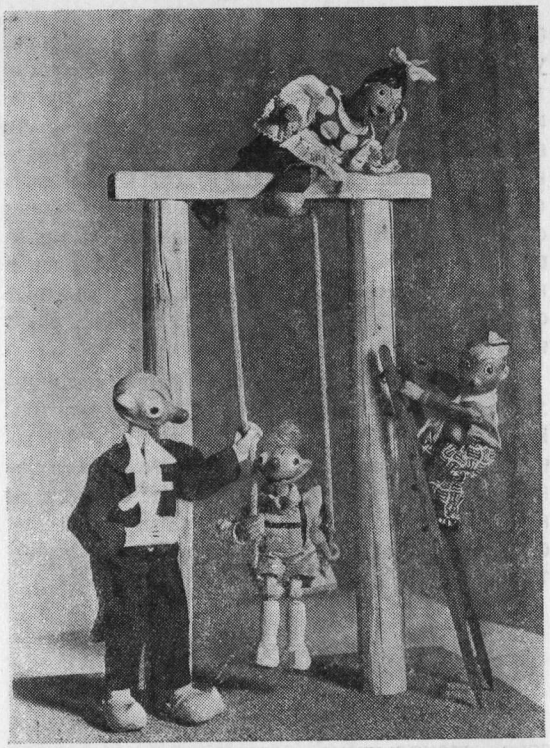
Около Брно есть известковые горы, источенные внутри водой, ноздреватые как сыр. Мы приехали туда, полезли по железной лестнице на обрыв, а когда дошли до средины обрыва, увидели дверь. Входим. Там довольно светло, но сыро, слышно: капли падают. Видим: в углу висит серая полупрозрачная, светящаяся занавеска. Трогали—она твердая. Оказывается, это сталактиты особого вида, а за ними электрические лампочки. Проходим дальше—и опять видим сталактит. Только этот висит с потолка, как огромная грязносерая морковь. А навстречу ему с пола подымается мокрый известковый пенек — сталагмит.

Настоящий сталактит — это тонкая стеклянная соломинка-трубочка. Капля течет внутри этой трубочки; известь, растворенная в капле, оседает правильно по краям трубки. Но бывает, что в нее попадет соринка, и тогда капля начинает искать другого выхода, вытекает наружу трубки, оставляет на ней известь, утолщает ее. Так образуется целая «морковь». Кое-где особо нежные сталактиты огорожены решотками, чтоб туристы не поломали. Эта известковая соломка очень нежна. И все это освещено электрическими лампочками.

Потом, пройдя километра полтора под землей, выходим на дневной свет и поднимаем голову. Оказывается, мы находимся в кратере. Это и есть Мацоха. Тут была когда-то гигантской вышины пещера, но потолок ее провалился — получился кратер. На дне его озерко. Его питают подземные ручьи, из него выбегает речка и ныряет в проточенную дыру. Пошли боковым ходом опять под землю, пришли к пристани в пещере. Сели в плоскую лодку и поехали по подземной реке. Стало темно. Только в воде что-то светится: это под водой электрические лампочки горят. Сначала мелко — видно дно. Затем вдруг вода становится мутноголубой — в этом месте провал на тридцать метров. Дно уходит вниз. Там, внизу, под нашим дном, оказывается, идет вторая пещера, но уже вся наполненная водой. Оказывается, река течет в два яруса. В провал погружены очень сильные лампы, и видно, как бока этой пещеры уходят вниз и загибаются.

Завтрашние хозяева Чехословакии

Какие талантливые и жизнеспособные народы живут в этой маленькой стране и как



Куклы-марионетки из кукольного театра.

они сумели сохранить свое родное несмотря на порабощение, тянувшееся многие столетия!

Но эта страна сильна не только своим искусством и ремеслами, она сильна и своей техникой, фабриками, заводами.

Первый инженерный институт в Европе был создан в Чехии. Там же была построена первая железная дорога на материке, после того, как изобретатель паровоза Стефенсон впервые пустил свой поезд.

Чех же строит и первую железную дорогу у нас в России.

В Чехословакии были изобретены и пароходный винт, отвальный плуг, паровая турбина и много других замечательных технических приспособлений.

На заводах и фабриках этой страны вырос сильный рабочий класс, который борется за свое будущее. Во главе стоит коммунистическая партия — третья по силе в их парламенте, — гораздо сильнее социал-демократов.

В Чехословакии есть и пионеры.

Я вам расскажу про свою встречу с пионерами в Праге.

В день Октябрьской революции пришли делегаты от пражских пионеров поздравить нашего полпреда. Я пришел, когда они сидели на полу, повязанные платками и в широких спортивных штанах.

Плотно прижавшись один к другому, они пели:

«Кококодач!
Кококодач!
Вот мы вырастем!
Кококодач!
Кококодач!
Пана выживем!»

Эти кудахтающие куплеты — песня «Ленинских цыплят», как называют себя чехословацкие октябрята.

Я узнал, что в Праге 500 пионеров и что каждый отряд носит имя человека или события, связанного с Великим октябрем. Есть «сталинцы», «димитровцы», «ворошиловцы». «Буденновцы» поют:

«Далекая Русь,
Широкая Русь.
Шляхом
Едет корпус конный.
Далекая Русь,
Широкая Русь.
Конников удалых
В бой ведет
Буденный!

У каждого отряда своя песня и свое знамя. У «буденновцев» — голубое, с белой подковой. У отряда имени Либкнехт — Люксембург на флаге — значок антифашистского фронта. У отряда имени Карла Маркса на синем знамени — красная книга. Это «Капитал». У отряда «красных партизан» на зеленом знамени — силуэт конника.

Есть отряд имени Чапаева. «Чапаевцы» поют:

«Бей, пулемет,
По степи, по белой!
Вылети ветром,
Красный смерч!
Бедному люду
Счастье добуду,
Хлеб и свободу,
А белым — смерть!
Раз, два,
Все вперед!
Раз, два,
Все вперед!
С гневом и песней
В бой вступай,
За революцию
Ведет Чапай!»

Тексты песен короткие, мелодия легко запоминается. Ребята сами складывают стихи. Сами подбирают музыку. Чаще всего — из народных песен, которыми так богата Чехословакия.

Есть отряд «Краснаржевых волчат». Краснарж — один из самых славных коммунистов Чехословакии, руководитель движения безработных.

На белом знамени отряда «тельмановцев» — черный переплет тюремной решотки. Их песня звучит подобно звуку сигнального горна:

«Гитлер в Германии
Власть забрал.
В плен взял Тельмана,
Заковал!
Бейся, товарищ!
Спасай его —
Тельмана
Нашего!»

Потом поют свою песню «челюскинцы»:

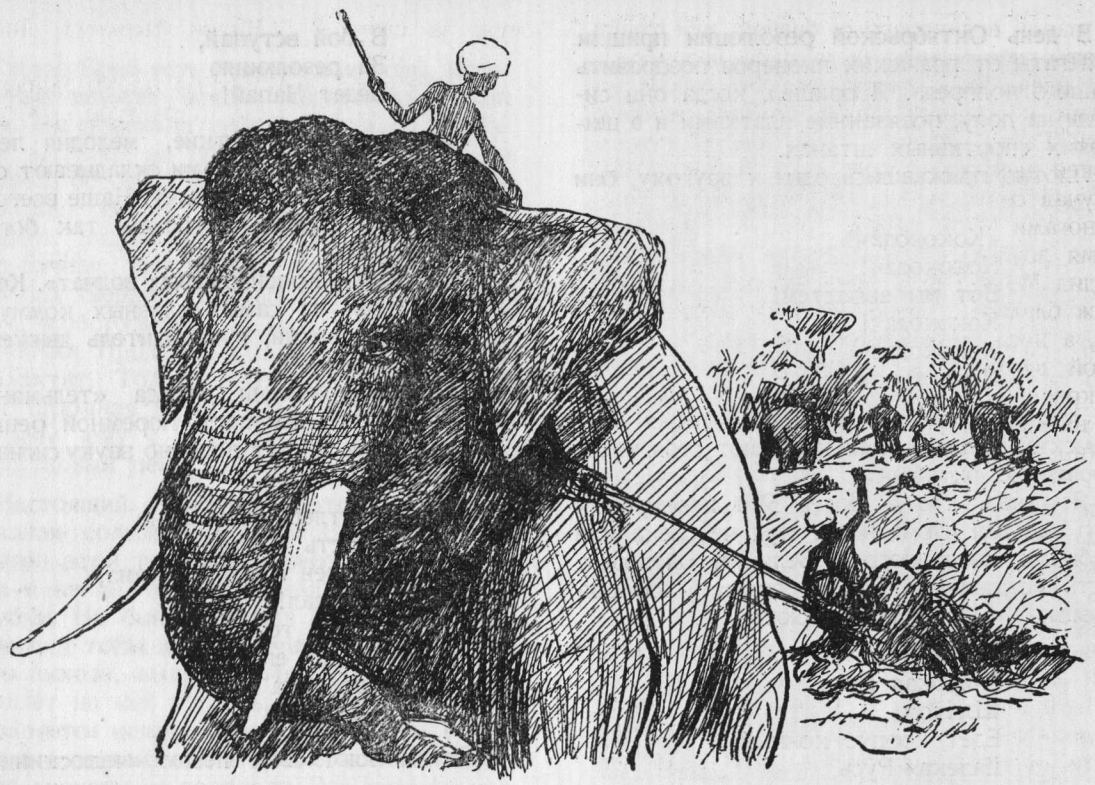
Воет
Полярный океан.
Буря
Свирепо гонится.
Льдами
В кольцо зажатый,
«Челюскин» доблестный
Идет в поход.
Полярным светом
Багрятся лица
Тех, кто отправились
В опасный лед.
Режет
«Челюскин» море.
Профессор Отто Шмидт
Его ведет».

Очень хороша их песня. А знамя — белый медведь на голубом фоне.

Перепев отрядные, поют другие песни. Но ноги хотят размяться, и вот, откатив ковры, выбегают на середину комнаты, и начинается пляс. А если мешают неудобные туфли, то их тут же сбрасывают и отбивают босиком чечотку.

Прощаемся долго. Выходят не торопясь. Идут по улицам Праги серьезные и крепкие.

Идут будущие хозяева Чехословакии!



Мятежник Моти Гадж

Рассказ Редиарда Киплинга *Рисунки П. Митурича*

Перевод М. Кондратьевой

Жил некогда в Индии один плантатор, собиравшийся расчистить участок леса под кофейные плантации. Когда он срубил все деревья и выжег подлесок, оставались еще пни. Динамит дорог, огонь действует медленно. Лучшее орудие для корчеванья пней — владыка всех зверей — слон. Он либо выкапывает пень из земли своими бивнями, если сохранил их, либо вытаскивает пень при помощи канатов. Итак, плантатор стал нанимать слонов поодиночке, по паре, по три и приступил к работе. Лучший из слонов принадлежал худшему из погонщиков, или махаутов. Звали это великолепное животное Моти Гадж, что значит в переводе «Слон-жемчужина». А хозяин его был беспутный малый, и звали его Диса. Заработав много денег силами своего слона, он вдребезги напивался и бил Моти Гаджа шестом от палатки по чувствительным ногтям передних ног. Моти Гадж в этих случаях не затаптывал Дису досмерти, ибо знал, что после побоев Диса будет обнимать его хобот, плакать и называть его своей любовью, своей жизнью, печенью своей души и даст ему выпить какого-нибудь крепкого напитка. Моти Гадж очень любил спиртные напитки, особенно арак, впрочем, он охотно пил и пальмовое вино, если ничего лучшего не предлагали. Потом Диса ложился спать между передними ногами Моти Гаджа, и так как Диса обычно располагался на середине большой дороги, а Моти Гадж сторожил его, не пропуская ни конных, ни пеших, ни повозок, то движение останавливалось, пока Диса не соблаговолит проснуться.

Днем на плантаторской вырубке спать не приходилось: нельзя было рисковать большим жалованьем. Диса сидел на шее Моти Гаджа и отдавал ему приказания, а Моти Гадж выкорчевывал пни, ибо он вла-

дел парой великолепных бивней, или тянул канаты, ибо у него была пара великолепных плеч. Диса хлопал его по голове за ушами и называл царем слонов. Вечером Моти Гадж запивал свои триста фунтов свежей зелени квартой арака, а Диса тоже получал свою долю и пел песни, сидя между ногами Моти Гаджа, пока не наступало время ложиться спать. Раз в неделю Диса уводил Моти Гаджа вниз, на реку, и Моти Гадж блаженно лежал на боку среди отмелей, а Диса прохаживался по нему с кокосовой шваброй и кирпичом. Моти Гадж прекрасно отличал тяжелый удар кирпича от шлепка шваброй, возвещающего, что нужно встать и перевалиться на другой бок. Потом Диса осматривал его ноги и глаза и отвертывал края его огромных ушей, ища, нет ли где язв или не началось ли воспаление глаз. После осмотра Моти Гадж весь черный и блестящий, держа хоботом сорванную с дерева двенадцатифутовую ветвь, махал ею, а Диса закручивал узлом свои длинные, мокрые волосы.

Мирная, хорошо оплачиваемая работа продолжалась, пока Диса не ощутил потребности напиться вдребезги. Он жаждал настоящей оргии.

Он подошел к плантатору и сказал, плача:

— Моя мать умерла.

— Она умерла на прежней плантации два месяца назад, а еще раз умерла до этого, когда ты работал у меня в прошлом году,— сказал плантатор, несколько знакомый с повадками Дисы.

— В таком случае это моя тетка: она была мне все равно что мать, — еще горше заплакал Диса. — Она оставила восемнадцать человек маленьких детей совершенно без хлеба, и я обязан наполнить их животики, — продолжал Диса, стукаясь головой об пол.

— Кто тебе сообщил об этом? — спросил плантатор.

— Почта, — ответил Диса.

— Почты не было уже целую неделю. Ступай обратно на свой участок.

— На деревню мою напала опустошительная хворь — и все жены мои умирают, — завопил Диса, теперь уже искренно заливаясь слезами.

— Кликните Чихана, однодеревенца Дисы, — приказал плантатор. — Чихан, есть у этого человека жена?

— У него! — воскликнул Чихан, — нет. Ни одна женщина из нашей деревни и не взглянет на него. Они скорее выйдут замуж за слона. — Чихан фыркнул Диса плакал и ревел.

— Еще минута — и тебе плохо придется, — обратился к нему плантатор. — Ступай на работу.

— Ну, теперь я скажу всю истинную правду, — вдохновенно всхлипнул Диса. — Я уже два месяца не напивался. Я хочу уйти, чтобы основательно выпить вдали от этой небесной плантации. Так я не причиню никакой неприятности.

По лицу плантатора пробежала улыбка.

— Диса, — начал он, — ты сказал правду, и я сейчас же отпустил бы тебя, кабы можно было справиться с Моти Гаджем в твое отсутствие. Ты знаешь, что он слушается только тебя.

— Да живет Сиянье Небес сорок тысяч лет! Я уйду только на десять коротких дней. По прошествии их, — клянусь моей верой, и честью, и душой! — я вернусь. Что же касается незначительного промежутка времени, то не соизволит ли небеснорожденный милостиво разрешить мне позвать Моти Гаджа?

Разрешение было дано, и в ответ на пронзительный крик Дисы величественный бивненосец выплыл из тени рощицы, где он обсыпал себя струей пыли в ожидании хозяина.

— Свет моего сердца, покровитель пьяниц, гора мощи, приклони ухо, — произнес Диса, становясь перед слоном.

Моти Гадж приклонил ухо и в знак приветствия помахал хоботом.

— Я ухожу, — промолвил Диса.

Глаза Моти Гаджа блеснули. Он не меньше хозяина любил прогулки. В этих случаях всегда удается срывать разного рода вкусные вещи, растущие по краям дороги.

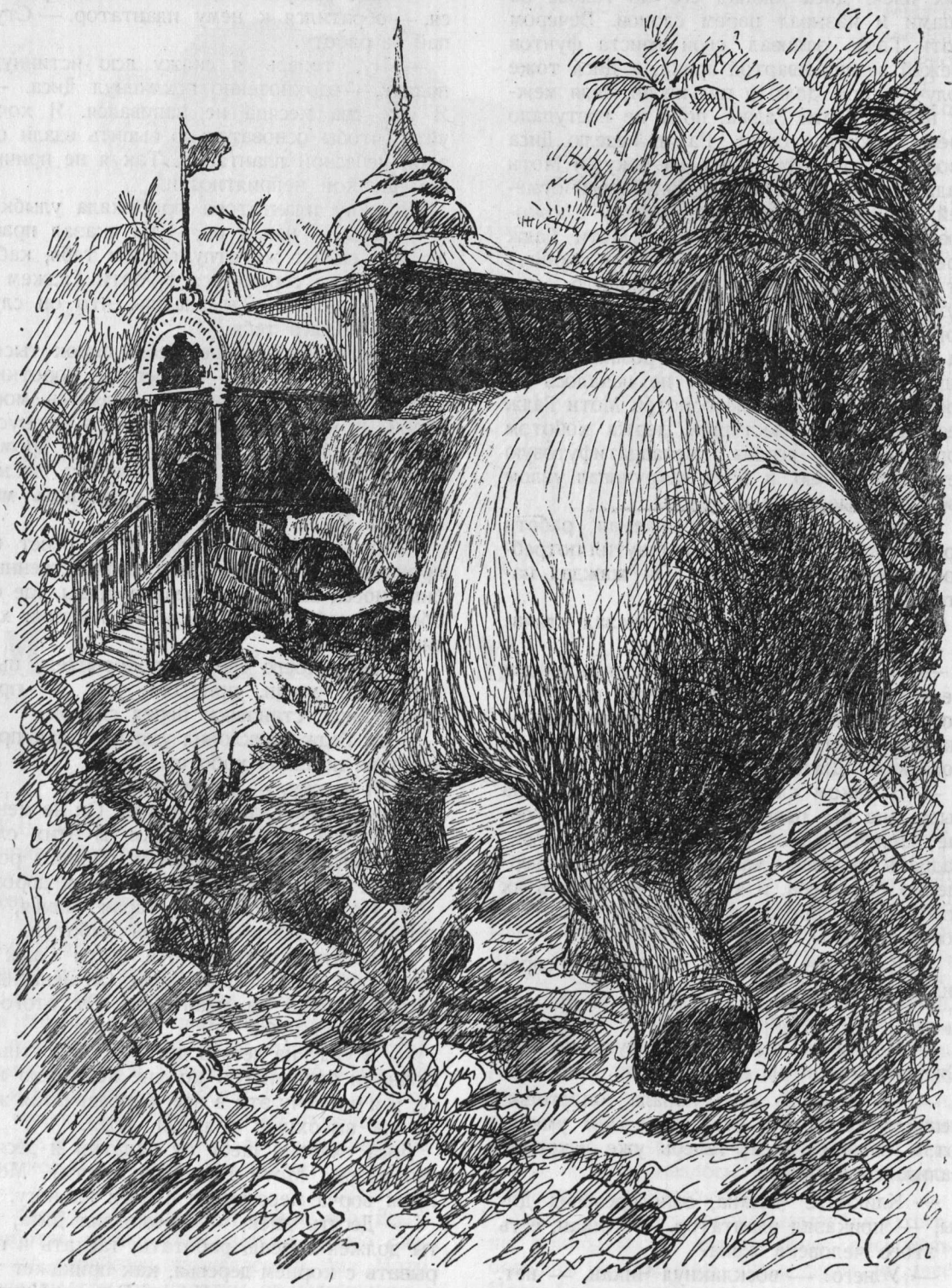
— Но ты, головастая старая свинья, ты останешься здесь и будешь работать.

Блеск глаз потух, хотя Моти Гадж и старался казаться довольным. Он ненавидел таскание пней на плантации. От этого у него болели зубы.

— Я уйду на десять дней, о Сладостный! Подними ближайшую ко мне переднюю ногу, и я вколочу это в нее, бородавчатая жаба из высохшей грязной лужи.

Диса схватил шест от палатки и десять раз ударил Моти Гаджа по ногтям. Моти Гадж ворча переступал с ноги на ногу.

— Десять дней, — промолвил Диса, — ты должен будешь работать, таскать и вырывать с корнем деревья, как прикажет тебе вот этот человек, Чихан. Возьми Чихана и посади его себе на шею.



Моти Гадж оказал белому человеку честь, прогнав его чуть ли не четверть мили по вырубке и загнав его на веранду.

Моти Гадж подвернул конец хобота, Чихан поставил на него ногу и был поднят на шею слона. Диса передал Чихану тяжелый анкус — железную палку, которой погоняют слонов.

Чихан стукнул Моти Гаджа по лысой голове, как мостильщик бьет по булыжнику.

Моти Гадж затрубил.

— Утихни, кабан из дремучего леса! Чихан будет десять дней твоим махаутом. А теперь попрощайся со мной, зверь моего сердца. О мой владыка, царь мой! Драгоценнейший из всех сотворенных слонов, лилия стада, береги свое почтенное здоровье, будь добродетелен! Прощай!

Моти Гадж обвил хоботом Дису и два раза поднял его на воздух. Так он всегда прощался с хозяином.

— Он теперь будет работать, — уверил Диса плантатора. — Можно мне уйти?

Плантатор кивнул головой, и Диса нырнул в чащу леса.

Моти Гадж опять принялся вытаскивать пни. Чихан обращался с ним очень хорошо, но несмотря на это слон чувствовал себя несчастным и одиноким. Чихан кормил его катышками из пряностей, после работы ребенок Чихана ласкался к нему, а чиханова жена называла его милашкой, но Моти Гадж был природным холостяком. Он не понимал семейных радостей.

Ему хотелось вернуть свет своей жизни — хмель, и хмельной сон.

Тем не менее он, к удивлению плантатора, хорошо работал. Диса же бродил по дорогам, пока не наткнулся на свадебный поезд людей своей касты, и тут он, пьянствуя, танцуя и кутя, понесся по течению, потеряв всякое представление о времени.

Настал рассвет одиннадцатого дня, но Диса не вернулся. Моти Гаджа отвязали, чтобы начать дневную работу. Он отряхнулся, огляделся, пожал плечами и пошел прочь, словно у него было дело в другом месте.

— Хай! Хо! Ступай назад, ты! — кричал ему вслед Чихан. — Ступай назад и подними меня на свою шею, гора злосчастья. Вернись, о великолепие горных склонов, краса всей Индии, подними меня, нето я отобью тебе все пальцы на твоей жирной передней ноге!

Моти Гадж мягко заворчал, но не послушался. Чихан помчался за ним с веревкой и поймал его. Моти Гадж насторожил уши и Чихан знал, что это значит, хоть и пытался еще бороться при помощи ругательств.

— Не дурить у меня! — кричал он.— Назад в загон, сын дьявола!

— Хррамп! — произнес Моти Гадж и этим ограничился, но уши остались насторожены.

Приняв небрежный вид и жуя ветку, служившую ему зубочисткой, Моти Гадж стал слоняться по вырубке, насмехаясь над другими слонами, которые только что принялись за работу.

Чихан доложил о положении дел плантатору, тот вышел из дома с собачьей плеткой и яростно щелкал ею. Моти Гадж оказал белому человеку честь, прогнав его чуть ли не четверть мили по вырубке и своими «хрампами» загнав его на веранду. После этого он стоял около дома, смеясь про себя и трясясь всем телом от смеха, как это обычно делают слоны.

— Мы его отхлестаем, — решил плантатор. — Он получит самую лучшую трепку, какая доставалась когда-либо слону. Дайте Кала-Нагу и Назиму по двенадцатифутовой цепи и велите им отвесить ему по двенадцати ударов.

Кала-Наг — что значит «Черный змей»— и Назим были самыми крупными слонами на всем участке, и в число их обязанностей входило исполнение важнейших наказаний, ибо ни один человек не может как следует побить слона.

Они взяли хоботами предназначенные для порки цепи и, гремя ими, двинулись к Моти Гаджу, намереваясь стиснуть его с обеих сторон. Моти Гаджа не секли ни разу в продолжение всей его тридцатидевятилетней жизни, и он не собирался приобретать новый опыт. Поэтому он стоял в ожидании, покачивая головой справа налево и целясь на то место в жирном боку Кала-Нага, куда его бивень мог проникнуть глубже всего. У Кала-Нага не было бивней. Знаком его власти служила цепь, но в последнюю минуту он счел за лучшее отойти подальше от Моти Гаджа и притвориться, будто принес цепь только ради потехи. Назим повернулся и быстро ушел домой. В это утро он не был расположен драться, и Моти Гадж остался стоять одиноким с приподнятыми ушами.

Это заставило плантатора прекратить спор, и Моти Гадж возобновил свой любительский осмотр вырубки. Когда слон не хочет работать и не привязан, с ним, приблизительно, так же легко справиться, как с корабельной пушкой весом в восемьдесят

Диса крикнул на таинственном, слоновьем языке.

одну тонну, оторвавшейся во время сильной морской качки. Он хлопал старых приятелей по спине и спрашивал их, легко ли выдергиваются пни, нес чепуху о работе и неот'емлемом праве слонов на долгий полуденный отдых; бродя взад и вперед, он успел перемутить все стадо еще до заката, когда вернулся в свой загон на кормежку.

— Не хочешь работать, — не будешь есть, — сердито отрезал Чихан. — Ты дикий слон, а вовсе не обученное животное. Ступай в свои джунгли.

Крошечный коричневый ребенок Чихана, перекатываясь по полу хижины, протянул пухлые ручонки к огромной тени в дверях. Моти Гадж отлично знал, что это существо было дороже всего на свете Чихану. Он вытянул вперед свой хобот с соблазнительно закрученным концом, и коричневый ребенок с криком бросился на него. Моти Гадж обнял его, поднял вверх— и вот смуглый младенец уже ликовал в воздухе, на двенадцать футов выше головы своего отца.

— Великий владыка! — произнес Чихан, — самые лучшие лепешки числом двенадцать, по два фута в поперечнике и вымоченные в роме будут твоими сейчас же, кроме того двести фунтов свежесрезанного, молодого сахарного тростника. Соизволь только благополучно спустить вниз этого ничтожного мальчишку, который для меня — как сердце мое и жизнь моя.

Моти Гадж удобно устроил смуглого младенца между своими передними ногами, способными растоптать и превратить в зубочистки всю чиханову хижину, и стал ждать пищи. Он с'ел ее, а коричневый ребенок уполз. Моти Гадж дремал, думая о Дисе. Одно из многих таинственных свойств слона заключается в том, что огромному его телу нужно меньше сна, чем всем прочим живым существам. Ему довольно четырех или пяти часов сна за ночь: два часа перед полночью он лежит на одном боку, два после часу ночи — на другом. Прочие часы безмолвия заполняются едой, возней и долгими ворчливыми монологами.

В полночь Моти Гадж вышел из своего загона, ибо ему пришло в голову, что Диса лежит пьяный, где-нибудь в темном лесу и некому присмотреть за ним. И вот он

целую ночь шлялся по зарослям, пыхтя, трубя и тряся ушами. Он спустился к реке и затрубил над отмелями, где Диса имел обыкновение купать его, но ответа не было. Дису он найти не смог, но зато переполошил всех слонов на участке и чуть не до смерти напугал каких-то цыган в лесу.

На рассвете Диса вернулся на плантацию. Он действительно здорово попьянствовал и ждал неприятностей за просрочку отпуска. Он облегченно вздохнул, увидев, что дом и вся плантация целы и невредимы (ведь он кое-что знал о характере Моти Гаджа), и пошел доложить о себе, сопровождая свою речь многочисленными поклонами и враньем. Моти Гадж ушел завтракать в загон. Он проголодался после ночной прогулки.

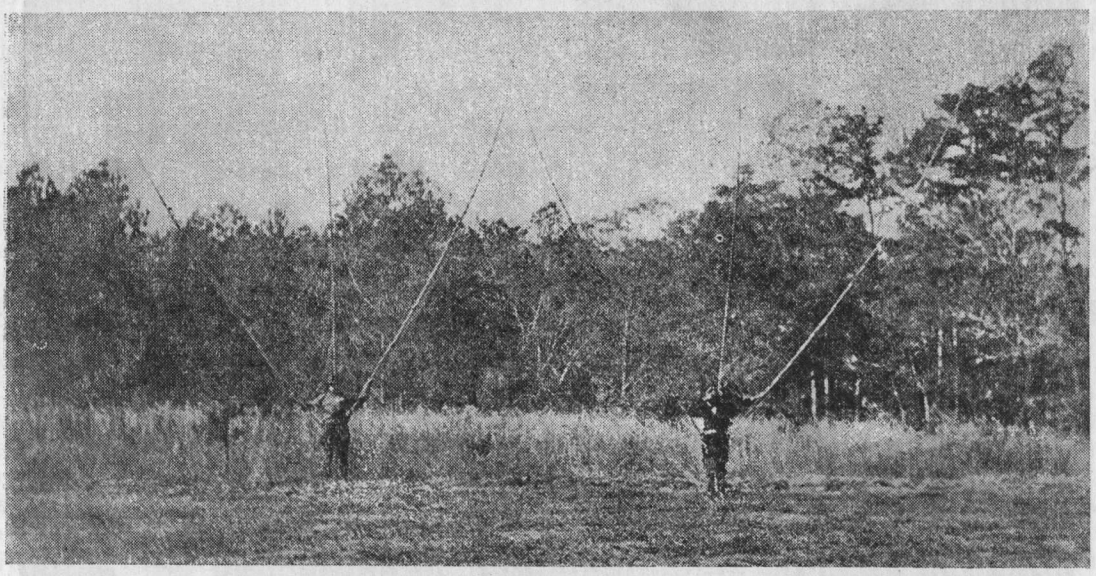
— Позови своего зверя, — приказал плантатор, и Диса крикнул на таинственном слоновьем языке, который, как верят некоторые махауты, перешел сюда из Китая еще при рождении мира, когда слоны, а не люди, были господами. Моти Гадж услышал и пришел. Слоны не скачут галопом. Они передвигаются с места на место с различной скоростью. Если слон захочет догнать курьерский поезд, он не помчится галопом, но поезд он догонит. Итак, Моти Гадж очутился у дверей плантатора чуть ли не раньше, чем Чихан заметил, что он ушел из загона. Он упал в об'ятия Дисы, трубя от радости: человек и животное плакали, лизали и ощупывали друг друга с головы до пяток, чтобы убедиться, что ничего худого не случилось.

— Теперь мы пойдем на работу, — сказал Диса. — Подними меня, сын мой, радость моя.

Моти Гадж вскинул его вверх, и оба они пошли на кофейную вырубку за надоевшими пнями.

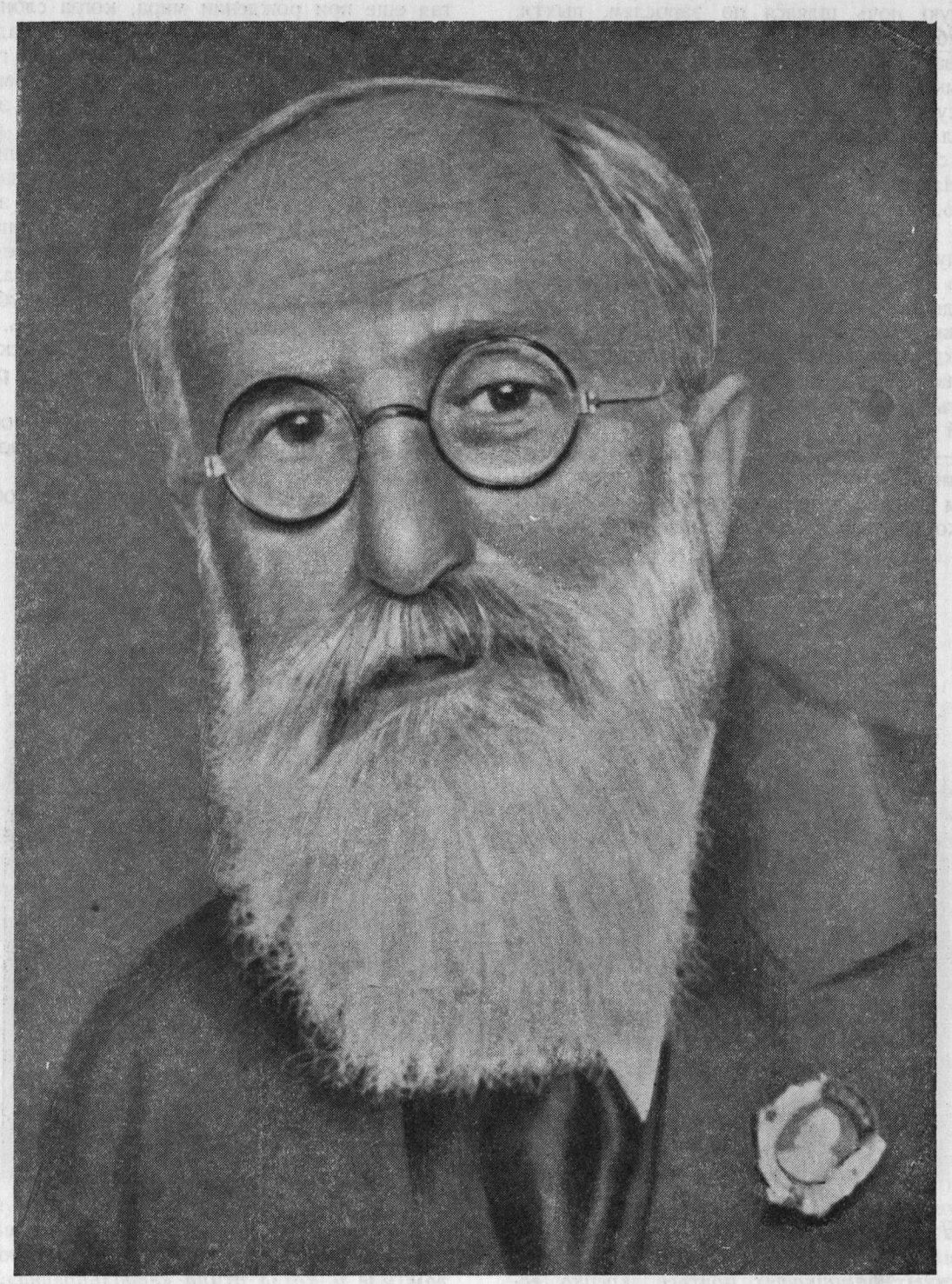
Плантатор был слишком изумлен, чтобы сильно рассердиться.

ПТИЦЕЛОВЫ



Птицеловы ловят птиц на лесной поляне. Хитрое орудие лова состоит из двух длинных бамбуковых прутьев, крепко закрепленных у пояса охотника. На прутья натянута сетка. «Расправляя» и «складывая» эти «крылья», охотники захватывают в свои сети птиц.

В Америке такими сетками ловят птиц для научных наблюдений. На лапу пойманной птицы надевают кольцо с надписью о том, где и когда птица «закольцована», и потом птиц пускают на волю. Птицы — кочевники: они перелетают из края в край, из страны в страну. Если такую птицу снова поймают или убьют, по кольцу ее узнают, откуда она прилетела.



Профессор Вейсброд—главный врач 2-й городской больницы Москвы. Тридцать шесть лет он работает хирургом. Почти каждый день в течение этих лет профессор Вейсброд вырезал опухоли, зашивал раны,—словом, чинил человеческие организмы. За свою выдающуюся работу профессор Вейсброд награжден орденом Ленина.

Мои операции

Рассказ профессора Б. С. Вейсброда

Делать ли операцию?

Наднях пришел ко мне больной.

— Я плохо себя чувствую, — сказал он. — У меня боли в желудке, похудел, есть не могу.

Я отправил больного на рентген и увидел на толстой и тонкой кишках огромную опухоль. Как осиное гнездо. Это был рак толстой кишки — очень серьезная болезнь.

От этой опухоли проход в кишке сузился — пища по ней проходить не может. Если опухоль не удалить, то больной проживет недолго.

Начинается эта болезнь незаметно, исподтишка: появляется раковая клетка. Маленькая, простым глазом ее не видно. Боли от нее человек не чувствует и не догадывается, что с ним. Но беда в том, что раковые клетки очень быстро растут, расползаются по всем тканям и там, где их соберется много, образуется опухоль.

Такая опухоль и была у моего больного, а клетки ползли и ползли дальше.

Этим случаем заинтересовалась вся больница. Рассматривали рентгеновский снимок, совещались. И все пришли к заключению, что делать операцию поздно: раковые клетки захватили слишком много места— операция уже не поможет.

Ночью я не спал. Если не сделать операции, больной непременно умрет. А если сделать? Тогда есть надежда, но какая шаткая! Одной точки не доглядишь, одной крошечной клеточки — и очень скоро около нее вырастет целое полчище таких же клеток, они пойдут в наступление на человеческий организм, опухоль станет еще больше прежнего — и человек будет побежден. Так, может быть, лучше дать больному спокойно дожить последние дни, не мучить его напрасной операцией?.. Как же быть? Откладывать операцию нельзя. Надо решать сразу.

И я назначил операцию.

Операционный цех

Моя операционная — это целый цех. В одной комнате, в герметических шкафах, лежат инструменты, вата, бинты, марля. Это материальная. В другой комнате — стерилизационная. Здесь целая система кипятильников-автоклавов. Но их не видно: они все в стене. Никто здесь никаких печей не топит, и воды в кипятильники не наливают. Всю работу выполняет пар. Он так нагревает вату, марлю и бинты, что все бактерии и микробы, которые на них были, погибают от высокой температуры.

Без стерилизации я мог бы занести заразу в организм, а так я уж знаю, что все будет чисто.

Стерилизационная — очень важный отдел в моем хозяйстве.

Но самая большая и важная комната — это та, в которой стоят операционные столы. Одна стена у нее стеклянная, она выходит на север, чтобы не было жарко. Комната выложена белыми плитками, с потолка на блоке спускается зеркальная лампа. Лампа замечательная. Она устроена так, что, когда я наклоняюсь над операционным столом, я не вижу своей тени. А это очень важно: тень мешала бы мне работать. Хорошее освещение и абсолютная чистота— необходимые условия для операции, но этого мало: нужны еще спокойствие и точность. Поэтому у нас заведено: во время операции не ходить и не разговаривать. Все приготовлено заранее. Сестры понимают каждое мое движение без слов и подают нужные инструменты.

Переделка организма

Когда портится машина, у нее прежде всего выключают мотор. Человека чинят находу. Ни на одну секунду нельзя остановить работы организма. Остановишь — и делать больше будет нечего: человек умрет. Я делаю скальпелем наружный разрез и тут же зажимаю все кровеносные сосудики зажимами. Кровь больного нужно беречь, иначе он ослабеет, не перенесет операции, а мне кровь будет мешать работать. И так каждую ткань: разрежу, задержу кровь, а потом уже иду инструментом дальше, пока не открою больного места.

Моего ракового больного пришлось оперировать долго. Больше часа. Нужно было вырезать не только опухоль, но и всю соседнюю зараженную ткань. Я вырезал больше полуметра гнилых кишок. Наглухо зашил в тех местах, где отрезал. С одной стороны зашил толстую кишку, с другой — тонкую. Кишки теперь разделены. Но так оставить нельзя: пища-то ведь должна попадать из тонких кишок в толстую, а дорога ее разрушена — значит, надо создавать новую дорогу. И вот тонкую кишку я подвел к толстой, сделал в ней новый проход и сшил их.

Больной выздоровел, и у него сейчас новое устройство кишечника. Оно даже совершеннее нашего с вами. Чем меньше толстой кишки у человека, тем лучше: меньше возможности заболеть, потому что именно в толстой кишке, куда пища попадает уже разложившейся, гнездятся бактерии. Той толстой кишки, которая осталась у больного, ему вполне достаточно.

Это была сложная операция, но у меня бывали операции и посложнее.

Помню в 1910 году (я работал тогда еще в 1-й городской больнице) был у меня такой случай. Катались двое приятелей по Москве-реке в гичках. Одна гичка, обгоняя другую, врезалась в спину гребца, да так, что нос ее торчал из живота. Когда лодку вытащили, в спине гребца зияла сквозная рана, а внутренности были сорваны со своих мест. Случай небывалый. Помочь мог только хирург. И немедленно.

И вот пришлось все укладывать заново. Я собирал внутренности человека, как инженер собирает машину. Смотрел, подходит ли одна часть к другой, здесь ли она должна лежать. Все это нужно было проделать с большой точностью: ведь это была не машина, а живой человек.

Через год я узнал, что моего больного взяли на военную службу. Он был совершенно здоров.

Как я стал хирургом

Первая моя операция была случайной. По существу, я и права не имел делать эту операцию, но она сделала меня хирургом.

В школе я был хорошим математиком и физиком. Родные думали: вырастет, будет инженером. Сам я строил будочки и домики и тоже твердо верил: вырасту — буду инженером. Но мне поступить в то время в высшее техническое училище было очень трудно: царское правительство не пускало евреев в высшие учебные заведения. На сто поступающих принимали не больше трех евреев. Вышло как-то так, что в 1893 году приняли 4 евреев, одного сверх нормы: не доглядели. Но зато этого «лишнего» еврея разложили на несколько лет. Два или три года в харьковское техническое училище не мог поступить ни один еврей.

Отец решил добиваться. Он взял мой атестат с очень хорошими отметками и поехал к министру просвещения Делянову. Учиться мне разрешили, но только на медицинском факультете.

И вот я студент. В длинных коридорах спорят, кем лучше быть: хирургом или терапевтом. Старшекурсники щеголяют непонятными латинскими терминами. А мне это совсем не интересно: я все думаю о том, как бы стать инженером. Хирургом быть плохо и терапевтом плохо, другое дело инженером.

Но вот однажды, в день, когда нас, студентов, пускали на операции, в поликлинику вошел старик с дочерью. Как сейчас помню: это были крестьяне Воронежской губернии. У дочери опухла щека.

— Она три дня не пьет и не ест, — сказал старик.

Врач сказал, что все дело в зубе, его надо удалить. Девушку усадили в кресло. Врач вымыл руки и взял щипцы, но щека так распухла, что рот не открывался и щипцы не проходили. Он взял другие, поменьше — тоже не проходят. Тут я не выдержал и совершил очень недисциплинированный поступок. Пока врач ходил за третьими щипцами, которых не было в его кабинете, я подбежал к столику с инструментами, взял самые плоские щипцы и вытащил зуб.

— Ух! Как рукой сняло, — сказала девушка.

Это «Ух!» мне было лучшей наградой. Действительно, как рукой сняло, моей рукой! Больше я не хотел быть инженером.

Трудные годы

Трудно мне было жить и работать до Октябрьской революции. В больнице я работал тогда бесплатно, приходилось бегать по урокам, зарабатывать на жизнь. В штат нигде не зачисляли. На евреев вообще-то смотрели косо, а обо мне к тому же ходили слухи, что я революционер, социал-демократ-большевик.

Но я не сдавался. Занимался хирургией и не бросал подпольной революционной работы.

После революции я пошел на фронт. В то время по всей стране свирепствовал сыпной тиф. От него погибало не меньше людей чем от вражеских пуль. Меня бросили на борьбу с сыпным тифом.

Я устраивал санитарные заграждения, бани на вокзалах, лечил больных и предохранял здоровых от заразы. Вместе с Красной армией я шел по следам армий Врангеля и Деникина. Не хватало врачей, не хватало даже мыла. Было тяжело, но в то время я чувствовал себя настоящим солдатом и понимал всю важность своей работы. На эту работу выдвинул меня товарищ Ленин.

У постели Ильича

30 августа 1918 года эсерка Каплан ранила Владимира Ильича. Мне еще ничего не было известно, но когда ко мне вошел Обух и сказал: «Надо ехать», — я понял: случилось что-то страшное.

Мы застали Владимира Ильича в состоянии борьбы между жизнью и смертью. Он лежал бледный: холодный пот покрывал лицо и тело. Он говорил очень слабым голосом. Левая рука была прострелена и переломлена. Из огнестрельной раны в грудной клетке сочилась кровь. Мы наложили повязки и впрыснули лекарство, которое уменьшает боль. Я остался дежурить.

Ленин понимал свое тяжелое положение, и, воспользовавшись минутой, когда близкие вышли из комнаты, он подозвал меня ближе и шопотом сказал:

— Товарищ, если вы заметите, что близок конец, вы меня предупредите, мне нужно будет кой с кем переговорить.

Я успокоил его, но слово он с меня все-таки взял.

Тревожные дни продолжались неделю. Я дежурил все время, а потом здоровье Владимира Ильича стало поправляться, и к середине октября 1918 года он переехал на дачу, куда я его проводил.

Над чем я работаю

Я много читаю, слежу за всеми открытиями и изобретениями и, если можно, применяю их в медицине. Вот, например, для правильного ухода за больными нужно следить за изменением температуры, ничего сложного в этом нет, но иногда тяжелых больных это тревожит.

И вот, чтобы не тревожить больных, по моей мысли, сделан особый градусник: его не надо ставить подмышку. Больной даже и не знает, что у него стоит градусник. Да он и на градусник-то непохож: просто тонкие пластинки из очень чувствительного к теплу металла подкладываются под спину больного, а стрелка электрического прибора сама вычерчивает кривую температуры.

Больше всего я сейчас работаю над изучением историй болезней. Больные выздоравливают, уходят из больницы, а истории их болезней остаются. Недавно я просматривал их. Очень много людей приходит в больницу с переломами. Историями переломов заполнены толстые книги. Трудней всего справиться с переломами в тазу. Все тело человека очень подвижно, кости соединены суставами. А в тазу кости срослись неподвижно, это — «неподвижное сращение», как говорят врачи. Здесь центр тяжести человека, а центр тяжести должен быть устойчивым.

Если человек попал под автомобиль и от ушиба остались наружные следы, кажется, что в этом месте и сломлена кость. Куда навалилась тяжесть, там кость и лопнула.

Но, пересмотрев записи переломов, я убедился, что тазовые кости ломаются всегда в определенных местах, а именно там, где толстые части костей переходят в тонкие.

Я подбираю эти материалы и скоро поделюсь своим опытом со всеми хирургами.

Сейчас мне 60 лет. 36 лет я работаю хирургом. Я сделал очень много операций. Накопил богатый опыт. Сейчас со мной работают мои ученики — отличные врачи, которых я вырастил. Я руковожу их работой и стараюсь передать им свой опыт, свои знания и наблюдения.

На Волге

Задолго до открытия навигации на Волге бакенщики готовят „обстановку“: ставят перевальные столбы и бакены, по которым лоцманы ведут пароходы.

Перевальные вехи, которые ставятся по правому берегу, окрашены в красный цвет, по левому — ставятся зеленые с белыми полосками. Иногда, в особо важных местах, на горе устанавливаются специальные знаки, указывающие глубину на данном плесе.

На снимке: бакенщик проверяет освещение на перевальном столбе. Таких постов на Волге около двух тысяч.

ТЕОДОР ПЛИВЬЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В АТАХУАЛЬПЕ

ПОВЕСТЬ

Перевод с немецкого

Рис. В. Цельмера

(Продолжение)

Акулы города Атахуальпы

Была уже ночь, когда Клаус открыл глаза. Под ним, внизу, лежал город.

Крыши сверкали как серебряные. Весь город был окутан голубой дымкой лунного сияния. Кое-где блестели редкие фонари.

Неподалеку от Клауса шла вниз лестница, прорубленная в скале. Клаус спустился по ней.

Он дошел до угла, где сидели вокруг жаровни какая-то толстая женщина и несколько мужчин. Женщина жарила рыбу и однообразным тоном приговаривала нараспев: «Пескаос... пескаос... Рыба, хорошая рыба! Одна чауча двадцать центаво штука!»

Клаус посмотрел на рыбу, жарящуюся в собственном жиру, и потянул носом вкусный запах.

«Один запах уж чего стоит,— подумал он.— От одного запаха, пожалуй, сыт будешь».

Он охотно постоял бы подольше на этом месте, но, во-первых, женщина протянула ему рыбину, за которую пришлось бы заплатить целую чаучу, а во-вторых, один из мужчин, сидевших у жаровни, поднялся. Клаус увидел на нем матросские штаны и кепку.

Клаус еще раз глубоко вдохнул в себя густой, жирный запах рыбы и пошел за матросом. Вскоре этот человек свернул в какой-то переулок и, пройдя еще несколько шагов, скрылся в нише под большим фонарем.

Клаус, недолго думая, прошел туда же и увидел снова перед собой ту же широкую спину.

В сенях было темно как в пещере. Несколько ступенек вело вниз. Клаус старался не отставать от шедшего впереди человека и вместе с ним вошел в зал, переполненный людьми. Там сидели за столиками моряки, раздавались громкие возгласы, кто-то играл на гармонике.

За круглым столом стоял человек с серь-

гами в ушах. У него был выговор такой же, как у Япа на «Кап Финистерре». Он был, повидимому, тоже голландцем. Он то и дело выкрикивал:

— Еще литр, чорт меня побери! Не слышишь, что ли, Булли?

Подошел Булли, приземистый парень с четырехугольной фигурой, принес заказанное вино; голландец налил всем сидевшим за его столом. Клаус снял шляпу и осмотрелся: кругом ни одного знакомого лица, ни Ачассо, ни хотя бы Мартина! Идя сюда, он втайне надеялся встретить здесь кого-нибудь из них. Он долго простоял бы беспомощно у двери, если бы корабельный плотник в кепке, за которым он увязался, не кивнул ему, освобождая место рядом с собой.

— Ну и духотища тут, у этой Милли,— заговорил он.

— Есть-таки,— сказал Клаус.

— Да уж, эта Милли!—вставил другой.— Не баба, а кулак. Я получил место, завтра отправляюсь на борт... Брисбан, Квинсленд.

— Повезло тебе,— тропики!

— Вот так повезло! Всего четыре дня проторчал в этом проклятом доме, четыре раза обедал и ужинал, — а она тянет с меня за это месячное жалованье. Говорю тебе, — кулак!

В этот момент распахнулась дверь.

— Милли!— проговорил плотник.

— Вот она! Ну и бой-баба!— крикнул один из сидевших, повидимому русский.

— Акула она, а не баба!— крикнул другой.

У Милли были светлые волосы. Клаус представлял ее себе совсем другой. Она вовсе не была похожа на акулу, напротив: она была даже недурна собой.

Милли заметила Клауса.

— А ты откуда?— спросила она его.

— С «Кап Финистерре».

— Бежал?

— Да.

— А теперь что намерен делать?

— Хочу остаться на берегу.

— Так... Ну что же, ты останешься здесь у меня. Булли покажет тебе сейчас, где ты сможешь спать.

Плотник с парохода, его сосед, толкнул его в бок.

— А ел ли ты что-нибудь с тех пор, как удрал с «Кап Финистерре»?— спросил он.

— Один раз закусил немного,— ответил Клаус.

— Тогда пойдем. Тебе надо подкрепиться. Здесь тебе пока что ничего не дадут.

На улице, глотнув свежего ночного воздуха, Клаус почувствовал себя немного лучше и подбодрился. Немного погодя он сидел с плотником у жаровни с рыбой. Вокруг сидело еще несколько человек: матросы, спешившие обратно на свои суда, грузчики, лодочники. Все апетитно похрустывали жареной рыбой, вытирая рукой капли жира, брызгавшие на их босые ноги.

Клаусу так понравилась рыба, что плотник сейчас же заказал еще одну, а когда перед ним очутилась и третья, он почувствовал себя настолько окрепшим, что мог серьезно обдумать свое положение. Теперь у него было кое-что в желудке, ночлег тоже был обеспечен. Но этот ночлег был как раз одним из тех крючков, которых он хотел избежать. Что тут делать? Никакого другого выхода не было.

Но ему не пришлось додумать до конца: произошло нечто, что отняло у него всякую возможность выбора. Клаус был занят обгладыванием хрустящих косточек рыбьего хвоста, как вдруг раздался резкий свисток. Послышалось цоканье копыт, в поднявшихся клубах пыли мелькнули белые мундиры и лошадиные морды. Сидевшие вокруг жаровни вскочили на ноги. Было, однако, уже поздно: они были оцеплены полицейским кордоном.

Клаус не понимал, в чем дело; для остальных же, повидимому, было ясно, что это означает. Некоторые пытались улизнуть. Плотник ругал полицию бандой негодяев и весь город — гнездом мошенников. Громче всех ругалась торговка. Весь ее рыбный запас был опрокинут; несколько штук только что поджаренной рыбы тоже валялось в песке. Полицейские предоставили торговке ругаться сколько ей угодно: им было на это наплевать. На грузчиков и других рабочих они тоже не обратили внимания. Полицейских интересовали только моряки; их они согнали в кучу и заставили выстроиться между конными. Клаус тоже оказался среди пленных. Моряков повели под конвоем через город. Их погнали в какие-то ворота, потом через один двор, потом через другой, мимо конюшен. Пройдя под окрики полицейских по длинному коридору, они очутились на небольшой площадке, обнесенной глиняным забором. Площадка была залита лунным светом.

Это был калабузо—полицейский арестный дом в городке. Кругом, вдоль ограды, был укреплен железный брус, и возле него

лежали на голой земле заключенные. У каждого на ноге болталось железное кольцо с ушком, с помощью которого они были прикованы к брусу. Оказалось, здесь было несколько матросов, остальные были рабочие из города или с селитряных разработок. Прибывшим тоже нацепили на ноги по железному кольцу, стянутому винтом и замком.

На следующее утро все выяснилось. В калабузо грузно вошел человек в высоких ботфортах и с ним другой, маленький кругленький господин в мягкой поярковой шляпе. Первого Клаус узнал: это был префект Саведра, посетивший «Кап Финистерре» при самом входе в бухту. Второй из вошедших был капитаном одного из кораблей, стоявших в гавани на якоре.

Оба прошли вдоль ряда мужчин, прикованных к брусу. Капитан всматривался в лицо каждого. Несколько раз он останавливался, указывал на которого-нибудь из матросов и говорил:

— Вот этот! Вот этот тоже! И еще вот этот. Теперь не хватает еще одного.

Остановившись против лежавшего рядом с Клаусом плотника, капитан спросил:

— Ну, Чипс, протрезвился?

— А ну их к чорту, эту банду! Ни одной капли я в рот не брал, кэптен! Жулики— они все! Как бы я был рад, если б хорошее землетрясение сбросило вверх тормашками в океан всю эту страну, со всем, что на ней находится!

У матросов, на которых указал капитан, отвинтили железные браслеты. Прощаясь, плотник сказал Клаусу;

— Старик должен заплатить здесь за каждого из нас по полфунта. Потом это вычтется из жалованья. В славное местечко ты попал!

Плотник ушел. Потом повторилась такая же сцена. Префект явился с двумя другими капитанами, разыскивавшими своих людей. После этого лагерь почти опустел. Оставались еще лишь какой-то норвежский матрос, несколько рабочих да еще один... Клаус не хотел верить своим глазам: матрос, на которого он воззрился, тоже в изумлении смотрел на него, с риском свернуть себе шею: кольца были прикреплены к брусу так, что прикованному было трудно поворачиваться. Это был Линднес, собственной своей персоной. Линднес тоже сразу узнал Клауса.

— Джинго!—воскликнул он.— Так это ты!

— Ну да!— ответил Клаус.

Он был до смерти рад, что не будет валяться здесь в одиночестве, забытый всеми на свете.

— Так ты не утонул?

— Как видишь.

— Парусник отправился к островам за гуано. Ну его ко всем чертям!

— А как же ты сюда попал, Линднес?

— На буксирном пароходе.

— Как так?

— Я, видишь ты, здорово отчитал старика, и вот... за это самое...

Префект вернулся снова. На этот раз с ним был человек, которого норвежец назвал Слимми, но Клаус и без этого узнал бы его по рассказам Линднеса.

Оба выглядели, как самодовольные акулы-людоеды. У Слимми были такие же челюсти и такие же крепкие зубы, как у префекта.

Норвежца освободили от цепи, Линднеса — тоже.

— Ну, молодцы, здорово залили себе за воротник вчера вечером?

Норвежец выпучил глаза на Слимми. Линднес огрызнулся:

— Ты нам очки не втирай, Слимми! Видим, в чем дело. Держал бы лучше язык за зубами!

Слимми похлопал Линднеса по плечу:

— Кому-кому, только не тебе бы так говорить, сынок! Ты своему шкиперу расквасил переносицу и выбил передние зубы! Знаешь, чем это пахнет? Долгонько тебе придется здесь проваляться, если я не замолвлю за тебя словечко.

Линднес немного присмирел.

— Ведь я же твой ангел-хранитель. У Слимми широкая натура — он никогда не оставит в беде старых друзей. Ну, идемте же оба к толстяку дон Хозе. Он недавно получил водку... Не водка, а прямо огонь! Надо вам ее попробовать. Будете довольны!

Полицейские освободили также и Клауса.

— А это что за птенчик? Откуда ты?— спросил Слимми.

— С «Кап Финистерре».

— Тоже с «Кап Финистерре»? Тоже набедокурил?

— Он у нас был юнгой, сбежал,— пояснил Линденс.

— А, вот оно что. Это тот самый? Пешком приплелся, как видно. А откуда у тебя это птичье гнездо на голове? И эти штаны с великана? Как ты в них залез?

— Нашел,—ответил Клаус.

Он схватил Клауса за плечи и повернул кругом, чтобы дать префекту полюбоваться на него со всех сторон.

— Вот это страна! Шляпа и штаны сами растут на деревьях! А их тут, между прочим, и нет совсем.

Он схватил Клауса за плечи и повернул кругом, чтобы дать префекту полюбоваться на него со всех сторон. Оба при этом хохотали до упаду. Префект хватался за бока.

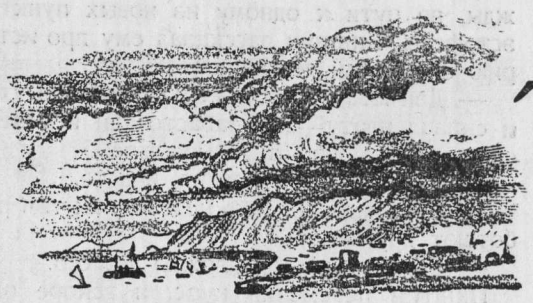
— Ну, марш, беги за остальными, тебе тоже нальют чего-нибудь подкрепиться.

Клаус догнал Линднеса и норвежца. Ему казалось, что его дело в шляпе и ему остается держаться с ними вместе. Но за ночь с ногой у него стало хуже, и он прихрамывал. Слимми спросил, что с ним, посмотрел на ногу, на толстый бинт, а когда Линднес прибавил, что парнишку ночью лихорадило, он покачал головой.

— Нет, ну его к чорту! Если нога не поправится, так он и цента не стоит. А выздоровеет—я его всегда найду.

Таким образом на этот раз Клауса сама судьба спасла и от Слимми и от Милли — этих двуногих акул Атахуальпы. На время или навсегда? Это будет видно.

А пока что он остался при полицейском управлении.



Тучи проходят над страной

Клаус остался там, где он был раньше, только его уже не привинчивали к брусу. Префект позволил ему разгуливать по управлению. Полицейские приставили его к чистке лошадей, сапог и к исполнению разных мелких поручений. В обед и вечером он получал что-нибудь поесть, на ночь мог заходить в калабузо и укладываться там между остальными, с тем преимуществом, что ему не надевали, как другим, железного кольца на ногу.

На его обязанности лежала забота о заключенных. Если кого-нибудь слишком сильно изобьют в секретной камере, то он должен был привести избитого в человеческий вид к утреннему допросу. Другим он приносил воду для питья.

Солнце палило немилосердно. Песчаные вихри, туманы, вопли избиваемых, в промежутках одуряющая скука—так протекали дни. Впрочем, дни-то—еще куда ни шло, а вот ночи в калабузо и эти лица, что проходили перед его глазами, представляли собой один сплошной бред. Там были матросы, то поодиночке, то целыми группами, все они ругались до самого утра, и не без основания—это отлично понимал Клаус. Кроме того были люди из города и из селитряной пампы—«рото», как называл их префект и как они называли сами себя. Но у префекта это слово было ругательством. Они же называли так себя с гордостью. Клаус потом узнал, что это слово означает «босяки», «отверженные», «подонки».

Среди заключенных был некто Фабиан. Он был рото как и все остальные, но он плавал на судах матросом и мог многое об'яснить Клаусу.

— Это ловцы дельфинов,— сказал он, однажды, когда в калабузо привели целую группу оборванных людей. Они были перемазаны дельфиньим жиром, и даже в волосах у них была рыбья чешуя. Они работали для завода, изготовляющего рыбий жир. Дон Педро, которому принадлежит завод, снизил им плату и скостил премию за улов — они забастовали и угодили сюда.

Дельфинщики называли дон Педро шкуродером и живоглотом. Но еще больше ругали они других рото, которые сейчас выплыли вместо них в море и ловят дельфинов, сдавая дон Педро печонку за полцены и без всякой премии.

Фабиан не ловил дельфинов: он управлял баржой, перевозившей грузы в бухте. Он ругал какого-то дон Рудольфо, германского вицеконсула. Фабиан должен был доставить для дона Рудольфо на берег полную лодку контрабандных товаров, но полицейские, задержавшие его с контробандой, привели в полицейское управление не действительного контрабандиста — вицеконсула, а его рабочего; и дон Артуро, который должен был знать, что у того не может быть столько денег, чтоб закупить такую массу товаров, упрятал его в калабузо.

У Клауса были свои заботы: он мечтал о приключениях. На «Кап Финистерре» было голодно и жилось скверно, но там надувались паруса, высоко вздымались морские волны, и, в конце концов, все плавание на нем было сплошной полосой бурных побед, главным героем которых был Ачассо. Здесь Клаус остался без имени, без языка. Полицейские называли его «грингито»—это была уменьшительная форма от «гринго», ругательной клички для янки и для европейца.

Клаус все думал над тем, как ему избавиться от своей неволи. А пока что он попрежнему продолжал чистить калабузо, помогал по мере сил заключенным, наводил глянец на жандармские сапоги, занесенные пылью пустыни, на рассвете чистил скребницей лошадей.

Во время этого занятия произошла однажды неожиданная встреча.

— Клаус!— услышал он вдруг за своей спиной и, повернувшись, увидал перед собой смеющееся загорелое лицо. Перед ним стоял не кто иной, как Берендс, тот самый Берендс, который недавно с таким позором покинул палубу «Кап Финистерре». Он сто-

ял блестящий, как всегда, затянутый в узкий мундир, в высоких начищенных сапогах.

— Вот так сюрприз!—проговорил Берендс. Он искренно обрадовался Клаусу, вспомнив готовность, с которой Клаус подписал его протоколы на паруснике. Кроме того лейтенант был и сам рад возможности поболтать по-немецки.

— Ну, как тебе живется, земляк?—спросил он.

— Плохо, очень плохо!—ответил Клаус.

— Это—испытание! Тебе надо показать себя и хорошо себя вести, тогда ты обязательно выбьешься в люди.

— Но за что же они меня здесь держат? — спросил Клаус. — Я ведь ничего дурного не сделал?

— Я поговорю о тебе с доном Артуро. Вот вернемся, там будет видно!

В тот же день префект с Берендсом и еще одним офицером, приехавшим из пампы, отплыли на юг, забрав с собой половину всей команды.

В полицейском управлении стало тихо.

Сержант, замещавший префекта, немного поотпустил вожжи. Новых арестованных приводили мало. Оставшиеся полицейские просиживали до глубокой ночи над картами, устраивая из барака что-то вроде игорного дома, подобного тем, на которые они часто устраивали налеты. Какой-то человек, по имени Алоизиус, формально не принадлежавший к полиции, но часто туда заглядывавший, держал банк, и перед ним на столе накапливалась обычно изрядная сумма денег. Большую же часть дня полицейские валялись на дворе, в тени бараков и конюшен.

Организация рыбаков приступила к работе. Вдоль всего селитряного побережья рыбаки обслуживали революционные организации литературой, которую они привозили из столицы, и держали между ними связь.

Мачо сидел в окрестностях Атахуальпы, где был занят организацией рабочих северного селитряного района, Патакоха находился в столице, где он поддерживал связь с партией, с красными профсоюзами и организациями безработных.

Ачассо же попрежнему, пересаживаясь из бота в бот, охотился за нарвалами. Но не только за нарвалами охотился он: слава его росла среди рыбаков, и ему удавалось вербовать все больше и больше участников для своей эстафеты.

На ботах своей организации он явился на север и пересел на бот Пингвина. Однажды, по пути к одному из новых пунктов эстафеты, Пингвин рассказал ему про историю с ловцами дельфинов.

— Дон Педро скостил им премию за улов и снизил плату—они забастовали и теперь сидят в калабузо в Атахуальпе.

— Давно уже?—спросил Ачассо.

— Нет, недавно. Уже неделя, как там работают другие.

— Едем туда!—предложил Ачассо.

Пингвин переменил курс, и вскоре они увидали вдали несколько ботов, близко стоящих друг подле друга.

— Вот они!

— Они уже начали: сеть в воде.

Ловцы спустили в воду крепкую сеть с широкими ячейками. Одним краем сеть была прикреплена к ботам, другим же, открытым, свешивалась в воду. Ловцам оставалось теперь только подойти к стае дельфинов, бешено гонявшихся за добычей, сомкнуть открытый полукруг и вытащить сеть.

Когда Пингвин с Ачассо подплыли, ловцы поймали первую стаю, и все боты были заняты вытаскиванием сети. Подбирая сеть, приближаясь друг к другу, боты образовали, наконец, своими бортами замкнутый круг, и в тесном пространстве между ними словно в большой лохани сгрудились пойманные дельфины.

Начался второй этап работы.

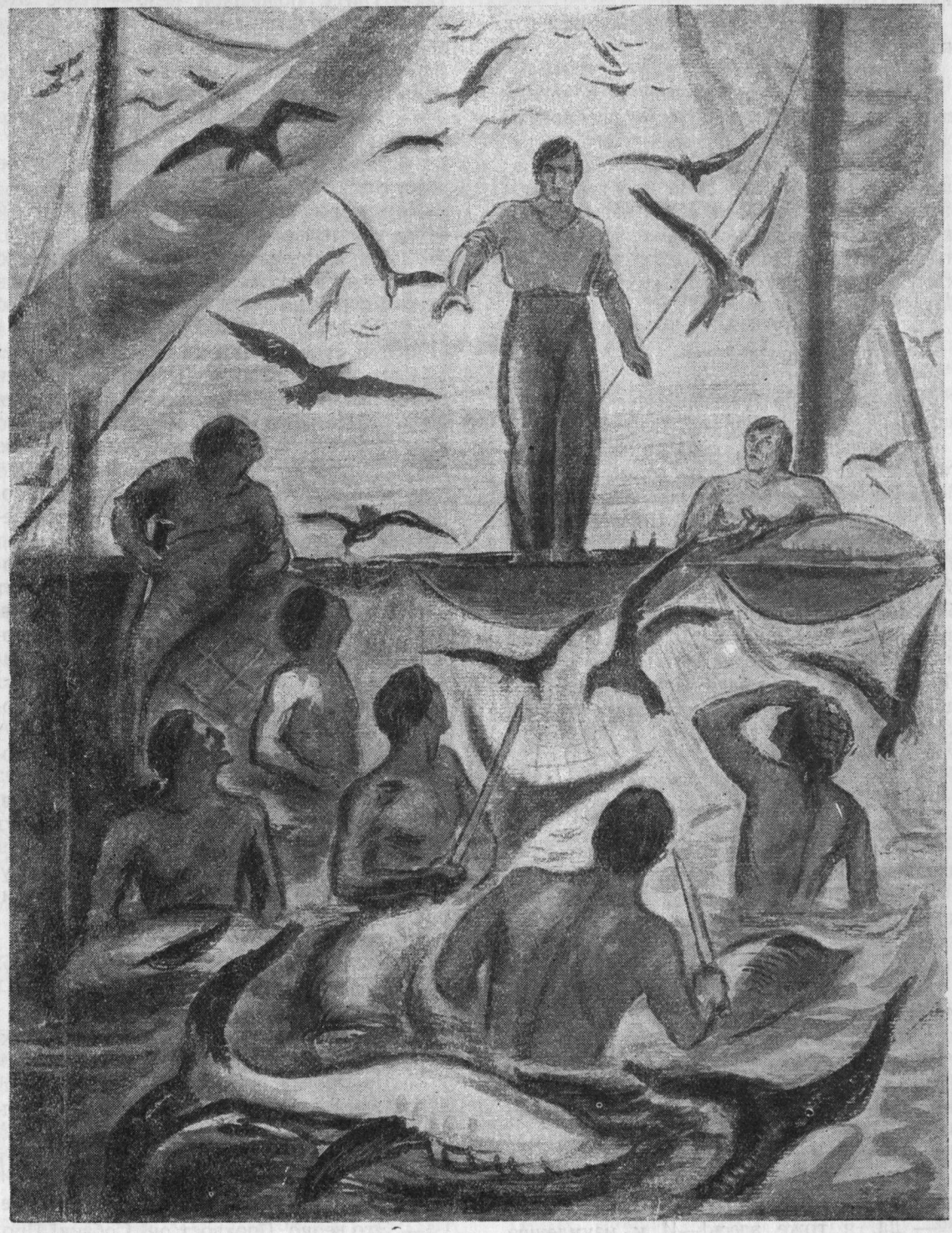
Там было шесть ботов, каждый на четыре человека. Из них в каждом боте осталось только по одному. Остальные разделись, взяли в руки длинные ножи и спрыгнули в пенящуюся воду, в самую гущу дельфиньих тел. Укрепленные на дне сети доски служили для них чем-то вроде пола, правда, очень неустойчивого, стоя на котором они размахивали направо и налево ножами, отрубая дельфинам головы.

Пингвин высадил Ачассо на один из ловецких ботов. Люди стояли по плечи в воде, и когда из-под ботов набегала волна, вся эта масса белых и розовых животов, зеленоватых хвостов и плавников поднималась до самой шеи ловцов.

Только печень используется для приготовления дельфиньего жира. Все остальное летит ввиде искрошенной, кашеобразной массы по другую сторону ботов обратно в море.

— Только печонку!— раздался вдруг чей-то голос.

Несколько лиц поднялось над дымящейся кровавой массой. Ачассо повторил свой возглас. Затуманенным от крови и морской



Теперь уже многие из ловцов обратили внимание на Ачассо.

соли глазам ловцов он казался каким-то призраком.

— Только печонку!— снова раздался тот же возглас.

— Что он там орет?

Теперь уже многие из ловцов обратили внимание на Ачассо; некоторые прекратили работу, чтобы лучше разглядеть его.

Время—перед рассветом, даль еще завешена туманом. Голые люди стоят на зыбких досках внутри сети, среди издыхающих животных. Жадные, крикливые, каркающие птицы кружатся над их головами и словно хлопья сажи опускаются на них, мешая работать.

— В чем дело?

— Что ему нужно?

— Откуда он взялся?

Но Ачассо успел уже привлечь к себе их внимание и продолжал:

— Столько крови, столько грязи из-за такого пустяка! Столько лошадиной работы—и что вы за это получаете? Говорят, три с половиной пезо! По шею торчите в воде. Морским львам достается больше. Те хоть сыты и могут растянуться на прибрежных камнях. Птицам тоже достается больше, и у птиц кроме того остается еще время почистить кровь с перьев. А у вас этот жир и кровь облепляют волосы и тело. При встрече с вами надо зажимать нос! Ваши друзья обходят вас за полкилометра, когда встретят вас на берегу! И все это за три с половиной пезо!

— Что он, смеется над нами?

— Издевается над нашей нищетой!

— Измывается над нами!

Ловцы прекратили работу. Стояли сгрудившись. Один прохрипел:

— Животными обзывает нас, всякой дрянью! Долой этого дьявола! Я его давно уже знаю. В воду его! Пускай сам ткнется своей мордой в эту гадость!

Ловцы двинулись к боту. Мокрыми руками, с которых капала красная жижа, они ухватились уже за борт. Но тот, кто натравливал их, остался позади. Ачассо не слышал ничего из того, что кричали снизу, внимание его сразу приковалось к этому человеку: он узнал лицо, обезображенное брызгами крови и внутренностей.

— Как? Ты тоже здесь, Морено?— воскликнул он.

— Да, я тоже здесь!—И к изумлению своих товарищей Морено прибавил:— Как раз вот эти слова я и хотел услышать! Пора, наконец, сказать вслух это!—прокричал он, стараясь покрыть своим голосом удивленные возгласы ловцов.— Что, разве не так? Три с половиной пезо — разве это плата? И еще штаны рвать в этих паршивых ботах! На какие деньги нам купить другие? Скоро будем разгуливать по берегу такими же голыми, как тут, в сети!

— Ты что, с ума сошел? Только что ведь ты говорил...

— Да, я говорил! Но это—совсем другое дело, совсем другое!

Морено вскарабкался на один из ботов и встал там точно на трибуне.

— Три с половиной пезо, на полпезо больше чем в лагере для безработных,—ведь это же курам на смех! Я давно хотел вам об этом сказать.

Ачассо снова вмешался.

— За три с половиной пезо вы предали своих товарищей! Те, что до вас стояли здесь, в сети, валяются сейчас в калабузо в Атахуальпе, а вы делаете их работу за цену, против которой они протестовали!

— Это чертовски верно!— поддакнул Морено.— Нужно что-то предпринять. Какое-нибудь выступление!— крикнул он.

Ловцы стояли внизу с понурыми головами. Их лица выражали в этот момент лишь озлобление против обоих смутьянов.

— Мы это все сами знаем! Им легко говорить! Пускай сами попробуют!— раздались крики.

Один из них нашел успокоительную формулу:

— Это нас не касается. Давайте работать!

— Не уйдет от вас работа! Подождите! Выслушайте лишь одно слово!— крикнул Ачассо.

Ловцы не спешили приниматься за работу.

— Надо действовать! Бастовать! Товарищи, слушайте!— закричал Морено.

Он стоял теперь подле Ачассо.

— Бастовать мы будем, когда у нас будут шансы на успех,— заговорил Ачассо.— А сейчас у нас их нет!

Эти слова ничего не требовали от них. Ловцы стали внимательнее слушать Ачассо.

— Но провал выступления не означает, что с этим следует примириться. Дон Педро — эксплоататор! Дон Педро—мошенник! Он пользуется безвыходным положением, в какое поверг вас фашистский режим!

Среди ловцов почувствовалось оживление.

— Это верно. Прохвост он! Собака! Проклятый эксплоататор!—кричали они с жаром.

— Сколько он вам платит? Три пезо пятьдесят? А сколько платил перед тем?

— Пять песо,— ответил кто-то.

— Значит, ровно половину? Так вот, я предлагаю вам: давайте ему за полплаты полпеченки! Это очень просто. Ведь он сам не вылезает из своей конуры на берегу. Как он может сосчитать, сколько дельфинов попало в сеть, а сколько прорвалось?

— Полпеченки — вот это правильно!— подхватил Морено. Он освободил одну из веревок, удерживающих сеть.— Полпеченки, товарищи! Вот это—дело!— он отбросил вторую веревку, перескочил в соседний бот и схватился за третью. Ловцам пришлось поспешить вскарабкаться в боты, и не успели они опомниться, как оставшиеся в сети дельфины уплыли в море. Один из ловцов встал.

— Товарищи!—обратился он к остальным.—Ведь если каждое утро отвяжется одна, другая веревка, да так, чтобы никто об этом не пронюхал, тогда я думаю, дело пойдет!

— За полплаты—полпеченки!

Это стало уже лозунгом. Ачассо мог быть доволен. Ловцы приготовили свои боты к отплытию. Ачассо и Пингвин тоже сели в свой бот. Но прежде чем им удалось отчалить, Морено пересел к ним.

— Я страшно доволен,— сказал он.— Я уж тут подготовил почву. А где ты, собственно, пребываешь?— спросил он Ачассо.

— Конечно, в пампе, — соврал ему Ачассо.

— Вот это кстати. Теперь я могу бросить работу здесь. Хватит с меня этой грязи. Поеду с вами!

Пингвин искал взгляда Ачассо. Уловив его, он ответил:

— Нет, с нами ты не поедешь.

В глазах Морено блеснула злость:

— Почему это?

— Я суеверен. Ты приносишь несчастье. Я не возьму тебя к себе на борт!— ответил Пингвин.

Морено пришлось возвращаться вместе с ловцами. Пингвин и Ачассо тоже направились к берегу, но взяли курс, который мало-помалу отдалял их от ловцов.

— Сегодня они послушались. Но надо все время быть с ними. Надо послать к ним кого-нибудь из наших людей. Что делает Качимба?

— Он поддерживает связь наверху, в пампе. Он ведь больше не рыбачит. Его бот трудно починить: слишком дорого обойдется.

— Качимба подошел бы.

— Я поговорю с ним.

— Это очень важно. Нужно предостеречь Мачо. Когда Мачо будет на Пунта?

— Через двенадцать дней.

— Жди меня тогда перед бухтой. К тому времени я вернусь.

Около полудня Ачассо пересел на другой бот.

А через несколько дней он увидел выступающие из моря высокие скалы Калета Вьеха. В тихой бухте лежал на берегу бот Антонио. Наверху, в крепостце, Ачассо нашел самого Антонио вместе с Тутапой и курьером, направляющимся на север. В ту же ночь Антонио повез курьера дальше. Тутапу, уже несколько дней почти не спавшую, он оставил в крепостце.

На этот раз Ачассо поневоле должен был отдыхать. Лобо, которого ожидали на следующий день, не явился, так что Ачассо и Тутапа оставались эти дни одни в Калета Вьеха, отрезанные от всего света.

Когда шоло тоже не явился вовремя и скудный запас продовольствия подходил уже к концу, оба посвящали первую половину дня рыбной ловле. Тутапа пополняла запас пищи ракушками. Она набирала их целый передник между прибрежными камнями. Затем оба направлялись обратно, на берег бухты, и, пообедав, поднимались на вершину Калета Вьеха, в крепостцу. Оттуда они наблюдали, не видно ли ботов. Но ни Лобо ни шоло не являлись.

Скалистый уступ Калета Вьеха свешивался над морем, и на этом воздушном балконе много лет назад, как нынче Тутапа, стоял капитан флибустьеров; только тот высматривал проплывающую мимо добычу— купеческие суда. Так рассказывал ей Ачассо.

— Это давно уже было?— спросила Тутапа.

— Очень давно.

— Еще когда дедушка был молодой?

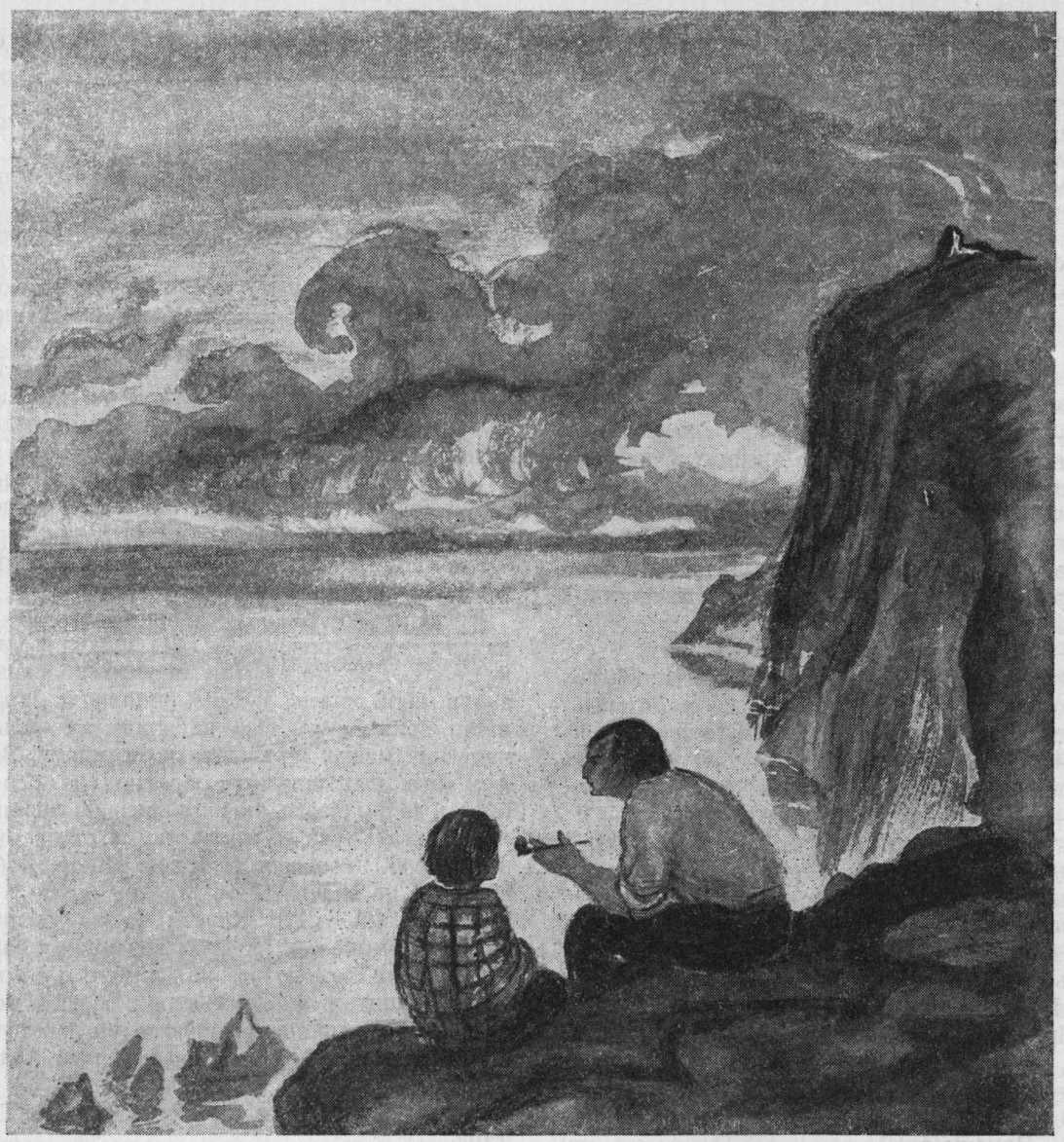
— Гораздо раньше. Двести лет назад, а то и больше. А еще раньше, лет пятьсот назад, здесь, говорят, был Писарро.

— А кто такой Писарро?

— Испанец. Первый, ступивший на эту землю. До него здесь были только индейцы, как ты и я. У них были небольшие лодки для рыбной ловли, меньше чем бот Антонио или Лобо. Они не знали, что на другом берегу моря есть еще страны и люди. Потом пришли испанцы и отняли у индейцев их землю.

— А откуда они пришли?

— Из Испании. На парусниках, какие встречаются еще и сейчас. Вот как «Кап



С вершины Калета Вьеха они наблюдали, не видно ли ботов.

Финистерре», который ты видела, только те были поменьше.

При упоминании о «Кап Финистерре» Тутапа вспомнила свою встречу с Клаусом.

— С «Кап Финистерре» приплыл один мальчик; его выбросило на берег, и на нем ничего не было,— сказала она.— Это было через несколько дней после того, как мы встретили тебя с Пингвином. Дедушка уехал на Пунта де Пескас, и я была одна дома...

Она рассказал про появление Клауса и про то, как он интересовался Ачассо:

— Несколько раз спрашивал, но я ничего не сказала.

— Молодец, Тутапа,— Ачассо погладил ее по голове.

— Ну, а куда же делся Клаус?— спросил он.

— Он хотел идти в Атахуальпу. Я дала ему с собой воды и дедушкины штаны.

— А ты его видела еще потом?

— Ни разу. А ты его знаешь?

— Мы плыли с ним вместе на «Кап Финистерре».

И Ачассо рассказал, как Клаус в гамбургском порту спустился к нему в якорный ящик, как им пришлось просидеть там две

недели в темноте, как они плавали, как держал себя Клаус на корабле.

Было около полудня. Ачассо с Тутапой отправились, как всегда, на рыбную ловлю. Сильная волна поднялась на море. Вскипая пеной, волны разбивались о скалы. Ачассо приходилось быть все время настороже, чтобы набегающие волны не подхватили его и не унесли в море. Он спрыгнул с утеса и вдруг увидал над несущейся к берегу зеленой прозрачной волной парус и темный корпус бота.

Это был рыбачий бот Лобо — Ачассо узнал его сразу,— но бот этот был полон матросов военного флота. Ачассо видел, как этот бот, появившийся словно призрак, повернул парус и, обойдя подводные камни, свернул в тихие воды Калета Вьеха. Этот маневр с парусом был проделан с поразительной точностью. На руле сидел Лобо—в этом не могло быть сомнения,—но что означают эти военные матросы? Надо было что-нибудь предпринять для спасения Тутапы. Никто не знает, что она здесь, и ее не станут здесь искать. Она могла бы запрятаться в расселину между скал и выждать; но если предана и арестована вся эстафета рыбачьих ботов, то чего ей здесь ждать? Может пройти целый год, пока кто-нибудь из рыбаков завернет в Калета Вьеха.

Тутапа стояла рядом с ним. Она тоже видела бот с матросами. Ее темные глаза не отрывались от Ачассо.

— Что теперь делать?— спросила она.

— Пока ничего... Надо посмотреть, что это значит.

Бота не было больше видно. Они поднялись на небольшое возвышение и оттуда снова увидали его. Из-за скалистого выступа им было видно, как бот подплыл к берегу и со скрипом врезался килем в песок. Матросы выскочили на берег, за ними и Лобо. И Лобо повел их. Они шли по берегу к месту, где ответвлялась тропа вверх, к крепостце.

— Может быть, мне пойти и сказать им, что я здесь совершенно одна?— спросила Тутапа.— А если они спросят, где ты, я скажу, что ты с Антонио в Атахуальпе.

Ачассо не успел еще ответить, как в глаза ему бросилось, что матросы никого не оставили у бота: все направились к крепостце. Бот стоял без всякой охраны. Это был большой быстроходный бот, даже парус на нем не был спущен. Надо только подождать, пока отряд матросов не дойдет до вершины, и тогда овладеть ботом.

Но этого не пришлось сделать: свершилось нечто другое.

Тутапа положила руку на его плечо и указала пальцем на бухту. Второй бот обогнул подводные камни на повороте и вошел в бухту. Это был бот шоло; он тоже был переполнен матросами. Матросы, направлявшиеся по тропе к крепостце, тоже заметили второй бот. Они остановились, стали махать руками и запели. Ачассо был вне себя от изумления. Что это, неужели обман слуха?

«Вставай, проклятьем заклейменный...»— доносилось издали.

Или, может быть, это написанный на старый боевой мотив новый фашистский текст? Но нет, из бота шоло донесся ответ:

«Это будет последний и решительный бой...»

Тихие берега Калета Вьеха преобразились. Ачассо покинул свое убежище и вместе с Тутапой спустился на берег. Отряд, окружавший Лобо, начавший уже подниматься к крепостце, вернулся обратно. Как раз в тот момент, когда бот шоло подплыл к берегу и его пассажиры прыгнули в воду, чтоб выбраться на сухой песок, к месту высадки подоспели отряд с бота Лобо, а также и Ачассо с Тутапой.

Ачассо узнал поразительные новости: флот взбунтовался и бунт принял размеры всеобщего матросского восстания. К несчастью, восстание подавлено армией. Радость от первой новости омрачилась удручающим впечатлением от второй.

Один из матросов, молодой арауканец, рассказывал:

— Началось из-за жалованья. Уже три месяца мы ничего не получали. Весь флот присоединился к нам—тринадцать тысяч матросов. Потом мы организовались, избрали совет матросов и кочегаров.

— В Сант-Яго и Вальпарайзо были организованы забастовки солидарности,—сказал другой моряк.

— Но селитряная пампа молчала, — сказал третий. — Напротив, из пампы явились войска, полицейские отряды, жандармерия. Всеми этими канальями предводительствовал Саведра.

— Ну и пес же этот Саведра! — проворчал арауканец.

Они поднялись к крепостце. Ачассо просмотрел почту, привезенную Лобо. Патакоха писал, что у них в столице прячутся еще несколько матросов, которых тоже необходимо переправить в Калета Вьеха. В об-

щем их набирается двадцать восемь человек.

«Это лучшие из участников восстания. Нельзя допустить, чтоб они сгнили на мысе Горн», — писал Патакоха.

Он спрашивал, смогут ли рыбаки обеспечить на два месяца содержание этих товарищей.

«Они бунтари, но еще не революционеры, кроме Чиу, который играл уже сознательную роль во флоте, — писал он дальше. — Если бы мы могли немного подучить их в Калета Вьеха политической грамоте, мы могли бы послать к Мачо в пампу отряд из двадцати восьми готовых к бою, дисциплинированных и отважных молодцов».

— Пингвин говорил, что через двенадцать дней Мачо будет на Пунта де Пескас, — сказал Ачассо. — Пингвин хотел ожидать его перед бухтой. Сейчас, пожалуй, поспеть туда уже трудно. Но на быстроходном боте Лобо, может быть, это и удастся.

В тот же вечер Лобо приготовил свой бот к отплытию. Арауканец Чиу и Орелио, самый младший из матросов, почти мальчик, провожал Ачассо до места посадки. По дороге они обсудили, что надо сделать до его возвращения.

Лобо взял пресную воду, и все было готово.

Ачассо пожал руки Чиу и Орелио и сел в бот. Парус взвился, и бот скользнул по тихим водам бухты. Выплывая в открытое море Ачассо и Лобо еще раз увидели Чиу и Орелио близ устья бухты. Вскоре скалы Калета Вьеха остались позади.

Ачассо и Лобо предстояло плыть несколько дней и ночей.

Около полудня следующего дня они увидали на горизонте пароход, плывший с юга. Это был пароход каботажного плавания. Он проплыл очень близко от них. Кроме нагроможденных на палубе ящиков и корзин и пестрой толпы пассажиров Ачассо и Лобо заметили солдат, толпившихся на носу, под парусами, освещенными солнцем.

Это был префект Саведра, возвращавшийся со своими солдатами из Кокимбо в Атахуальпу.

С шумом ворвался отряд, приехавший с юга обратно в полицейскую префектуру. Громкий голос префекта раздавался всюду. Но дон Артуро был в прекрасном настроении духа. Своим солдатам, которых он, обходя фронт, называл не иначе как «колченогими» или «косолапыми чучелами», он велел дать водки. Клаусу тоже довелось испытать на себе его великодушие. Берендс исполнил свое обещание и походатайствовал за него. Префект велел сказать ему, что отныне он будет, как все служащие в префектуре, иметь свой выходной день.

На следующий день он в первый раз при ярком дневном свете увидал дома и улицы, горожан в остроконечных широкополых шляпах, босоногих носильщиков, оборванных ребятишек.

Клаус подумал о Линднесе и пошел искать его. Был на молу, на берегу, заглянул и к Милли, но нигде его не нашел. Еще больше думал он о Мартине, которого отвезли в больницу в Атахуальпе. И Линднес, и Яп, и все другие были уверены, что Мартину уже не поправиться.

Он вернулся обратно на мол. Смотрел там на грузчиков, потевших под тяжелыми мешками с селитрой. Потом его заинтересовали два рыбачьих бота, подплывшие с уловом и пришвартовавшиеся к молу. Один из рыбаков был грузный, кургузый, с широкой и выпуклой грудью, на затылке у него торчал хохол; второй рыбак называл его Пингвином. Потом подплыла целая флотилия ботов: их было шесть штук. Паруса у них были потрепанные и грязные, от них несло густым запахом рыбьего жира и крови. Когда они пришвартовались, Клаус разглядел рыбаков поближе. Кроме огромных соломенных шляп, которыми они были защищены от палящего солнца, на них висели одни лохмотья. Он понял, что это за люди: это были такие же перепачканные и облепленные рыбьей чешуей фигуры, какие валялись с ним в калабузо; это, несомненно, ловцы дельфинов, которые работают сейчас у дона Педро за половинную плату.

Один из них отделился от прочих и поздоровался с Пингвином. У этого тоже была какая-то странная фигура: коротконогий, с длинными, достающими до колен, мускулистыми руками. Пингвин потряс его руку, называя его Качимбой. Этот Качимба обратился с несколькими словами и к Клаусу, который из любопытства подошел ближе, но Клаус не понял его и пошел дальше.

В этот день он скоро вернулся в префектуру.

Но в следующий выходной день его ожидал большой сюрприз. Он ходил опять на мол и, когда возвращался оттуда, увидал приближающуюся к нему знакомую фигуру. Это был старик Мартин. Он нес ведра с мусором:

Увидав Клауса, Мартин отставил ведра в сторону. В бесчисленных морщинках вокруг его глаз заиграла улыбка.

— Клаус, Клаус!—радостно повторял он.

Он схватил мальчика за плечи и стал его трясти. Он никак не думал, что Клаус тоже живет в этом городе.

— Но как ты сюда попал? — спросил он. — И где ты был все время? Как живешь и где сейчас обретаешься? У Милли, что ли? Или Слимми тебя подцепил? — он хотел все знать и засыпал мальчика вопросами.

Клаус поднял ведра и пошел вместе с Мартином.

— Тяжелые, чорт бы их взял! — сказал Мартин.

Ведра действительно были тяжелые. С каждым шагом они все больше оттягивали Клаусу руки, а свалка в Атахуальпе находилась в четверти мили от города.

По дороге Клаус рассказал Мартину про все, что тот хотел знать. Когда они дошли, наконец, до места, он весь вспотел и едва переводил дух. Он удивлялся, как старик может каждый день совершать два таких похода, к тому же под немилосердно палящим солнцем.

Они опорожнили ведра и присели: Клаус внизу на песке, старик — на камне. Это было место, где он обычно присаживался и мог просиживать так часами, безмолвно глядя на море.

— Так вот куда тебя угораздило. И уже два месяца живешь в калабузо? — спросил Мартин.

— Сейчас уже больше. Вот уж неделя, как вернулся дон Артуро.

— Дон Артуро, префект?

— Да.

— Небось, вернулся с орденом на груди?

— Да. Вот потому-то мне и разрешено теперь ходить в город. Кроме того с ним говорил обо мне Берендс.

— Вот так-то оно всегда в жизни: горе для одного иной раз оборачивается счастьем для другого.

Клаус захотел узнать, кому орден префекта принес горе.

— Как? Ты не знаешь? Не знаешь, что твой дон Артуро был в Кокимбо и что там происходило?

— Ничего не знаю, — ответил Клаус.

— В Кокимбо был бунт в военном флоте. Матросы хотели свергнуть правительство. Но они были разбиты, и этот самый дон Артуро командовал солдатами, стрелявшими в матросов. Вот за это он и получил орден. Вот с какой публикой ты живешь! — закончил Мартин.

Клаус твердо решил поскорее оттуда убраться — это прежде всего. Но куда идти, — вот вопрос!

— Линднес тоже не попал на корабль,— сообщил Мартин. — Слимми отправил его куда-то в рудник, кажется, в Сан-Антонио. Но возможно, что он где-нибудь совсем в другом месте. Может быть, они упрятали его в лагерь.

— Какой лагерь?

— Ты и этого тоже не знаешь? Это специальное изобретение твоего дона Артуро, как ты его зовешь.

— Да его все так зовут.

— Он не дон Артуро, а дон Дьябло, или попросту — дьявол, сатана! Нет, не хотел бы я попасть в лагерь, уж лучше таскать эти ведра с мусором!

— А что это за лагерь?

— Трудовой лагерь, как они его называют. Участок посреди пустыни, с четырех сторон обнесенный забором. Туда они согнали безработных, и каждое утро выводят их на «трудовую повинность», как они говорят. Вечером возвращаются обратно. Они там строят железную дорогу. Нет, в лагерь ни за что, ни за какие коврижки!

— А где ты живешь? — спросил Клаус.

— Где живу-то?..—Мартин помолчал. — Живу я недалеко отсюда, с полчаса ходьбы. Там, на Пунта де Пескас, на берегу, валяется остов парохода. В нем довольно просторно. И Джеко там тоже со мной.

Джеко был небольшой скворец, живший с Мартином на «Кап Финистерре» и вместе с ним покинувший судно.

— Я останусь у тебя, Мартин. Я не вернусь в калабузо!

Мартин молчал. Он думал о чем-то; на лице его отразилась внутренняя борьба.

— Нет, — сказал он наконец. — Если тебя кто-нибудь найдет у меня, — поволокут обратно, и тогда твое дело будет плохо!

— Сегодня у меня выходной день, — сказал Клаус. — Эту ночь я могу провести у тебя.

Против этого Мартин не имел ничего.

Они дошли до места, где днем выгружали ведра. Отсюда тропа становилась уже, дальше теряясь совсем. Она вела через пески и водоросли. Кое-где приходилось нагибаться под выступами скал.

А вот и остов корабля. Половина черного корпуса висела в воздухе, высоко над морем, застряв между камнями в том положении, как его выбросила когда-то буря.

Вторую половину море давно разнесло по кускам.

Отблески луны ложились на широкие металлические части: последние остатки краски давно облупились. Косолежащий киль спускался, точно мостки, в море. Внизу образовалась миниатюрная бухточка полуприкрытая сверху корпусом корабля. Волны намыли туда песок и гальку. Песок скрипел под ногами Клауса. Мартин взял его за руку и повел за собой. Они взобрались по одному из шпангоутов довольно высоко. Железо скрипело под босыми ногами Клауса, как прежде песок.

— Как тут все проржавело, — проговорил он вполголоса.

— Это ржавое железо еще довольно крепко. Оно, наверняка, продержится дольше чем я, — ответил Мартин.

Вдруг в тишину ворвался совершенно нечеловеческий голос, забился в этой гигантской клетке, ринулся вниз, вернулся и рассеялся. Лишь когда Клаус услышал последний отголосок, он понял, что это Джеко. Когда голос раздался во второй раз, он услышал целую фразу: «Дольше чем я! Дольше чем я!»

Мальчик прижался к старому Мартину, которого он чувствовал здесь единственно близким. В конце концов, они добрались до места, где устроил себе жилье старик. Оно находилось на половине высоты корпуса, поддерживаемое шпангоутами и стеньгами. Это была подвешенная в воздухе цыновка— одинокая просторная койка, гигантское гнездо, устланное высушенными листьями молодых водорослей; там можно было сидеть и лежать.

Гнездо висело в воздухе. Никто, кому довелось бы сюда проникнуть, не предположил бы, что здесь есть человеческое жилье.

Там был и Джеко. Ошеломленный всей окружающей обстановкой, Клаус сначала едва обращал внимание на его покрякиванье. Джеко сидел на краю гнезда, в котором могла бы уместиться тысяча таких, как он.

— И знаешь, он умеет летать, — сказал Мартин. — Не очень далеко: с одной стеньги до другой. Только, когда он летает, похоже, будто человек прихрамывает: у него ведь повреждено крыло...

Клаусу хотелось заставить Джеко поговорить. Теперь, в безопасном теплом гнезде, он хотел бы услышать еще раз звуки, которые там, внизу, так испугали его. Но Джеко, сытно пообедав, точно заснул.

— Напрасно стараешься. Когда он сыт, он никогда не говорит, — сказал Мартин.

Мартин тоже лег. Клаус растянулся рядом с ним. Им оставалось только сгрести на себя справа и слева большими охапками душистое сено из водорослей и покрыться им.

С минуту оба лежали тихо. После некоторого молчания Мартин сказал, как бы про себя:

— Где-то теперь Ачассо?.. Что-то он поделывает?..

— Наверно, как прежде, охотится на нарвалов.

— Ох, не только это! Где бы это он мог быть?

— Я думаю, в Калета Вьеха, — сказал Клаус.

— Никогда не слыхал я про такое место.

— Есть такое, я знаю.

И Клаус рассказал, как Ачассо в канатном ящике «Кап Финистерре» нарисовал на стенке карту здешнего побережья.

— И когда я однажды спросил его про эти места, он все сейчас же стер. И вот я думаю, что главный пункт на побережье...

Мартин положил руку на плечо Клауса:

— Помолчи, Клаус. Лучше ничего не говори: у стен есть уши... Джеко подслушает, а потом будет кричать.

— Калета Вьеха, — проговорил Клаус шопотом на ухо Мартину. — А может, и Пунта де Пескас — это тоже было на карте...

Но Мартин больше не отвечал, и Клаус не знал, спит ли он или о чем-то думает. Вскоре и Клаус перестал шевелиться.

Вдруг в полусне ему послышалось, будто волна набежала внизу, потом будто песок заскрипел под килем бота и внизу загудели голоса, гулко отдающиеся в пустоте. Когда глаза мальчика открылись, он увидал внизу полосу света, а на железных стенах — какие-то исполинские тени, доходившие до гнезда и даже выше. Одна тень, с хохлом на затылке, напоминала Пингвина с мола. Вторая тень, какого-то широкоплечего богатыря, была ему не знакома. Третья тень, профиль дикой птицы, была тенью Ачассо. Но все эти три споривших между собой тени тоже были, конечно, только сном.

«Морено!» — гудело под сводом. И с этим перекатывающимся возгласом исчезли тени на стене, и снова сомкнулись глаза мальчика.

Прошли минуты, прошел целый час — Клаус привскочил. Он ясно слышал: это голос Ачассо! Такой же отчетливый, как там, на «Кап Финистерре», такой же твердый, как во время его стычки с капитаном.

— В последний раз, Мачо! Морено — предатель!

Багор уткнулся в песок, заскрипел киль бота. Клаус сбросил с себя сухие водоросли, которыми он был покрыт. Еще мгновенье — и он перегнулся через край гнезда и посмотрел вниз: подобно вееру, расходилась рябь к берегу, к морским звездам, водорослям и анемонам.

Клаус растерянно оглянулся кругом. Уже светало.

Мартин пошевелился.

— Как ты беспокойно спал,—сказал он.

— Уже совсем светло, — сказал Клаус.— Мне, пожалуй, пора уходить.

Мартин молча повернулся на другой бок. Клаус ощупью, осторожно нашел дорогу к выходу на тропу, по которой они пришли вечером. Ему пришлось перелезть через несколько высоких камней. Когда перед ним открылся свободный вид на море, он увидел в отдалении рыбачий бот. Под натянутым парусом сидели два человека.

Клаус получает новую работу

Префект ходил по двору.

Его добродушие испарилось, и полицейские солдаты, стоявшие длинной шеренгой и чистившие своих лошадей, были опять «колченогими», «косолапыми» и так далее в том же роде. Для каждого солдата, подле которого останавливался дон Артуро, у него имелось «подбадривающее» словечко. Даже на упомянутого уже выше Алоизиуса, который вовсе не принадлежал к составу полиции и лишь как гость стоял у ворот конюшни, покуривая папиросу, он обрушился с криком:

— Проваливай отсюда! У тебя есть, я думаю, дело поважнее!

Тут он заметил Клауса под брюхом одной из лошадей, точнее говоря, лишь его склоненную над двумя лошадиными копытами огромную шляпу. Согнутая фигура, вдвинутая до плеч в широченную пару штанов, почти целиком закрытая шляпой, казалась наиболее экзотическим созданием природы на полицейском дворе, и префект не мог найти подходящего ругательства для этого «головастика в штанах», которого рекомендовал ему лейтенант Берендс как вполне благонадежного парнишку. Он повернулся к сержанту:

— Чья это лошадь? — спросил он. — Почему этот лежебока сам не чистит своего коня?

Солдата позвали, тот выбежал из конюшни с соломой в волосах, с распухшим со сна лицом и предстал перед своим начальством, вытянув руки по швам.

Дон Артуро заорал:

— Ты, андалузский чирий! За что ты получаешь жалованье? Почему ты сам не смотришь за своей клячей?

— Господин префект...

— Три дня калабузо!

Затем префект обратился к сержанту, указывая на Клауса:

— Чтоб я его никогда больше не видел у лошадей! Приставьте его к матросам!

Префект зашагал дальше в сопровождении сержанта. Клаус отложил в сторону скребницу и другие принадлежности для чистки и остановился в нерешительности: он не понимал еще, что получил повышение.

Вернулся сержант, вручил ему тетрадь и карандаш и сказал:

—Ступай в калабузо. Там лежат три матроса. Запиши их фамилии и с какого они корабля.

Когда Клаус вернулся с тетрадью к сержанту, тот повел его в казарму, указал ему там стол, дал несколько заранее заготовленных формуляров и велел вставить туда фамилии матросов.

— Писать умеешь?

— Да.

— Ну так вот тебе бумага, перепиши несколько раз, только фамилий не вписывай.

Клаус не знал, что он переписывает. Матросы, которые должны были подписывать эти «протоколы», знали тоже не больше чем он. Там повторялось одно и то же: пьянство, нарушение общественной тишины, штраф в размере английского полуфунта...

Устанавливать фамилии приведенных с вечера моряков и названия их кораблей, давать им для подписи протоколы, иногда передавать эти протоколы капитанам — такова была работа, которая была возложена на Клауса.

Давались ему и другие поручения.

Приходилось, например, относить разные документы к вицеконсулу. Клаус уже знал, что это за фигура. Посылали его и к дону Педро. Клаус долго собирался с духом, когда стучался в первый раз в дверь этого «живоглота», как его называли ловцы дельфинов. Но когда он вошел, то увидел перед собой лишь маленького человечка, сидящего за письменным столом.

Раз он передал адвокату дону Эмилио приглашение префекта немедленно явиться. У дона Эмилио были свой дом и контора в центре города. Он был весьма элегантным господином, всегда выше головы погруженным в дела. Он являлся вдохновителем и наставником «золотой когорты» Атахуальпы, к которой принадлежали вернувшиеся из столицы сыновья большинства торговцев и обывателей города. За счет дона Эмилио они получали свои золотисто-желтые рубашки, резиновые дубинки и кастеты и собирались в Сарагоса-баре или у дона Хозе, иногда у Милли. Пили и ели они там мало, но зато делали много шума. Дон Артуро посылал их иногда в селитряную пампу для поддержки полиции. По всем этим делам дон Эмилио часто наведывался к префекту.

Дон Рудольфо, дон Педро и дон Эмилио являлись в префектуру, когда им нужно было что-нибудь от префекта или когда тот посылал за ними. Но так называемый «атахуальпский гринго», уполномоченный треста «Cosach», которому принадлежали почти вся пустыня и селитряные копи, никогда не являлся в префектуру. Напротив, префект сам ходил к нему, когда тот его вызывал. Раз как-то Клаусу удалось увидеть этого таинственного человека, когда тот выходил из конторы управления селитряного треста. Это был худощавый, бритый господин с седыми волосами на висках. Он носил панаму и легкий чесучевый пиджак. Ничто в нем не указывало на богатство и огромную власть.

Однажды Клаус получил письмо, которое должен был отнести к городскому архитектору дону Хэмфри Дарнли и передать это письмо или в собственные руки архитектора или молодой мисс Дарнли. Во время прогулки Мартин обратил его внимание на дом архитектора. Бунгало архитектора находилось там, где начинался уже пустынный берег, в ближайшем соседстве со стариком Мартином. Знал также Клаус, что архитектор просиживает за полночь в городе, в клубе, и, когда возвращается оттуда шатающейся походкой, он смотрит на людей стеклянными глазами.

Но, когда Клаус вошел туда, бунгало оказалось отнюдь не вертепом пьяницы-шотландца. Он увидел уютную, погруженную в полумрак комнату, где сквозь приспущенные жалюзи солнце освещало почти пустой письменный стол.

Дона Хэмфри не было дома.

Тогда он должен передать письмо лично мисс.

Его провели в большую комнату, выходящую на море. Вместо четвертой стены в комнате было огромное окно без стекол, с одним только низким подоконником. Отсюда открывался чудесный вид. На первом плане был виден широкий берег бухты, слева громоздились скалы Пунта де Пескас, там же виден был остов парохода, он лежал словно выброшенный на берег кит, а камни перед ним торчали как воткнутые острием кверху огромные зубочистки. Неподалеку проплывали два рыбачьих бота, на одном из них был ржаво-бурый парус. Засмотревшись, Клаус совсем не заметил, как поблизости от него заколыхалась портьера.

— Ну, что ты принес? — услышал он вдруг голос рядом с собой. Он повернулся и увидал против себя молодую женщину.

— Письмо, — пролепетал он растерянно.

— От кого?

— Из полиции, от дона Артуро.

— А вы сами тоже из полиции?

— Нет, я из калабузо!

Она взяла у него письмо и положила на стол. Клаус выполнил свое поручение и собирался уже уходить. Мисс Дарнли опять повернулась в его сторону. Она смотрела на него пристальным и то же время каким-то отсутствующим взглядом.

— Будь добр, постой так немного, —

— Будь добр, постой так немного,— сказала она.

сказала она. В руках у нее уже был кусок угля, она придвинула к себе мольберт. Клаус только тогда заметил развешанные на стене рисунки: рабочего из селитряной копи с обнаженной верхней частью тела, с киркой, занесенной над головой. Нашел здесь Клаус и знакомого Пингвина с мола.

— И Мартин тоже тут! — воскликнул он вдруг.

— Да, это Мартин. Ты его знаешь?

— Мы ведь плавали на одном корабле!

— А теперь ты в калабузо. Что же ты такое сделал?

— Для этого ничего не надо делать. Надо только подсесть к жаровне с рыбой и с'есть рыбину, — вот и сядешь. Не знаю, долго ли меня продержат.

Она посмотрела опять на него как бы застывшим взглядом.

Клаус рассматривал картины на стене.

На одной картине была изображена ловля дельфинов. Целая масса погруженных в воду фигур, размахивающих руками, гуща дельфиньих тел — в этой картине тоже было что-то зловещее.

— Ты видал когда-нибудь, как они работают? — спросила мисс Дарнли.

— Нет, я видел ловцов только на молу. Вот этого я знаю, — сказал Клаус, указывая на одного из ловцов. — Но он ведь не

ловит дельфинов — это ведь Алоизиус, он всегда приходит в гости в префектуру.

Мисс Дарнли принесла блюдо с бананами и апельсинами, поставила его перед Клаусом и подошла снова к мольберту. Клаус снова стал в позу.

— Ну, двигайся, ешь бананы, или смотри в окно, или разговаривай, делай что-нибудь. Только шляпу возьми в руку.

Она наносила уже широкие штрихи на бумагу.

Рисунок был готов. Она сняла его с мольберта и начала другой вольными, широкими штрихами. Быстро кончив, она положила лист на пол.

Клаус посмотрел на эскиз.

— Неужели это я? — спросил он.

— Может быть, и не ты, но так ты выглядишь.

— Я так выгляжу? — повторил Клаус в испуге.

— Ну, а теперь садись и ешь бананы. Пока не с'ешь, я тебя не отпущу. — Она стерла уголь со своих пальцев, тоже села и стала чистить ему банан.

Клаус счел нужным об'яснить этой молодой мисс кое-какие подробности о своем туалете.

— Эту шляпу я не купил, а случайно нашел, — сказал он. — А штаны немного широковаты, это верно. Но случается ведь, что нет и вовсе никаких. Вообще же штаны неплохие. Во всяком случае очень удобные!

— А как же это случается, что нет никаких?

— Например, когда доплываешь до берега, а лоханка уплыла...

Мисс Дарнли никогда не путешествовала с лоханками и ничего не могла понять. Клаусу пришлось рассказать ей историю своего побега с «Кап Финистерре». Она внимательно слушала. Когда он кончил, она посмотрела на эскиз. Повидимому, она сама была им недовольна.

— Надо будет переделать,—сказала она.

Клаус уже стоял, готовый уйти.

— Опять в калабузо? — спросила она.

— Да, но я там не останусь. Сегодня же я уйду оттуда!

— Во всяком случае, приходи ко мне еще раз!

Клаус пообещал и ушел.

Когда он вернулся, канцелярия была закрыта. Он поднялся к квартире префекта и постучался. Префект был один, и это показалось Клаусу хорошим признаком. Когда Клаус, услышав «Войдите!», вошел, он увидал префекта за столом, в кресле, в облаке табачного дыма. Ему повезло: он пришел как раз в такой момент, когда префект скучал в одиночестве и поэтому снисходительно отнесся к неожиданному визиту Клауса.

— Это ты? Что тебе здесь нужно? — спросил он.

— Мне надо с вами поговорить, господин префект.

— О чем?

— О себе самом.

— Забавно! Ну, выкладывай свое дело!

— Я хочу уйти отсюда.

— Почему?

— Мне здесь не нравится.

— Мне тоже не нравится. По-настоящему мне полагалось бы быть совсем в другом городе и сидеть совсем в другом кресле.

На лице префекта появилась та самодовольная улыбка людоеда, которую Клаус знал уже давно. Префект позвонил сержанту Нивелю.

Пока сержант пришел, он продолжал спрашивать:

— Что ты, собственно, думаешь делать?

— Буду работать.

Префект расхохотался.

— Можешь бегать по городу с утра до ночи — работы ты здесь не найдешь!

— Тогда буду носить ведра с мусором, или пойду на корабль, или буду рыбу ловить.

Вошел сержант. На вопрос префекта, он ответил, что мальчик ведет себя хорошо и свою работу с матросами исполняет удовлетворительно.

— А правда ведь, он удивительно похож на этого гринго с горы? — спросил префект.

— Да, чем-то очень напоминает, — подтвердил сержант.

Справка сержанта о поведении Клауса решила его судьбу.

— Ты останешься! — сказал префект.

— Нет, я уйду!

— Что-о-о?

— Я ничего не сделал, и вы не имеете никакого права... Я уйду!

— В калабузо! — распорядился префект.

И вот Клаус опять лежал с железным кольцом на ноге. На четвертый день пришел сержант, освободил его и вернул к исполнению его обязанностей.

Только поручений в город ему больше не давали.

Несколько дней спустя Клаус сидел вечером в своем темном углу. Вдруг в дверях он увидел грузную фигуру префекта, оравшего во весь голос:

— Черти проклятые! Вы думаете, он что-нибудь выведал от этого прохвоста?! Не тут-то было!

В ответ раздался другой голос — голос Берендса. Это возбудило в Клаусе кое-какую надежду. Может быть, он опять как-нибудь поможет ему.

— Я уже сумею развязать ему язык. Предоставьте мне этого парня! — сказал Берендс.

— Словом, этот матрос был там, в Кокимбо, участвовал в мятеже, и это уже второй, которого мы сцапали в пампе.

— У меня заговорит, ручаюсь вам, господин префект!

Префект и лейтенант скрылись.

Вскоре пришли двое полицейских, освободили одного из арестованных и увели. Это был еще совсем молодой парень, остальные, арестованные с ним вместе в пампе, называли его Орелио. Когда его уводили, товарищи его принялись свистеть, подняли адский шум.

Когда матроса привели обратно, он свалился на землю как мешок. Один из солдат бросил рядом с ним его рубашку. Но избитый не пошевелился даже, когда его ногу привинчивали к брусу.

Солдаты ушли.

— Ну и молодчина этот гринго, — сказал один.

Второй прибавил:

— Так ничего и не сказал, а такой еще мальчишка.

Клаус принес ведро воды, губку и подошел к избитому. Этот матрос был, наверно, немногим старше Клауса.

— Не трогай его, спину не трогай! Чорт бы их подрал! — проговорил сосед избитого. — Лицо ему только обмой, это освежает.

Орелио был хладнокровно засечен до полусмерти. Это было хуже всего, что Клаус видел раньше.

Клаус прошел через затихший калабузо. Вид иссеченной спины преследовал его.

«Но кто поможет мне выбраться отсюда?» — этот вопрос неотступно стоял перед ним, когда он засыпал.

Луна освещала бледным светом лица лежавших в калабузо. Крыши Атахуальпы блестели как серебро.

И вдруг в эту мирную ночь пробудился от сна великан Ислуга, выплевывая из себя раскаленную лаву и рассеивая далеко кругом свой пепельный дождь.

Спавшие в калабузо вскочили.

Лошади ржали и рвали свои цепи. Люди в калабузо с ужасом поворачивались с боку на бок, но двинуться дальше им не позволяло железное кольцо на ноге.

— Терремото! Землетрясение! — кричали кругом.

— Терремото! — доносилось и со двора в калабузо.

Земля качалась как палуба океанского парохода.

Клаус бросился бежать со всех ног.

Здания полицейской префектуры сотрясались, стекла в окнах звенели. Это был уже не одиночный подземный удар, а волны, идущие одна за другой, способные разрушить дом до основания и засыпать обломками людей. Полицейские, ведя лошадей под уздцы, захватив на бегу седла и что попало под руку из амуниции, толпились у выхода.

Клаус был вынесен на улицу потоком солдат и лошадей. Как ни странно, он не думал об оставшихся в калабузо заключенных.

Население города высыпало на улицу. Многие добежали до площади. Там, на широкой, открытой поверхности, они чувствовали себя в наибольшей безопасности.

Все новые и новые люди прибегали на площадь. Тут были мужчины и женщины босиком, в одних рубашках, тащившие за собой детей. Некоторые успели накинуть на себя одеяло или портьеру. Были и такие, что в панике тащили с собой ненужную мелочь. Какая-то женщина держала в руке корзину из-под письменного стола, другая — зажженную керосиновую лампу, какая-то девочка в возрасте Клауса носилась с клеткой, в которой сидел старый, вылинявший попугай.

Эта клетка напомнила Клаусу про Мартина и его железный дом. Может быть, ржавое железо не выдержит так долго, как рассчитывает Мартин. Но вот явился и Мартин. Он пришел вместе с Булли и постояльцами гостиницы; Милли тоже была с ними.

Новая подземная волна пронеслась под ногами.

Все звенело и дребезжало. Почва колебалась, покрывалась трещинами.

— В один прекрасный день весь город провалится в море! — проговорил Мартин.

— Тогда провалится и тот, на горе! —

вставил один из рото, указывая на дом, возвышавшийся на скалистом уступе. Все посмотрели на этот гордый дом, сверкающий рядом освещенных окон.

— Там звенят только бокалы за столом, — вставил кто-то.

Три раза за последние двадцать пять лет город Атахуальпа стирался землетрясением с лица земли. Землетрясение превращало его в груду обломков, волна уносила их в море. В последний раз весь город сгорел дотла, но дом на горе продолжал стоять; Обитатели этого дома, которым принадлежали богатейшие залежи селитры в глубине материка, всегда доставляли средства для отстройки города заново.

И на этот раз дом на горе устоял. Ни одно окно не было разбито. Вообще дело не дошло до полного разрушения города.

Когда подземные удары прекратились, люди стали расходиться по домам.

Клаус с ужасом думал о калабузо. Ему хотелось как можно дольше не возвращаться туда, и, когда Мартин пошел домой, Клаус отправился с ним.

Дорога вела Мартина и Клауса вниз, к свалке. Мартин сказал, что у полиции в такую ночь и без него много дела и никто не заметит его отсутствия, так что он спокойно может вернуться лишь к утру.

Таким образом Клаус переночевал еще ночь у Мартина и, засыпая, думал о префекте, о мисс Дарнли, о матросе Орелио в калабузо, о Беренсе, об Алоизиусе, который почему-то попал на картину Джен Дарнли, о Пингвине, Ачассо, о спорящих великанах и об имени «Морено», подхваченном гулким эхо в том странном сне, который ему снился, когда он ночевал здесь в первый раз.

Но вдруг он задрожал от страха. Он схватил старика Мартина за оба плеча и стал трясти его. Таинственное имя «Морено», раскатываясь по остову корабля, и на этот раз заставило его очнуться.

— Что такое, что с тобой?

— Ты слышишь? «Морено»!

— «Морено»? А, это Джеко кричит.

Да, это был Джеко. Он сидел на краю гнезда, раскрывал свой жесткий клюв и выкрикивал это имя.

Наступило утро. Клаусу давно уже полагалось быть во дворе префектуры. Может быть, он там сейчас нужен. Но в данный момент его целиком захватила одна мысль.

— Кто такой Морено? — спросил он.

— Я и сам не знаю. Почему ты спрашиваешь?

— Откуда Джеко взял это слово?

— Не знаю. Как-то однажды сказал он его и с тех пор повторяет каждое утро.

— Когда это было в первый раз?

— Да, постой... Да, да, это как раз тогда... В тот раз, когда ты ночевал здесь, сейчас после того, как ты ушел. Я уж подумал было, что это ты его выучил.

— Нет, нет... это не я! — вскрикнул Клаус.

Мартин был изумлен.

— И он предатель, — заявил Клаус.

— Кто?

— Морено!

— Так ты его знаешь?

— Нет, я не знаю. Но это сказал Ачассо!

— Ачассо?

— Да, Ачассо. Он был здесь в тот раз, когда мы спали.

Клаус выговорил это прерывающимся голосом. Это было уже свыше его сил. Он упал на плечо Мартина и разрыдался.

— Он был здесь, и мы... мы спали, мы проспали его!

Клаус рассказал Мартину все, что тогда он принял за сон, про Ачассо, про Пингвина и про того, третьего.

— Я теперь вспомнил. Его звали Мачо, — сказал он.

Мартину этот рассказ показался невероятным. Но как же крик Джеко? Он опустился на одну из поперечных перекладин, раскрыл клюв и проскрипел: «Морено — предатель!» Фантазия начинала походить на правду.

— Мы должны найти Пингвина, — сказал Клаус, — он скажет нам, где Ачассо.

„Гринго"

Клаусу повезло.

В стране опять случилось большое несчастье. И как всегда в таких случаях, в казармах водка лилась рекой.

Префект велел позвать Клауса к себе в канцелярию.

— В чем ты ходишь, Гринго! — сказал он. — Ты позоришь всю полицию Атахуальпы. Надо этому положить конец. Мы тебе тут приспособим мундирчик.

Он вручил Клаусу пакет.

— Возьми это и одень. Отныне ты служишь в канцелярии. Сегодня в десять вечера явишься ко мне и приступишь к исполнению своих обязанностей. Кругом, марш!

В казармах Клаус развернул пакет. Там были легкий чесучевый пиджачок такого же фасона, как носил уполномоченный треста Cosach, и панама, изготовленная, повидимому, тоже по особому заказу. Она была очень похожа на шляпу, какую обычно носил этот всесильный человек.

Клаус должен был немедленно надеть на себя этот «мундирчик», как называл его префект. Полицейские поняли, что означает эта шутка дона Артуро. Клауса поставили на стол, и вся пьяная, шумливая команда окружила его кольцом.

— Гринго! — орала вся банда.

Клаусу это не нравилось. Ему хотелось поскорей снять с себя этот пиджачок, но сержант об'яснил ему, что пиджачок и панама — это его мундир. «А сбрасывать мундир почти равносильно дезертирству», — сказал он. Клаусу выдали еще пару полицейских сапог. Однако ему оставили старые штаны, полученные им в рыбачьей хижине.

Клаус при первой возможности улизнул из казармы и побежал на берег. Он добежал до остова парохода, но Мартина там не застал и повернул обратно.

Неожиданно он очутился у дверей мисс Дарнли.

Она сидела у окна, перед ней лежала раскрытая книга. Она тоже увидела, что случилось, и сразу поняла, что означает его наряд. Но она не улыбалась и смотрела на него своим глубоким, проницательным взглядом.

— Садись, Клаус, — сказала она.

Он сел, но не говорил ни слова. Это молчание действовало успокоительно.

— Пингвина я не нашел! — произнес он, наконец.

— Я его тоже больше не видела. Действительно странно. Как сквозь землю провалился. А зачем он тебе?

Клаус сказал мисс Дарнли, что Пингвин мог бы ему помочь найти одного друга, на которого у него вся надежда. Он спросил, не знает ли она некоего Морено. Нет, это имя ей незнакомо.

— Вы ведь знакомы с префектом, — заметил было Клаус. Он хотел было попросить закинуть за него словечко перед доном Артуро, но запнулся. Однако она поняла его без слов.

— Я ни о чем не хочу его просить! — сказала она.

— Да, просить не стоит, — подтвердил Клаус. — Я просто куплю бот. На нем я смогу отсюда отплыть, а потом где-нибудь ловить рыбу!

— Какой бот?

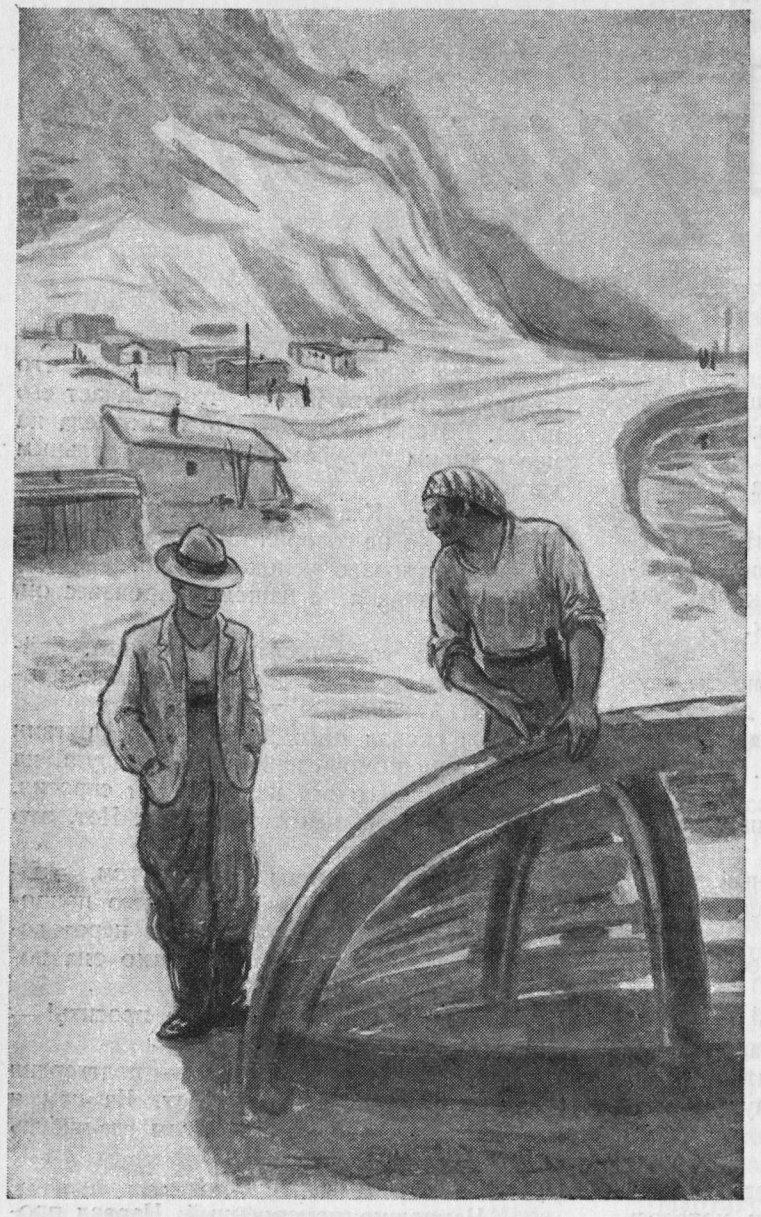
— Немножко попорченный. Нарвал проломил в нем несколько досок, но я слышал, что зато он дешево продается.

— А деньги у тебя есть?

— Я подкапливаю. Скоро у меня будет достаточно.

— Тебе надо хорошо обдумать свой план и упорно идти к цели. А когда борешься за свою свободу, получаешь иногда помощь, откуда совсем не ждешь.

Джен Дарнли знала, как мальчику нужна поддержка в этот момент, и неожиданно стала рассказывать ему о стране, откуда она родом, о том, как шотландские кланы боролись за свою независимость, как они победили всех временщиков и тиранов с



Качимба нагнулся к боту и ткнул ножом в дерево киля.

помощью упорства, благоразумия и мужества.

Клаус слушал ее тихий голос, забыл знойный берег, и селитряную пампу позади, и калабузо. Клаус почувствовал желание вступить в бой за свое освобождение.

Ровно в десять он стоял перед дверью префекта.

Из комнаты доносились громкий разговор и смех. Клаус приоткрыл дверь. За столом сидели префект и Берендс, а с ними еще лейтенант Альварес. Был там также и Алоизиус, но тот одиноко сидел у стены.

Из-за бутылок и стаканов префект увидел Клауса. Его вид и новый наряд, который был на нем, развеселили префекта настолько, что он громко расхохотался, держась за живот.

— Надень только еще шляпу. Это часть мундира, ее не снимают. Налей нам!

Клаусу пришлось наполнить бокалы, после чего он хотел уйти, но префект остановил его.

— Наш Грингито!— сказал он.—Точь-вточь, не правда ли, и, конечно, блондин, вполне как полагается гринго. Только немножко меньше ростом.

Клаус вынужден был еще раз наполнить бокалы. Префект и оба офицера продолжали оживленно разговаривать.

— Однажды в Берлине мы поставили к стенке двадцать восемь красных. Там была женщина. Она вздумала было брыкаться. Ну полковник распорядился: «Кнутом ее!»

Клаусу хотелось плюнуть в это бледное, пьяное лицо. Но в голове у него прозвучал звонкий голос: «Упорство, благоразумие, мужество!»

Берендс тем временем рассказывал уже о чем-то другом.

Все трое разговаривали и пили, потом префект подошел к телефону и взял в руки трубку. Он говорил с какой-то донной Терезой и хохотал до слез.

— Гоните гостей к дьяволу! Мы сейчас явимся! — крикнул он в трубку.

Все трое встали и, пошатываясь, направились к дверям. Клаусу пришлось принести префекту его длинную, волочившуюся по земле саблю. Дон Артуро сказал ему на прощание:

— Грингито! Завтра к одиннадцати утра — в канцелярию.

На следующее утро, в назначенный срок, Клаус явился в канцелярию.

В приемной дона Артуро он стоял рядом с чиновником, на обязанности которого было докладывать префекту о просителях. Иногда вызывали полицейских, и тогда просители выходили из кабинета префекта в сопровождении конвоя.

Потом префект, к великому удивлению Клауса, распорядился выдать ему жалованье за все время, включая и те дни, что он провалялся в калабузо.

— Хорошенько только используй деньги, — сказал префект. — Посмотри город, людей. Загляни в Сарагоса-бар и в клуб Боливар. Закажи там воду со льдом и обязательно скажи в точности такую фразу: «И несколько капель ангостура!»

Последние слова имели особый смысл. Это была обычная формула селитряного гринго, когда он изредка заглядывал в какой-нибудь из ресторанов Атахуальпы. Префекту было недостаточно выставлять на показ своего миниатюрного гринго в своей приемной, ему надо было, чтобы его видели в городе.

Для Клауса были безразличны мотивы дона Артуро. Для него было важно, что теперь у него есть свободное время и деньги в кармане.

Он тотчас же отправился в город.

Ловцы не вылезли еще на мол, как он узнал уже среди них Качимбу и помахал ему рукой.

— В чем дело? — спросил Качимба.

— Теперь я мог бы купить твой бот.

Они пошли посмотреть бот. Он лежал за хижиной Качимбы. По дороге Клаус спросил про Пингвина.

— Прежде я его так часто видел, а теперь его нигде не найти, — сказал он.

Они дошли до хижины Качимбы и вышли через заднюю дверь на берег. Там лежал злополучный бот.

Качимба нагнулся к боту и ткнул ножом в дерево киля.

— Ни чуточки гнили, — сказал он. — Лучший калифорнский дуб.

Он обратил внимание Клауса также на состояние шпангоутов и на крепкое строение всего корпуса бота. На одной стороне и на корме осталось еще кое-что от обшивки, но большую часть бота нарвал уничтожил вконец.

Клаус покачивал головой.

В душе Качимбы вид этого бота тоже, казалось, пробуждал грустные воспоминания.

— Один только раз взял я с собой на ловлю Морено, и вот что у меня осталось от бота.

— Морено?

— Да, Морено?

— Кто такой Морено? Где он сейчас?

Качимба нашел, что мальчишка был слишком любознателен.

Только что он для чего-то спрашивал, где сейчас Пингвин. А ведь мальчишка служит, в конце концов, при полиции.

— Я продаю бот, а больше я ничего не знаю, ни про Морено, ни про кого-либо! — заявил Качимба.

— Жалко, мне хотелось бы что-нибудь услышать про Морено! Это очень важно!

Качимба рассмеялся над его откровенностью.

— И мне тоже жалко! — сказал он. — Ну, а как же с ботом?

Клаус осмотрел еще раз остов. Видно было, что он действительно из хорошего дерева и устойчив.

— Жалко, что несколько шпангоутов обломано, — сказал он.

— Нужны только дерево да хороший плотник, — ответил Качимба.

В конце концов, цена, которую требовал Качимба за бот, была невысока. Один парус, который он давал в придачу, уже стоил этих денег. Поэтому Клаус решил купить бот, причем у него осталось еще немного денег.

Сведения о Морено Клаус получил самым неожиданным образом. Когда полицейские отправлялись в селитряную пампу, они возвращались обыкновенно с целой толпой арестованных. В один из таких вечеров, когда калабузо заполнился арестованными из селитряной пампы, Клаус увидел Алоизиуса. Он был арестован вместе с другими в пампе и, как и прочие, привинчен к железному брусу.

Клаус не любил его, но так как он был с ним знаком, то захотел узнать, каким образом тот попал в такое положение и нельзя ли ему чем-нибудь помочь. Но это ему надо было проделать так, чтобы остальные не заметили. Когда стемнело, он осторожно пробрался к месту, где лежал Алоизиус.

Но только что он хотел его позвать, как сосед Алоизиуса вдруг спросил:

— Ты спишь, Морено?

Мысли закружились вихрем в голове Клауса: «Морено! Значит, это Алоизиус! И все время он разгуливал здесь, у него на глазах!»

Клаус продолжал слушать.

— Давно ты знаешь этого Чиу? — спросил Алоизиус-Морено.

— Столько же, сколько и ты, — с тех пор, как он появился здесь.

— Но откуда он явился?

— Не знаю.

— Чиу! — повторил Алоизиус-Морено, потом еще раз, повидимому, в глубоком раздумье: — Чиу!

Алоизиуса вместе с несколькими другими отпустили на следующее утро, после первого допроса.

Когда Клаус в тот же день явился к Мартину, тот решил, что это открытие очень важно и что они должны известить об этом Ачассо. Но для этого они должны были найти его или по крайней мере кого-нибудь, кто знает, где он находится. Пингвин совершенно исчез, и несмотря на все поиски они не могли его отыскать.

За этими хлопотами Клаус почти забыл про свой собственный бот. Наконец, они с Мартином, который был когда-то судовым плотником, принялись за работу. Когда Мартин подошел в первый раз к боту Клауса, он сказал, что тут имеются лишь идея и контур бота, но что дерево здоровое. «Жалко только, — сказал он, — что в нем так много идеи и так мало дерева».

Они купили дерево. Оно стоило очень дорого. На шпангоуты уже не хватило денег, а про обшивку нечего было даже и думать.

Все же дерево было куплено, и работа началась. С наступлением темноты Клаус вернулся в префектуру.

Во дворе префектуры было людно. Полицейские седлали лошадей. Сержант распределял патроны и продовольствие. В канцелярии сидели Берендс и чилиец Альварес. Алоизиус-Морено был тоже там. Он стоял в прихожей и ожидал, когда его позовут.

Тем временем сержант Нивель скомандовал отряду построиться в три отделения. Когда подошли оба офицера, последовала команда «На коней!», и полицейские поскакали.

Алоизиус не поехал с ними...

Клаус все время не терял его из виду и, когда он ушел со двора, пошел за ним следом. Алоизиус медленно поплелся по улицам, несколько раз оглядывался, а затем пошел по направлению к вокзалу. Там, как всегда в этот час, стоял поезд, отправлявшийся в горы, в пампу.

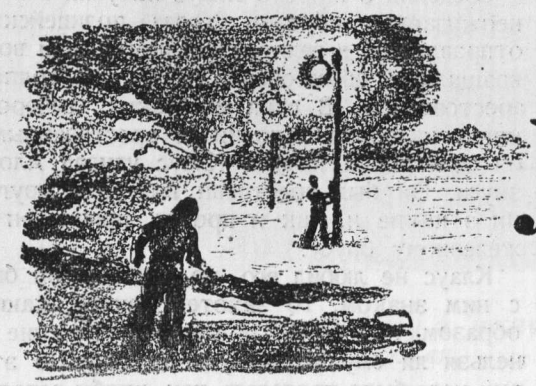
Алоизиус подошел к кассе.

— В Ла Паланку! — потребовал он билет.

Обернувшись, он увидел Клауса.

— Ты зачем здесь?

— Мне тоже нужно с'ездить в Ла Паланку! — ответил Клаус.



Ла Паланка

В ту же ночь ловец дельфинов Качимба поднялся с постели раньше обыкновенного. Он зажег лампу и поставил ее у окна так, чтобы свет ее был виден со стороны бухты.

Вскоре он услышал позади своей хижины скрип врезающихся килем в песок ботов.

Он погасил лампу и вышел.

Два бота с высокими косыми парусами, какими пользуются охотники на нарвалов, стояли на берегу, позади его дома.

Из ботов вышли трое мужчин. Они прошли мимо разрушенного бота Качимбы и вошли в хижину.

Качимба остался на берегу.

Он пожал руку старику Антонио, сидевшему в одном из ботов. Подал ему в бот бочонок пресной воды, приготовленный еще с вечера, затем помог отчалить от берега сначала Тутапе, пересевшей в пустой бот Пингвина, потом оттолкнул и бот Антонио. Оба бота сделали поворот и скрылись

в темноте. Все это заняло несколько минут и было проделано почти молча.

Качимба пошел к себе в хижину. Лампу он уже не зажигал. Трое мужчин, сидевших сейчас на его постели, — лиц их он не мог видеть, — были Пингвин, прибывший из Калета-Вьеха Ачассо и приехавший из столицы Патакоха.

— Все в порядке, — сказал Качимба. — Пустой поезд из-под селитры уходит через час в Ла Паланку. Чиу договорился с машинистом.

— Тогда пойдемте, — сказал Патакоха.

Качимба передал Ачассо письмо от Чиу, после чего все вчетвером покинули хижину. Избегая улиц, они подошли к станции со стороны путей.

Им надолго пришлось искать: Качимба знал, где найти машиниста, и вскоре они стояли перед человеком, измазанным машинным маслом.

— Вот и мы, — сказал Ачассо.

— Хорошо. Идите в задний вагон. Лучше всего — в задний вагон. Я сделаю остановку, не доезжая до моста. Кусок вам придется еще пройти. За три четверти часа сможете быть на месте.

Ачассо и Патакоха прошли вдоль поезда. Все вагоны были пусты, один только ящик пива и несколько мешков картофеля были приготовлены для погрузки.

Поезд тронулся и, пыхтя, стал подниматься большими зигзагами в гору. Поднявшись на тысячу метров, он достиг пампы, где ускорил ход.

Уже рассвело. Ачассо вынул переданное ему Качимбой письмо. Содержание письма омрачило его.

На этот вечер была назначена встреча. Кроме Чиу и его бригады, представлявшей целую сеть связи, должны были быть привлечены к обсуждению вопросов Мачо и главнейшие активисты пампы. А из письма Чиу вытекало, что Мачо счел нужным пригласить целый ряд средних и младших активистов и вместо предусмотренных двадцати пяти человек на собрании должны будут присутствовать человек пятьдесят — шестьдесят.

— Шестьдесят человек — да ведь это весь аппарат! — заметил Патакоха.

У Ачассо явилась еще одна мысль.

— В таком случае там будет и Морено тоже? — спросил он.

— Очевидно! У меня имеются сведения от Мачо, что он очень активный работник и лучший из его курьеров...

— Но ведь весь актив пампы заседает сегодня вечером, и если среди них окажется предатель...

Эта мысль заставила и Патакоху вздрогнуть.

— Это собрание — ошибка! — согласился он.

— Оно не должно состояться. Мы отошлем всех обратно и будем заседать отдельно где-нибудь в другом месте!

— Нет, это не выйдет. Для этого, повидимому, нет и достаточного основания. А без причины нам нельзя затягивать свое выступление. Медные рудники в Раконкагуа, заводы в Вальпарайзо, даже крупные земельные хозяйства в Араукании — вся страна готова...

— Именно поэтому и надо отложить собрание!

— Нет, многое зависит от сегодняшних выступлений.

Почти весь день над ними простиралось знойное небо пустыни и стояла страшная жара. Наконец, раздался паровозный свисток, и поезд остановился.

Все трое вылезли из вагона и сошли на полотно.

Им оставалось еще перейти мост через ущелье. Переход по этому мосту, лишенному настила и состоявшему из голой конструкции, поверх которой были наложены шпалы для рельсов, оказался для Патакохи довольно затруднительным. Они не скоро добрались до другой стороны. Перед ними были копи Ла Паланка, рельсы узкоколейки, ряды вагонеток, маленькие паровозики, выбрасывающие из себя клубы дыма. Посреди всего этого возвышалась так называемая «оффицина», где камни размалываются в пыль, вымываются, выпариваются и снова сушатся, пока не получается белый порошок, отсылаемый в мешках на побережье.

Ачассо, Патакоха и Пингвин разыскали жилище Мачо. Там уже были активисты из пампы и часть матросов.

Мачо не было в комнате.

Для многочисленного собрания, намеченного на этот день, в квартире Мачо было слишком тесно, и он пошел искать другого места.

Вскоре он вернулся.

— Морено нашел место, — заявил он, — какой-то пустой амбар, стоящий в стороне от оффицины. Там можно будет разместиться, только со светом надо будет быть поосторожнее.

Ачассо беспомощно осмотрелся. Ему стало душно в комнате. Он чувствовал себя

как ягуар, попавший в западню. Он встал и вышел из дому.

Патакоха и Мачо вышли вслед за ним.

— Послушай, — сказал Мачо, — я не вмешивался в твои дела, и Морено до сегодняшнего дня не слышал ни одного слова про организацию рыбаков, совершенно так, как ты этого хотел! Но, что касается пампы...

— Я не хочу ничего больше говорить об этом!

Ачассо оставался под открытым небом, пока люди не начали собираться в амбаре. Приходили группами, по-двое, по-трое. Скоро стемнело. Селитряные поля, к счастью, не были освещены. Снаружи поставили двух караульных. Посреди амбара был поставлен большой конюшенный фонарь. Силуэт Мачо, вставшего, чтобы открыть собрание, вырос на стене.

— Мы собрались для обсуждения предстоящего выступления, — начал Мачо. — Но Чиу еще нет. Я предлагаю поэтому заслушать сообщение Пингвина относительно положения на восточном побережье.

Теперь другой силуэт вырос на стене, и расширяющаяся кверху фигура почти без шеи, с торчащим на затылке хохлом была действительно похожа на исполинского пингвина.

Ачассо заметил у ног Пингвина еще силуэт — руку, державшую какой-то предмет, и профиль головы, которая, для того чтобы лучше видеть в полутьме, несколько раз низко наклонялась к этому предмету. Это быстрое, торопливое движение с самого начала не понравилось Ачассо. Там сидел Морено, и что-то заставляло его все время поглядывать на часы. Вскоре пришли Чиу и еще трое, которых не хватало. Пингвин прервал свой отчет, и Патакоха взял слово. Без всяких обиняков и вступлений он сразу перешел к делу. Он говорил о количестве безработных в стране, дошедшем до трехсот тысяч из четырехсот тысяч всех рабочих, о решительном, готовом ко всему настроении в центре медной индустрии и среди рабочих столицы. Вдруг Ачассо увидел, что силуэт Морено исчез со стены.

Морено не было больше на месте. Его не видно было нигде среди сидевших в амбаре. Ачассо обругал себя дураком, но все-таки встал с места. Он прошел к выходу. У выхода он спросил одного из караульных:

— Что, Морено вышел?

— Да, только что.

— Куда?

— Да вон туда.

Ачассо тоже пошел ощупью в темноту. Вдруг он услышал звук, как от ноги, наткнувшейся в темноте на валяющееся ведро. Вскоре он увидел перед собой фигуру Морено. Если бы Морено направился в сторону оффицины, Ачассо потребовал бы у него об'яснения, куда это он направляется. Но Морено шел в другую сторону. Ачассо пошел за ним следом. Он чувствовал себя охотником, преследовавшим хитрого зверя, который не должен от него уйти.

Морено пустился бегом. Он добежал до узкоколейки, уходившей в пустыню. Ачассо неслышно бежал за ним. Они достигли середины рабочего поля. Морено остановился. Ачассо подбежал ближе, он встал на плоском скалистом уступе, в нескольких метрах от Морено. Морено стал проделывать какие-то манипуляции у стоявшего там столба. Это был, очевидно, телеграфный столб или мачта электрического освещения, с которой во время ночной работы освещалось рабочее поле. Послышался звук открываемого ящика. У этого дьявола был, значит, с собой ключ! И в тот самый момент, как Ачассо понял, что должно произойти, он услышал, как щелкнул выключатель. До самых границ селитряного поля вспыхнул свет. Оба стояли друг против друга в этом ярком освещении.

Лицо Морено было неузнаваемо.

— Что ты делаешь?! — вскричал Ачассо и сам не узнал своего голоса.

Морено посмотрел на него длительным взглядом, потом захохотал зловещим, отвратительным смехом.

— Смотри! — произнес он.

На границе селитряного поля, со стороны глубокого ущелья, поднимались облака пыли. Одна за другой показались три шеренги кавалерии. Две передних шеренги достигли уже изрытого селитряного поля.

— Предатель! — вскричал Ачассо.

Морено во все глаза смотрел на него. Теперь в его взгляде был страх. В руках его блеснул нож. Их отделяла друг от друга глубокая яма. Ачассо отступил на шаг и прыгнул вперед. Он мгновенно очутился рядом с Морено, выхватил у него из руки нож и вонзил его в грудь негодяя.

Морено без крика упал на шпалу узкоколейки. На его мертвом лице застыла маска ужаса.

Кавалерия была уже близко. Это была конная полиция Саведры в белых мундирах. На изрытом вдоль и поперек поле, напоминавшем лунный ландшафт, всадники рас-

сеялись по всей его ширине, и каждый отдельно прокладывал себе путь. Они неслись во весь опор. Они разбили бы себе головы в этих ямах, если бы не яркое освещение.

Ачассо не успел додумать свою мысль до конца, как стоял уже у мачты. Снова щелкнули выключатели, и все селитряное поле провалилось во мрак. На всадников эта внезапная темнота подействовала ошеломляюще.

Взгляд Ачассо упал на рельсы узкоколейки. Он пустился бегом между ними. Он спешил добежать до амбара, чтобы предупредить собрание.

Узкоколейка сворачивала к оффицине. Ачассо пришлось спуститься с насыпи. Там было уже труднее бежать. Ему приходилось перепрыгивать через ямы и торчком стоявшие обломки скал.

То перепрыгивая, то карабкаясь, нащупывая путь ногами и руками, он мчался вперед. Вдруг от услышал позади себя цоканье копыт. Он продолжал бежать во весь дух. Но через минуту сзади послышались человеческие голоса, конский храп и бряцанье сбруи. Он бросился на землю. К несчастью, это была лишь неглубокая впадина. Над ним в галоп проносились беспорядочной массой всадники в белых мундирах. Потом неспеша под'ехали два отдельных всадника. На краю впадины, в которой лежал Ачассо, они остановили лошадей, вспыхнула спичка и осветила сперва одно лицо и затлевшийся кончик папиросы, потом второе, тоже с папиросой во рту.

Один из всадников был префект. Второе, преждевременно увядшее лицо принадлежало Берендсу. Он был одет в узко обтягивающий тело мундир и высокие лейтенантские краги.

— Представьте себе атаку на такой местности под пулеметным огнем... — сказал он.

— Да, воображаю!..

— Через четверть часа, я думаю, все будет кончено!

Оба неторопливым аллюром поехали дальше. Если бы Ачассо мог слышать дальнейший разговор всадников — об отправке арестованных с пустым поездом из-под селитры, стоящим у оффицины, — он принял бы другое решение. Но тут ему вспомнилась эта самая оффицина и стоящий там поезд с машинистом, который привез его сюда. Машинист, повидимому, был человеком очень осторожным, если не трусливым. Но что оставалось делать? Идти пешком сто двадцать километров по пустыне, без куска хлеба, без глотка воды, ожидая, что его могут задержать у каждого рудника, мимо которого ему придется проходить?..

И он направился к оффицине. Надо было во что бы то ни стало найти машиниста. Тот, наверное, прилег у себя на паровозе или где-нибудь поблизости, чтобы выспаться до рассвета. Ачассо не пришлось его ни искать, ни будить. Другое заставило машиниста проснуться: в воздухе затрещали ружейные выстрелы.

Ачассо не сразу увидел высунувшуюся из будки паровоза голову машиниста. Его лицо выражало беспредельный страх. Но этот человек старался побороть в себе трусость. И вот именно эта черта его характера побудила его ввязаться в авантюру с Мачо, Чиу и вообще в дела селитряных рабочих. Эта же черта не позволила ему просто отмахнуться от Ачассо.

— Это за тобой они гонятся? — спросил он.

— Нет, не за мной.

— Чего ж тебе нужно?

— Мне надо отсюда убраться. Запрятаться в какой-нибудь вагон, куда не будут грузить селитру.

— Во все вагоны будут грузить...

— Ну, тогда, может быть, на паровоз, в бункер...

Снова протрещало несколько выстрелов, на этот раз ближе. Станционный навес осветился вспыхнувшими огнями. Машинист чуть не выпал из своего паровоза.

— Нет, в бункер тоже не годится.

Машинист напрягал весь свой ум, как бы выпутаться из этого затруднительного положения. Спрятать Ачассо на паровозе он не решался, оставить его здесь без всякой помощи — на это у него не хватало духу. Вдруг ему пришла в голову мысль:

— На втором пути, немножко дальше, стоит дрезина. На ней инженер об'езжает пути. Она без мотора, но мчится как дьявол, когда есть ветер!

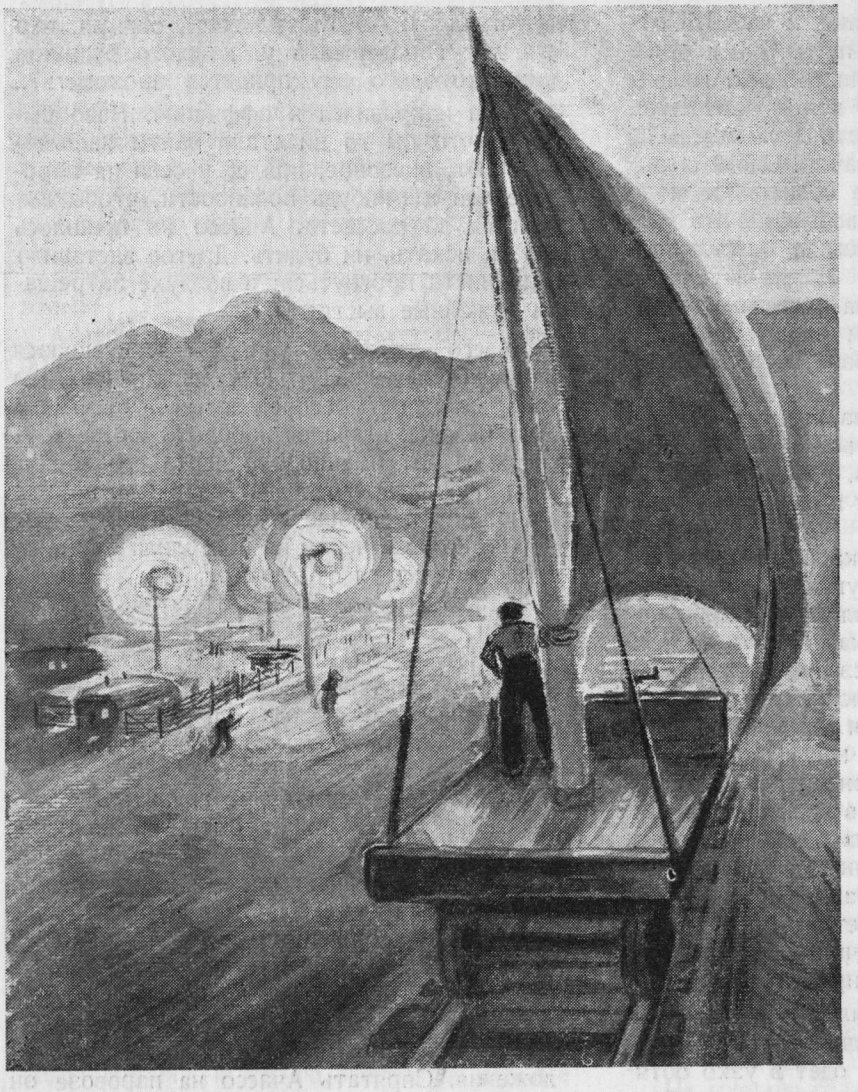
Они подошли к дрезине. У нее имелась мачта с парусом. При ветре она представляла собой, очевидно, прекрасное средство сообщения. Но в данную минуту не было никакого ветра. Правда, ветер должен был обязательно подняться к ночи.

— Пусть только подует малейший ветерок — машина пойдет! — сказал машинист.

Но сам он видел, что в данный момент не было и этого малейшего ветерка. Он почесал затылок.

— Который час? — спросил Ачассо.

Было одиннадцать, оставался час до по-



Ветер надул парус—и дрезина покатилась

луночи, когда надо было ждать ветра. Ачассо стал разворачивать парус.

Машинист дал ему полезные указания. У него на пути будет пять ущелий. Придется переехать через пять мостов. За последним мостом стоит часовой. А там, дальше, километрах в десяти, будет стрелка и ветка в сторону. Главный путь ведет дальше, в Сан-Доминго, но туда ему ехать незачем.

— А ветка? — спросил Ачассо.

— Это новый путь к берегу моря, выстроенный безработными из лагеря. Лагерь расположен тут же, у самого пути. Там тоже нелегко будет проскочить. Но путь идет еще дальше. Месяца два назад он продолжался километров на десять дальше лагеря. Сейчас будет, вероятно, на пятнадцать—двадцать километров.

— У разветвления, значит, надо будет перевести стрелку.

— Да, только, ради всего святого, непременно переведи ее потом обратно.

— А где там стрелка?

В это время послышались цокот копыт, потом громкие окрики. Конвой с арестованными подошел к станции.

— Я не знаю,—успел только проговорить машинист и побежал к поезду.

Ачассо толкнул дрезину. У нее были тяжелые колеса и тяжелая платформа, но колеса были на шариковом ходу—и дрезина почти бесшумно сдвинулась с места. Вдруг загорелся свет. Лампы осветили пути точно днем. Но Ачассо был уже за последним фонарем и медленно толкал перед собой дрезину.

Наконец, вокзал остался позади, и он утонул с машиной в глубокой ночной тьме. Было, вероятно, уже далеко за полночь, когда ему показалось, что в воздухе чувствуется какое-то движение. Он тотчас же поставил парус, чтобы не терять ни малейшего дуновения. Дрезина еще не катилась сама собой, но парус не висел уже тряпкой. Вдруг порыв ветра засыпал Ачассо глаза песком. Дрезина рванулась вперед, увлекая его за собой. Ему едва удалось вскочить на платформу. Ветер надул парус — и дрезина покатилась.

Мимо него проносилась пампа. Ачассо мчался в ночную тьму.

Воздух свистел мимо его ушей, рельсы звенели, и, когда он перемахнул через первый мост, глухой гром прокатился над безд-

ной. Немного погодя он промчался через второй мост, и снова гром прокатился в ночной тишине. Так же перемахнул он через третий и четвертый мосты. В конце пятого моста стоял часовой. Он как призрак, мелькнув перед глазами, скрылся во тьме.

Ближайшим важным этапом была стрелка с уходящей в сторону веткой.

«В десяти километрах после часового будет стрелка», — сказал машинист. Миновав часового, Ачассо с помощью тормоза убавил ход. Дрезина катилась теперь настолько медленно, что Ачассо мог различать каждую шпалу.

Драгоценное время уходило — Ачассо казалось, что оно тянется бесконечно, — пока он не увидал, наконец, стрелку. Он заметил ее еще издали. Сигнальная мачта показывала красный глаз. Значит, главный путь был занят, и дрезина автоматически свернула на ветку.

Ветер продолжал дуть с прежней силой.

Ачассо теперь уже не сдерживал хода дрезины.

Вскоре должен был забрезжить рассвет; с малейшим колебанием температуры ветер мог прекратиться, и дрезина превратилась бы лишь в телегу на четырех колесах.

Ночь была уже разбавлена серым полусветом. Это означало близость рассвета. Вот-вот переменится ветер.

Но вот, наконец, и трудовой лагерь.

Справа казарма. Разбуженные гулом мчащейся дрезины, выбежали часовые. Слева от пути были рогатки из колючей проволоки, а за ними и самый лагерь, представляющий собой скорее загородку для диких зверей чем жилье для людей. Колоссального займа, полученного диктатором от американцев, не хватило на хлеб, а хватило лишь на покупку колючей проволоки и устройство из нее палисадов.

Ачассо впервые увидел на столь близком расстоянии такой «трудовой» лагерь и успел разглядеть несколько фигур, мелькающих в загородке. По другую сторону, на небольшой, поднятой над землей платформе, стояли солдаты в высоких ботфортах. Мгновенно все это осталось позади.

Но Ачассо понимал, что солдаты быстро очнутся от остолбенения и начальник их попытается расследовать тайну промчавшейся дрезины. А на солдатах были ботфорты, — значит, у них были и лошади.

Чтобы выиграть время, важно было проехать поскорее лежавшие еще перед ним пятнадцать — двадцать километров, про которые говорил машинист.

К счастью, теперь, при рассвете, можно было видеть впереди большой кусок уходящего вдаль пути.

Вдруг мимо промелькнул штабель не уложенных еще рельсов, сарай для инструментов и бамбуковый навес для часового. Ачассо сразу принялся тормозить дрезину. Рельсовый путь обрывался. Он изо всех сил нажал на тормоз. Послышались скрежет и визг. Колеса перестали катиться, но скользили как полозья, сохраняя еще остаток скорости и рассыпая искры. Проскользив последние метры рельсов, дрезина поднялась на балластную насыпь и опрокинулась.

Ачассо пролетел еще несколько метров и, оглушенный, растянулся на земле.

(*Продолжение в следующем номере*)

Дружба зверей

Профессор П. А. Мантейфель

Фотографии Е. Леонова

В Зоопарке живет необычайная компания. Двух волков, медведя, енотов, барсуков и лисиц вырастили вместе в позапрошлом году на зеленой полянке молодняка. Эта компания на зиму была оставлена вместе. Казалось, звери должны были давно растерзать друг друга, но они до сих пор живут в одной клетке. Медведь уже большой. Он выше стола. Волкам два года, и в этом году они должны начать размножаться. А пара енотов уже в прошлом году принесла потомство, и никто не тронул щенят, все с большим почтением заглядывали к ним в нору.

Посетителям казалось, что лисицы задирали волков, но волки их не трогали. Силач-медведь, который может превратить человека в лепешку, уступает волчице, когда она, показывая клыки, призывает его к порядку.

Волчица в этой компании молчаливо признана старшей. Она водворяет порядок, не позволяет драться, следит за всеми и вообще ведет себя хозяйкой. Зовут волчицу «Дикта». Эту кличку дали ей юные биологи. Они приняли щенка за волка-самца и назвали «Диктатором», но когда оказалось, что это волчица, то переименовали «Диктатора» в «Дикту». Волчица очень хорошо знает свою кличку и всех юных биологов, которые ее воспитывали.

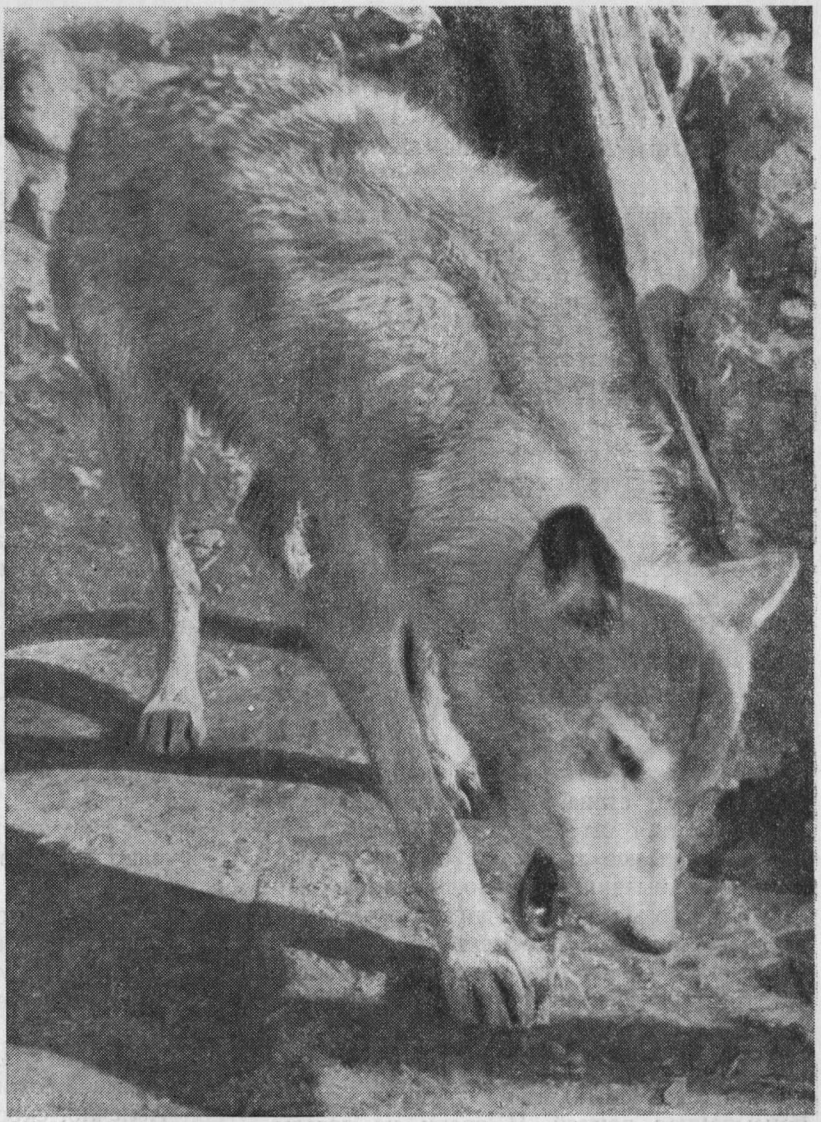
Иной раз медведь, играя с барсуком, входит в раж. Захватив барсука передними лапами, он становится на задние и идет по клетке, прижимая его к груди. Барсуку приходится туго, и он начинает кричать. Тогда подымается «Дикта». Она сгибает хвост дугой, не спеша, поочереди разминает задние лапы. Если медведь не обращает на все это внимания, она подходит и

Медведь, барсук, волк, лисица, енот — все дружно живут вместе на одной площадке.

пристально, строго, в упор смотрит на него. Медведь сейчас же отпускает барсука. Через некоторое время опять начинается игра, и волчица опять водворяет порядок.

Корм никто не распределяет: просто дают им всем вместе два противня с хлебом, с мясом...

Первым подходит медведь и закрывает все лапами. Из подмышек, с боков, лезут лисицы, еноты, барсуки, но медведь им корма не дает. Тогда волчица подходит к медведю и пристально смотрит ему в глаза. Медведь отворачивается, вертит головой, смотрит вверх, назад, а лапами все же прикрывает весь корм. У «Дикты» поднимается одна сторона губы и показываются большие клыки... Если и это не помогает, то она страшно сморщивает нос, становится похожа на ведьму. Если и это не действует, то она кусает медведя в плечо. Медведь отступает на два—три шага назад, оставляя ей весь противень. Волчица выбирает себе еду, выбирают и лисицы, и еноты, и барсуки. А медведь стоит и ждет.



Когда волк завтракает, вид у него очень грозный.

Если волк сыт, лисица может делать, что хочет. Волк добродушен, и лисица, поставив лапы на мохнатую его шерсть, начинает сердито кашлять ему в ухо. Если он не ложится, то лисица даже покусывает его. Тогда он ложится, лисица вскакивает на него и спит, как на диване.

Но совсем другое дело, когда волк гложет кость. Волк ест стоя, упираясь передними лапами в кусок мяса, хватает его резцами, быстро отрывает куски и старается побольше заглотать. Вид при этом у него очень грозный. Иногда он хватает такие порции, что с трудом может проглотить — кусок мяса чуть не с килограмм идет по пищеводу...

Если лисица подойдет и уставится на кусок, — ей не сдобровать. По установившейся привычке она должна отвернуться и проходить мимо. И лисица в самом деле начинает «улыбаться»; она вертит хвостом и, отвернувшись, проходит мимо обедающего волка. Таковы «правила», которые выработались в результате совместной жизни.

Один раз для опыта в эту компанию, выросшую вместе, посадили постороннюю лисицу. Лисица-новичок не знала «правил». Через пять минут она была растерзана ли-

сицами и волками только за то, что прошла не там, где полагается.

У лисицы есть привычка: набрать полный рот еды и бегать часа 2 — 3 с равнодушным видом, точно она не знает, куда деть корм.

Если волчица «Дикта», с'евшая свою порцию, увидит лисицу, бегающую с мясом, она непременно станет отнимать у нее кусок. Но посетители напрасно стоят часами и ждут, кто кому перегрызет шею. Ничего не случится. Волчица старается только вышибить кусок изо рту лисицы, не пуская вход зубы.

Для того, кто смотрит первый раз, все это очень удивительно, но для тех, кто наблюдал их с детства, их поведение кажется совершенно нормальным. Ведь эти звери вместе выросли, и в детстве они были все равны. Все друг друга трепали, если было за что. Волченок однажды схватил за хвост маленького лисенка и поднял его на воздух так, что тот только передними лапами стоял на земле. Лисенок вцепился в нос волченку и разодрал до крови. После нескольких таких уроков волченок перестал трогать лисят.

И теперь, уже взрослыми, они не трогают друг друга, потому что у них в памяти осталось, как они кусали друг друга маленькими. У каждого выработались совершенно новые привычки (рефлексы), которых обычно нет в природе; каждый с малолетства привык не переходить той границы в отношении друг к другу, за которой следует трепка. И вот звери продолжают жить мирно и дружно в тесной клетке, как жили на просторной поляне.

Только в феврале волки начали драться. Но уж так полагается им драться в брачный период. И никто не вмешивается в их дела. Еноты и барсуки мирно спят и не поднимают голову, а медведь сосет свою лапу.

Почему звери не убегают

Площадку, где живут в Зоопарке медведи, окружает стена. Даже маленький ребенок догадался бы подставить свою спину, посадить на нее товарища, а тот, выбравшись сам, вытащил бы его. Если бы один белый медведь встал на другого, то он бы гулял по Москве... Но зверь не догадается. Он и случайно не позволит другому зверю встать себе на спину. Он его сбросит.

Куница и соболь мастерски роют землю, пол в их клетке земляной. Только вдоль края, около сетки, идет тесинка, слегка присыпанная землей. И звери не догадываются рыть в другом месте. Они не догадываются отойти на полшага и подкопаться под тесинку. Они царапаются там, где упираются в преграду. В этом и состоит искусство строить зоологические сады.

Некоторые думают, что зверю клетка неприятна. Это неверно.

Животное скоро привыкает к тому помещению, которое ему отведено. Напрасно вы попробовали бы которого-нибудь выгнать из клетки. Если даже оставить дверь открытой, зверь ни за что не пойдет из клетки, к которой привык. В Зоопарке есть ручной волк, которого выпускают гулять по Зоопарку, но вскоре он начинает «скучать» и требует, чтобы ему открыли его клетку.

Звери привыкают к своим клеткам, у них создаются новые повадки, создаются привычки, которых нет у животных, проживших долго в лесах.

На Северном Кавказе выпустили на волю уссурийских енотов. На следующий день приехали и позвонили в колокол, как звонили в зооферме, где разводили этих зверей, когда сзывали их на кормежку. Они все прибежали, кто из лесу, кто с болота... Потом они мчались с поднятыми хвостами за телегой, ожидая корма.

Конечно, скоро все это пропадает, и звери снова становятся дикими. Но есть животные, которые очень долго не дичают, например лось. Стоит его выкормить, и вы от него не избавитесь. Он будет жить на дворе, ночевать под окном, ожидая корма и ласки. Удивительно, что этот гигант, ростом до двух метров в холке, до сих пор не приручен человеком. Странно, что до сих пор не использована его тяговая сила. Ведь он как бы сам просится в хозяйство человека.

Из всего этого ясно, что человек, воспитывая животных с малого возраста или перевоспитывая взрослых, может вкорне изменить их нравы и привычки. Но, изучая способности животных, мы не должны преувеличивать их.

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ НАУК
БИОЛОГИЧЕСКИХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ,
ГЕОЛОГИЧЕСКИХ, ТЕХНИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ

ТЕХНИКА

Управление реками

Как можно управлять реками? И зачем управлять ими?

Реки не всегда текут по одному и тому же месту. Есть реки, подмывающие берега, сносящие постройки или постепенно уходящие в сторону, так что пристани остаются стоять на сухом месте. Река Аму-Дарья, мутно и быстро текущая по пустыням Средней Азии, часто меняет русло, отступая на десятки метров. И каждая перемена русла этой реки — это десятки и сотни тысяч рублей убытка, смытые дома и поля, обмелевшие оросительные каналы-арыки.

Но и от самой спокойной реки всегда жди сюрпризов. Тут был брод — теперь яма. Здесь пароход сел на мель, какой в этом месте и не бывало никогда. А там, где река поворачивает, она подмывает вогнутый берег и наносит ил на выпуклый.

И вот недавно московский профессор М. В. Потапов сделал замечательное открытие, которым заинтересовались во всем мире: он выяснил, отчего река меняет русло и подмывает берег. На поворотах поток воды, оказывается, идет винтом. На поверхности струи речной воды идут от выпуклого берега к вогнутому, ударяют в него и по дну, неся ил, возвращаются к выпуклому. А самая ось русла все время перемещается от берега выпуклого к берегу вогнутому.

Если бы винтовое движение удалось заменить движением ровным, прямым, параллельным берегам, то разрушение и заиление их прекратились бы.

Да, но как сделать это? И вот вторая замечательная вещь! Оказалось, что сделать это можно, и сравнительно нетрудно. Надо пустить плавать по реке (на якорях, разумеется) ряд щитов-плотов, а второй ряд установить над самым дном. Как расположить щиты, — это решать должен специалист, который исследует именно эту реку в этом месте ее течения. И выяснилось, что эти два забора плотов-щитов могут не только остановить винтовое движение, но и пустить его снова винтом, но в другую сторону!

Специальная научная экспедиция уже пробовала изобретение Потапова на самой непослушной реке—на Аму-Дарье. Щиты поставили в большом канале

Палван, почти занесенном. Прошло два месяца — и вот река сама выполнила работу землечерпалки: вымыла 60 000 кубометров ила. Городу Турткуль, столице Кара-Калпакии, больше не грозит опасность: Аму-Дарья не только перестала подмывать берег, но этот берег теперь растет.

Выходит, что можно не только удерживать реки крепкими стенами, но и в самом настоящем смысле управлять ими!

Шерсть из молока

Можно ли одеваться в стекло, стричь молоко, взрывать скалы воздухом, строить автомобили из бобов?

Эти вопросы кажутся бессмысленными. Это от того, что мы привыкли к другому употреблению вещей.

Но техника расширяет власть человека над вещами. Человек меняет их свойства. Он учится не только просто брать у природы то, что ему надо, но создает нужные ему свойства вещей.

Вот самые последние поразительные сообщения.

Откуда всегда брали шерсть? Разумеется, у овец! Но сейчас в Италии открыли, что можно искусственное шерстяное волокно добывать... из молока! Построена специальная фабрика. А на другой фабрике, в той же Италии, добывают хлопчатобумажную пряжу из... сосновой хвои.

Из Америки сообщают о стеклянных платьях. Они сделаны из мельчайших ниточек и бусинок стекла — из стеклянной материи. Эти платья очень легки, очень тонки, не рвутся, легко стираются.

А из пластмассы бакелита делают плащи. Они не промокают под самым сильным дождем. Такой плащ ничего не стоит сложить и сунуть в карман, как носовой платок: он тонок как шелковый. И как его ни мни, он не помнется и не потрескается.

Из хрупкого стекла, оказывается, можно построить большой прочный дом. Американские фирмы рекламируют стеклянный кирпич. Этот кирпич почти невозможно разбить. Чтобы раздавить его, надо поставить всей тяжестью на один такой кирпич паровоз «Феликс Дзержинский».

Американский автомобильный король Форд сейчас разводит целые плантации сои! Из соевых бобов он получает пластмассу, из которой, оказывается, можно делать автомобильные детали. И Форд даже строит большой завод, который сможет вырабатывать 100 000 соевых деталей в сутки.

В угольных районах Соединенных штатов сейчас пробуют взрывать породу не динамитом, а сжатым воздухом. Воздух вырывается из металлического патрона, где он сжат под гигантским давлением. И, вырываясь, он сдвигает, выворачивает угольные пласты. Этот взрыв гораздо безопаснее динамитного: он не засыпает шахту угольными обломками и едкой пылью. Переждав взрыв, можно сразу приступать к работе.

Но о самой удивительной «замене» сообщают из Калифорнии. Там будто бы удалось заменить самое редкое и дорогое на свете вещество — радий. Радий обладает удивительным свойством: он постоянно испускает миллионы, миллиарды крошечных частиц, потоки лучей. Радиевы лучи очень важны для медицины. Но радия так мало, что весь радий, какой только добыт на земле, можно уместить в конфетную коробку.

И вот в Калифорнийском университете будто бы удалось придать свойство испускать лучи металлу натрию, которого можно добыть сколько угодно, потому что натрий входит в обыкновенную поваренную соль. Натрий приобрел радиоактивность после того, как через него пропустили электрический ток очень высокого напряжения (5 000 000 вольт), а затем направили на него поток частиц (атомов) водорода.

ГЕОГРАФИЯ

Нефть в Арктике

Недавно вернулась в Москву экспедиция, 20 месяцев изучавшая крайний север Якутской республики. Экспедиция нашла признаки нефти в низовьях Енисея, у Хатангского залива и на Таймырском побережье Ледовитого океана. На сотни километров тянется нефтеносный грунт. Когда пробурили скважину, из нее вырвались нефтяные газы. Сколько здесь нефти, пока сказать трудно. Следы ее находили всюду между Леной и Енисеем. Повидимому, весь этот огромный район является нефтеносным.

Мы только начинаем догадываться, какие богатства есть на нашем Севере. Во многих местах, под вечной мерзлотой, найдены угольные пласты. У самых устьев Енисея ломают графит. Великий северный морской путь пройдет по всему побережью Ледовитого океана лентой портов, лесных заводов, промышленных комбинатов. Теперь у завтрашней индустриальной Арктики будет своя нефть. Нефть не даром зовут жидким золотом.

Арктический нефтяной бассейн имеет гигантскую площадь. Может статься, что нефти здесь больше, чем нужно даже будущей Арктике. И, может быть, на карте Советского союза когда-нибудь будет указан один из самых важных нефтяных центров — там, где сейчас занесенная снегом тундра.

ФИЗИКА

Голос моря

В № 3 «Пионера» рассказано, как при очень частых колебаниях воздуха возникают ультразвуки, которых не может услышать человеческое ухо, но которые обладают очень мощным действием. Но что происходит, когда воздух колеблется очень редко, так редко, что мы даже не можем услышать никакого звука? При 16 колебаниях в секунду мы начинаем слышать шум. Но если меньше 16 колебаний?

Оказывается, что и тут получаются особые «беззвучные звуки» — инфразвуки, как их назвали.

Их открыли так.

На корабле, который попал в шторм на Черном море, делали метеорологические опыты. Научный сотрудник поднял шар, наполненный водородом. И вдруг почувствовал тяжесть и боль в ухе. Он опустил шар. Боль прошла. Поднял снова. И снова почувствовал боль. Шар причинял боль, как только его подносили к уху.

На черноморской гидрофизической станции стали исследовать, в чем тут дело. Выяснилось, что водородный шар причиняет боль только на море и только в шторм. В тихую погоду, да и в любую бурю на суше водородный шар не проявляет себя ничем. Загадочное явление так и назвали на станции «голос моря».

Но это натолкнуло и на разгадку. Оказалось, что равномерное колебание волн бурного моря вызывает равномерные колебания водорода в шаре — водородные волны. И ухо услышало их, как боль.

Мало этого. Оказалось, что буря, проходящая довольно далеко, также «настраивает» водородный шар. А если так, то «голос моря» может служить штормовым сигналом. Ведь шар «настраивается», как только до него дойдет звуковая волна с того места, где идет буря. А эта звуковая волна долетит в 15—20 раз скорее, чем дойдет самая буря.

По «голосу моря» можно узнать не только то, что где-то буря: можно узнать, далеко ли она, куда движется и даже с какой, примерно, скоростью идет шторм.

А С Т Р О Н О М И Я

Звезда в восемь раз меньше земли

Американский астроном Кипер на Ликкской обсерватории (в Калифорнии) открыл новую, еле заметную в самые сильные телескопы звезду. Она кажется белой сверкающей точкой и, по определению Кипера, в пять раз горячее солнца. В этом еще нет ничего удивительного: мы знаем, что наше солнце — уже пожелтевшая звезда, и звезд горячее солнца астрономам известно много.

Но астрономам всего мира было чему удивляться в сообщении Кипера. Все свойства новой звезды оказались необычайными. Ее поперечник наполовину меньше земного и, значит, звезда примерно в 8 раз меньше земли по об'ему. Таких маленьких звезд еще не видел ни один астроном.

А весит эта крошечная звезда столько же, сколько весит солнце, которое в 10 миллионов раз больше нее!

Что же это за вещество, из которого она состоит? Повидимому, оно спрессовано под невообразимо-чудовищным давлением. Кипер высчитал, что оно в 36 миллионов раз плотнее воды. Ореховая скорлупа, наполненная таким веществом, весила бы столько, сколько весит самый длинный товарный состав — 62 товарных вагона.

Атмосфера на этой звезде имеет толщину всего 4 метра.

Маленькие, очень горячие и очень тяжелые звезды называются «белыми карликами». Из них известен всего какой-нибудь десяток; они открыты недавно. Но ни один из «белых карликов» не имеет таких необычайных свойств, как новая звезда. Вот почему она исключительно интересна для науки. Ее изучение должно повести к ряду важнейших физических открытий, касающихся самых основных свойств вещества.

ЭРБЯХ-БОГАТЫРЬ

Якутская сказка

Обработала Н. Шебалдина *Рисунки Ю. Кискачи*

Жили в тайге старик и старуха. Недалеко от их юрты росла береза. Звали эту березу Ичитэ. Она давала им еду, какая им была нужна: молоко, масло, мясо и рыбу.

Случилось, что старик и старуха заболели. Они лежали в юрте, и некому было сходить к березе за едой. Так они и пролежали голодные. На другой день старик встал. Он оделся, обулся, взял в руки колотушку от бубна и пошел на поляну, где росла береза. Он постучал колотушкой по стволу березы и запел:

— Ичитэ! Я стал старым, и моя жена тоже стала старая. Мы лежали вчера в юрте голодные и больные. Никто не принес нам еды. Был бы у нас сын, он бы нас накормил. Ичитэ, дай нам сына!

Береза раскололась, из ее ствола вышла женщина и сказала:

— Старик, через три дня загремит гром и будет падать град. Ты со старухой запрись в юрте и не выходи. После бури придешь на поляну и увидишь здесь черный камень, вдавленный в землю на семь саженей. Ты запряги тридцать кобыл, привези этот камень домой и положи его на соболий мех. Камень расколется, и из него выйдет мальчик-богатырь.

Женщина сказала и влезла опять в ствол березы. Старик вернулся домой и рассказал старухе, что с ним было. Но она ему не поверила.

А через три дня поднялась буря с дождем и градом. Старуха испугалась, залезла под полог билирика [1] и закрылась заячьим одеялом.

— Что ты наделал? Эта буря повалит

[1] Билирик—нары в переднем углу, закрытые пологом.

Оглянулся, а это Абагы бежит по насту на одной железной ноге.

все деревья в лесу и разворотит нашу юрту. Не мог разве ты попросить, чтобы мальчик родился без бури и грома? Зачем нам богатырь? Разве хуже кормил бы нас простой мальчик?

Когда буря кончилась, пошел старик на поляну, видит: лежит там черный камень, вдавленный в землю на семь саженей. Запряг якут в нарты тридцать кобыл, привез камень в юрту, положил на соболий мех.

Камень затрещал. Старики упали на пол и были как мертвые от страха. Боялись посмотреть. Наконец, старуха не вытерпела, взглянула одним глазом, толкнула старика локтем в бок:

— Гляди, старик!

Тут и старик посмотрел.

Перед очагом сидел мальчик и делал лошадей из щепок. Мальчик сказал старикам.

— Мое имя Эрбях-богатырь!

Старики обрадовались, стали его кормить вареным мясом и поить крепким кумысом. Потом били в барабан, плясали и пели.

Мальчик рос так быстро, как пожар в тайге. Он сразу начал рубить дрова, топить юрту и промышлять зверя.

Прошел год. Эрбях пришел к березе и постучал колотушкой по стволу:

— Ичитэ, дай мне сильного коня! Жеребцы моего отца для меня не годятся: они падают подо мной.

Ичитэ вышла из ствола, дала богатырю узду и сказала:

— Брось узду в табун твоего отца, какого коня поймаешь, на того садись!

Пошел Эрбях-богатырь к табунам своего отца. Бросил узду. Попала узда в жеребенка. Подумал богатырь:

— Смеется что ли надо мной Ичитэ? Такого ли мне надо коня?

Схватил жеребенка и потащил его к озеру, чтобы утопить. А жеребенок открыл рот и говорит:

— Тебе хорошо было жить в теплой юрте, парень. Ты ел мясо, рыбу и пил кумыс. А я всю зиму тальник жевал. Если хочешь, чтобы я стал сильным конем, отведи меня к озеру, которое в самые сильные морозы не замерзает.

Богатырь взял жеребенка за узду и повел. На берегу озера жеребенок стал пастись, а богатырь заснул.

Выспался, открыл глаза.

«Где же, — думает он, — мой жеребенок? Здесь пасется чужой конь, жирный и сильный, а моего жеребенка нет!»

А конь подошел к нему, ударил в землю копытом, зафыркал и заржал:

— Ты не узнал меня, хозяин? Я твой конь, которого ты хотел утопить в озере. Садись на меня, поедем!

Богатырь сел, конь полетел быстро, как птица стерх.

— Ладно,—сказал коню богатырь.—Вер-

немся теперь домой! Я расспрошу стариков о других богатырях.

Приехал домой, спрашивает у стариков:

— Где живут другие богатыри? Поеду биться с ними.

Старики заплакали:

— Мы стали старые, скоро умрем. Не уезжай, мы найдем тебе жену.

«Разве остаться?» — подумал богатырь и остался.

На другой день утром богатырь ушел в тайгу на промысел. А старики стали советоваться:

— Где мы найдем ему невесту? Близко нет ни одной юрты, никого мы не знаем.

Старуха сказала:

— Пойду к озеру за водой, не увижу ли там кого?

Пошла она к озеру, видит: по озеру плавает берестяной короб, а в нем сидит девчонка с волосами из золота и с глазами из белого и голубого камня. Поймала старуха девчонку, принесла домой и говорит сыну:

— Эрбях, я тебе невесту нашла!

— Покажи-ка ее!

Вдруг конь заржал на дворе. Богатырь услышал, выбежал:

— Что случилось? — спрашивает.

— Хозяин,—сказал конь,—прикажи матери отнести девчонку обратно, откуда взяла. Это злая шаманка Абагы, сестра железного Хара-богатыря. Она убила много якутов, сожгла их юрты, с'ела их коров и лошадей.

Богатырь потемнел, как лед на реке весной. Вошел в юрту и сказал матери:

— Отнеси девчонку туда, где взяла!

А старуха заупрямилась:

— Не отнесу. Это не Абагы. Пусть растет в нашей юрте!

Пошел на другой день богатырь в тайгу за дровами. Слышит: позади него как будто кто-то лед топором рубит. Оглянулся, а это Абагы бежит по насту на одной железной ноге. Одноглазая, однорукая.

— Уходи, Абагы! — закричал ей богатырь.—Ты пришла к нам, чтобы сжечь нашу юрту и с'есть наших коров и лошадей.

Размахнулся, ударил плетью и рассек ей ухо пополам.

Абагы перекувырнулась — стали у нее опять две ноги и две руки.

Вечером старик и старуха ругали сына:

— За что ты рассек ухо девчонке? Смотри, в другой раз чтобы этого не было!

Богатырь молчал.

Через день он вышел дать коровам корм. Абагы опять за ним скачет на железной ноге. Рассердился, ударил ее богатырь, рассек ей на правой руке палец. Вернулся домой, побили его старики. Били палками, а он только пыхтел.

Не стал богатырь ночевать дома. Ушел на поляну к березе Ичитэ.

— Ичитэ,—сказал он ей,—старики меня бьют за шаманку Абагы, хотят меня на ней женить, когда вырастет. Уйду я от них. Прощай!

Вышла Ичитэ и стала просить богатыря:

— Останься, не бросай стариков. Абагы убьет их, как только ты уедешь.

— Не останусь. Прощай!

Не стала больше отговаривать богатыря Ичитэ, ушла в ствол дерева. Богатырь вскочил на коня и поскакал.

Долго ли ехал, не знал Эрбях-богатырь. Вдруг увидел он впереди пастбище за железной оградой. На пастбище одноглазый, однорогий скот щипал траву. Над железными коровами и лошадьми кружились железные овода.

«Куда я попал?»—подумал богатырь.

Перепрыгнул через ограду, стал искать юрту на поляне, но юрты нигде не было. Только стояла гладкая, как яйцо, скала посредине. Обратился Эрбях-богатырь в белку и взбежал наверх. На вершине скалы была дыра. Посмотрел богатырь, увидел внутри скалы женщину. Сидела она перед огромным котлом и варила сразу трех быков.

«Должно быть, сильный богатырь — ее муж, если зараз с'едает трех быков!» — подумал якут и прислушался. Сидит внутри скалы женщина и поет:

— Видела я сегодня во сне, будто пришел сюда якут, подрался с железным Хара-богатырем, убил его и освободил меня.

Но кто может сразиться с Хара-богатырем?

Прыгнул тут Эрбях-богатырь в дыру, сделался опять человеком и спросил у женщины:

— А где этот Хара-богатырь?

Женщина испугалась:

— Откуда пришел ты, богатырь? Скоро вернется мой муж! Он ростом выше леса, головой упирается в облака. Сам черный, одноглазый, однорукий и одноногий! Он трех быков с'едает зараз и одного якута на закуску!

— Не бойся!—отвечал якут.—Скажи мне свое имя и расскажи, как ты попала в юрту железного Хара?

— Мое имя Ирюнь. Железный Хара-богатырь дрался с моим отцом, убил его и увез меня из юрты отца. Один человек мог бы отнять меня у железного Хара — это Эрбях-богатырь. Только жив ли он, не знаю. Сестра Хара-богатыря, Абагы, отправилась к стойбищам якутов, чтобы истребить весь род Эрбяха и тайгу спалить огнем!

Только сказала это Ирюнь, как поднялся вихрь, пошел дождь с градом. Высокий железный лес зашатался. Листья скрипели и лязгали, будто со всей земли собрались кузнецы и принялись за свою работу.

— Вот железный Хара-богатырь идет!— закричала Ирюнь. — Он убьет и тебя и меня!

Женщина хотела спрятаться, а спрятаться некуда. Тогда схватил ее Эрбях-богатырь за косу и стала Ирюнь кольцом. Сунул Эрбях кольцо в карман, взял свою плеть, разбил плетью скалу и пошел навстречу железному Хара-богатырю.

Железный скот почуял якута и разбежался в разные стороны, а конь Хара-богатыря стал на одном месте. Хара его бьет железной плетью, а он ни с места.

— Что это значит?—удивился Хара. — Конь мой не идет, и якутом пахнет. Не Эрбях ли пришел?

Тут подбежал к нему Эрбях-богатырь, сбросил его с железного коня на землю и ударил плетью несколько раз. Но Хара-богатырь быстро вскочил на ноги, и началась битва.

Девять лет бились без отдыха. В конце девятого года стал Хара-богатырь уставать и закричал якуту:

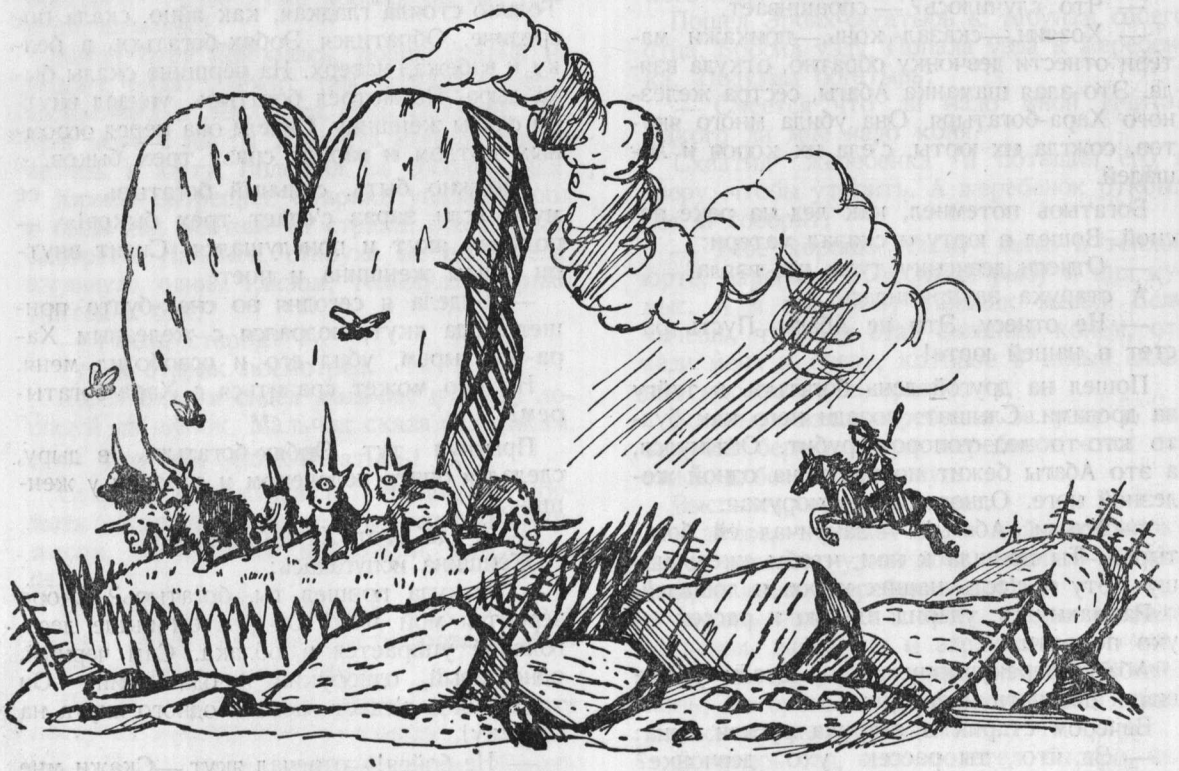
— Откуда ты пришел, парень? Почему я не могу разбить твои кости? Нескоро кончится наша битва. Пойдем к морю, будем биться в воде.

Они обратились в рыб. Эрбях-богатырь стал простой рыбой с костяной чешуей, а Хара стал железной рыбой с железной чешуей. Дрались еще семь лет. Хара-богатырь устал.

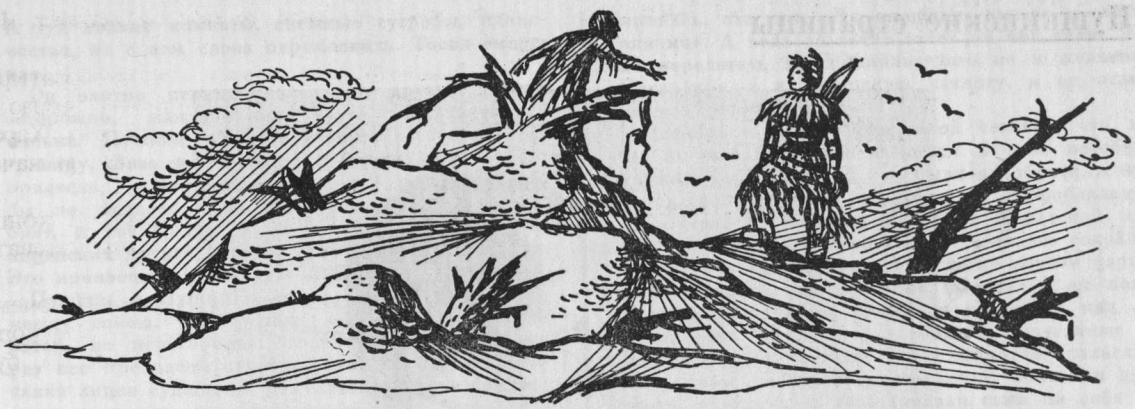
— Стой, якут! — закричал он.—Нашей битве еще не скоро конец. Выйдем из моря и отдохнем на берегу.

Вышли они на берег, легли и заснули. За три года занесло их снегом, забросало плавником, затянуло илом и связало корнями трав. Через три года якут проснулся.

— Довольно отдыхать, Хара-богатырь! Давай драться!



Вдруг увидел он впереди пастбище за железной оградой.



Вышла из ствола старая женщина, с седыми волосами.

Хотел встать и не смог, потому что весь ушел в землю, только одна голова осталась наверху. Он свистнул и позвал коня. Конь прибежал, стал копытом разрывать снег вокруг хозяина.

Попробовал богатырь встать—не может. Тут вспомнил он о кольце, которое положил в карман перед битвой, и подумал:

«Не кольцо ли такое тяжелое? Не оно ли тянет меня к земле?»

Засунул руку в карман, отыскал и выбросил кольцо. Кольцо покатилось по земле. Ирюнь вскочила и помогла богатырю подняться. Эрбях-богатырь встал, пошел к реке и умылся. А железный Хара уже превратился в орла и вызывал на битву якута. Сделался якут соколом и бросился на орла.

Долго дрались. Земля покрылась перьями. В воздухе пух носился.

Опять устал железный богатырь:

— Отдохнем,—говорит якуту.

— Нет,—ответил Эрбях,—пора кончать битву!

Взлетел над орлом, упал на него камнем, ударил в голову. Убил якут Хара-богатыря.

Потом посадил Ирюнь на коня и отправился домой.

В дороге родился у Ирюнь мальчик. Сделала Ирюнь короб из бересты, положила сына; но не было даже куска меха, чтобы закрыть ребенка от ветра и дождя. Тогда конь сказал женщине:

— Войди в мое левое ухо. Там увидишь корыто с теплой водой, вымой ребенка и вымажь его маслом. В правом ухе найдешь постель, одеяло, еду и игрушки для ребенка. Там и оставайся.

Ирюнь сделала так, как сказал ей конь.

Ночью проснулся конь от шороха. Оглянулся, видит: к правому его уху крадется горностай. Нацелившись, конь ударил копытом горностая. Убил. Закричал якуту:

— Эй, хозяин, посмотри, какого я зверя убил!

Эрбях-богатырь подбежал к коню. Смотрит: лежит на земле мертвая Абагы. Она хотела загрызть ребенка.

Утром отправились дальше. Три года они ехали. Через три года приехал Эрбях-богатырь на старое место, где он родился, а юрты нет.

Отправился богатырь на поляну. Долго искал березу, наконец, нашел. Сучья ее обгорели и торчали, как сломанные оленьи рога. Постучал по стволу, спросил:

— Эй, Ичитэ, жива ли ты еще?

Стук был глухой, как будто середина березы была пустая. Вышла из ствола старая женщина, с седыми волосами.

— Это ты меня звал?

— Я.

— Что надо?

— Скажи мне: где мои отец и мать?

— Да разве ты сын их?

— Сын.

Заплакала Ичитэ:

— Зачем ты уехал из своей юрты? Абагы всех нас спалила огнем, а отца твоего и мать бросила она в семисаженную яму.

Побежал Эрбях-богатырь к яме, наклонился и посмотрел. На дне лежали его отец и мать, грязью их совсем почти затянуло.

Прыгнул в яму Эрбях и разбудил стариков.

— Вставайте скорее, выходите из ямы! Довольно належались, я приехал!

Поднял их и вытащил из ямы.

Эрбях-богатырь построил новую юрту, и стали с тех пор якуты жить спокойно. Скот на пастбищах хорошо плодился, и всякой еды в юрте было вдоволь.

Иван Иванович Пущин

В августе 1824 года Пушкин был сослан в Михайловское из-за перехваченного письма. Это письмо он написал одному знакомому в Москву и в нем не очень почтительно отозвался о святом духе и о бессмертии души. Михайловское--имение его отца в Опочецком уезде. Когда Пушкин туда приехал, он нашел там всю свою семью. Отец его, Сергей Львович, был пустой человек, трус и эгоист. Узнав, что сын сослан, он стал его упрекать: ты, дескать, безбожник, преступник, позоришь всю семью, — наверное, и брата научишь безбожию.

Но хуже всего, что Сергей Львович, по приказу начальства, стал шпионить за сыном и вскрывать его письма. Из-за этого отец с сыном крупно повздорили, вся семья уехала, и Пушкин остался совершенно один. Скука охватила его Правда, он мог писать, но, как говорил он в одном письме, «скука — холодная муза». Как же он проводил время в Михайловском? Много читал, ездил верхом, совершал длинные прогулки. Зимними вечерами няня рассказывала ему сказки—они и дали ему темы для его стихотворных сказок. Недалеко от Михайловского жила соседка—вдова Осипова. С ней жили две дочери, наезжала молодежь, Пушкин тоже иногда приезжал туда. Он был живой человек, всем интересовался, привык к обществу, у него было много друзей.

А тут низкие комнаты, снежные сугробы, одиночество, не с кем слова перемолвить. Тоска смертная.

Он охотно переписывался, да друзья писали осторожно, жандармерия часто перехватывала письма. Пушкин уже подумывал о бегстве заграницу. Звал он к себе то одного, то другого приятеля, — все боялись к нему приехать, как бы не попасть под подозрение. Даже родной брат, и тот трусил и не ездил к нему. Из его лицейских друзей первым приехал к нему Пущин. Это произошло 11 января 1825 года.

Пушкин и Пущин в лицее очень подружились между собою. Хотя спали они в разных комнатах, но перегородка была тонкая, и они через нее прекрасно переговаривались. После окончания лицея судьба их раз'единила. Пушкина скоро выслали на юг за вольнодумные стихи, Пущин стал служить сначала на военной службе, потом судьей. В это время в России существовало тайное общество. Члены этого общества мечтали о свержении самодержавия и об изменении государственного строя. Это и были будущие декабристы. Пущин был одним из главных членов тайного общества. Пушкин имел среди них много друзей. Но его не посвящали в планы общества и не вербовали в члены: отчасти боялись, что он, как человек горячий, доверчивый, может допустить какую-нибудь неосторожность; кроме того друзья оберегали его от опасностей, как великий талант, как будущую гордость России. Но душой он был с декабристами. В 1826 году, уже после восстания декабристов, когда он был освобожден царем Николаем I из своей деревенской ссылки, царь его спросил, где бы он был, если бы 14 декабря 1825 года был в Петербурге. Он, не задумываясь, отвечал: «На площади, вместе с мятежниками». А ведь за такой ответ он мог очень легко перелететь из Михайловского не в желанный Петербург, а в сибирскую каторгу, и он отлично это понимал.

Декабрист Пущин был такой человек, что, где бы ни находился, он вызывал к себе всеобщее уважение и любовь. В нем были и доброта, и благородство, огромное мужество и самообладание. Он оказался в первых рядах на Сенатской площади 14 декабря. Один из немногих, он сохранил бодрость и спокойствие духа, когда кругом царила растерянность. Но особенно выделялся он после разгрома восстания, во время следствия над декабристами. Многие декабристы, напуганные и замученные допросами или, напротив, заласканные царем, поддавались на удочку, выдавали друг друга, а иногда и наговаривали сами на себя то, чего не было. Пущин приводил в ярость следователей спокойными и хладнокровными ответами и не только никого не выдавал, но подчас и осаживал зарвавшихся генералов. И потом, на каторге и в ссылке, он был все тот же открытый, отзывчивый Пущин, оказывал поддержку товарищам и их семьям, хлопотал за них, вызволял из беды, устраивал кружки самопомощи.

Разве могли остановить такого человека боязнь себе повредить или недовольство начальства? Захотелось повидать друга — и он поехал несмотря на предостережения благоразумных друзей. Дальше вы прочтете описание этого приезда в Михайловское, сделанное самим Пущиным. Пушкин был глубоко растроган поступком друга. В 1826 году, когда Пущин уже был в заточении, Пушкин пишет стихотворение, посвященное его приезду в Михайловское.

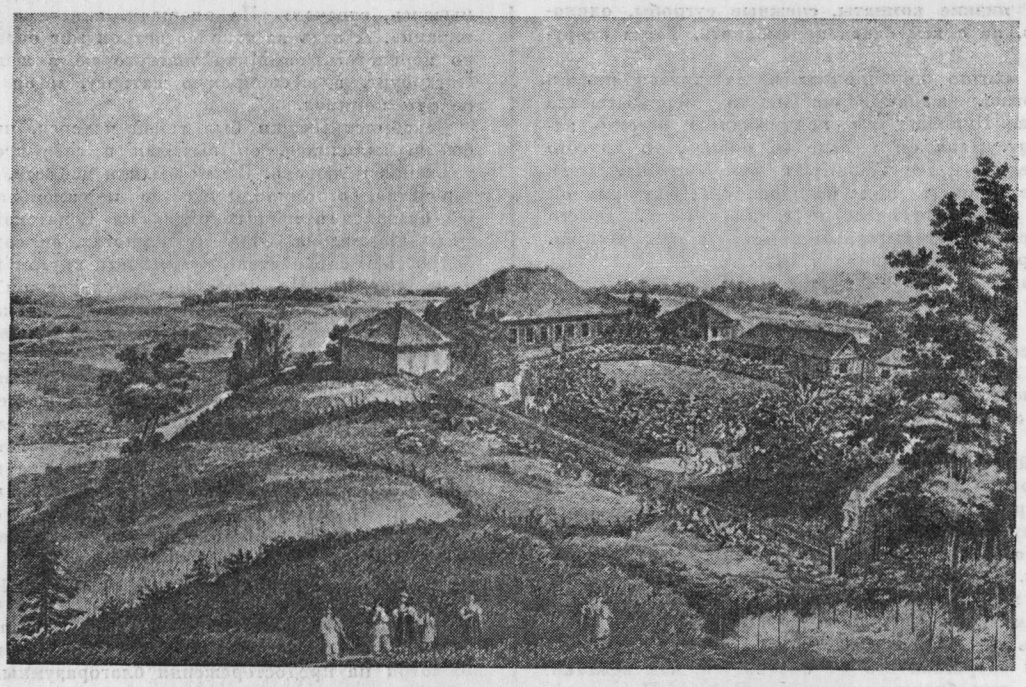
В гостях у Пушкина

Из записок И. И. Пущина

В 1824 году в Москве тотчас же узналось, что Пушкин из Одессы сослан на жительство в Псковскую деревню отца своего, под надзор местной власти; надзор этот был поручен Пещурову, тогдашнему предводителю дворянства Опочковского уезда. Все мы, огорченные несомненным этим известием, терялись в предположениях. Не зная ничего положительного, приписывали эту ссылку бывшим тогда неудовольствиям между ним и графом Воронцовым. Были разнообразные слухи и толки, замешивали даже в это дело и графиню. Все это нисколько не утешало нас. Потом вскоре стали говорить, что Пушкин вдобавок отдан под наблюдение архимандрита Святогорского монастыря, в четырех верстах от Михайловского. Это дополнительное сведение делало нам задачу еще сложнее, нисколько не разрешая ее.

С той минуты, как я узнал, что Пушкин в изгнании, во мне зародилась мысль непременно навестить его. Собираясь на Рождество в Петербург для свидания с родными, я предположил с'ездить и в Псков к сестре Набоковой; муж ее командовал тогда дивизией, которая там стояла, а оттуда уже рукой подать в Михайловское. Вследствие этой программы я подал в отпуск на 28 дней в Петербургскую и Псковскую губернии.

Перед от'ездом, на вечере у того же князя Голицына, встретился я с А. И. Тургеневым, который незадолго до того приехал в Москву. Я подсел к нему и спрашиваю: не имеет ли он каких-нибудь поручений к Пушкину, потому что я в генваре буду у него. «Как! Вы хотите к нему ехать? Разве не знаете, что он под двойным надзором — и полицейским и духовным?» «Все это знаю; но знаю также, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении, особенно когда буду от него с



Село Михайловское. *Старинная литография.*

небольшим в ста верстах. Если не пустят к нему, уеду назад». «Не советовал бы, впрочем делайте, как знаете»,—прибавил Тургенев.

Опасения доброго Александра Ивановича меня удивили, и оказалось, что они были совершенно напрасны. Почти те же предостережения выслушал я от В. Л. Пушкина, к которому заезжал проститься и сказать, что увижу его племянника. Со слезами на глазах дядя просил расцеловать его.

Как сказано, так и сделано.

★

Проведя праздник у отца в Петербурге, после Крещения я поехал в Псков. Погостил у сестры несколько дней и от нее вечером пустился из Пскова, в Острове, проездом ночью, взял три бутылки клико[1] и к утру следующего дня уже приближался к желаемой цели. Свернули мы наконец с дороги в сторону, мчались среди леса по гористому проселку: все мне казалось не довольно скоро. Спускаясь с горы, недалеко уже от усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видеть, сани наши в ухабе так наклонились на бок, что ямщик слетел. Я с Алексеем, неизменным моим спутником от лицейского порога до ворот крепости, кое-как удержался в санях. Схватили возжи. Кони несут среди сугробов, опасности нет: в сторону не бросятся, все лес, и снег им по брюхо, править не нужно. Скачем опять в гору извилистою тропой; вдруг крутой поворот, и как будто неожиданно вломились с маху в притворенные ворота, при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу не расчищенного двора...

Я отлядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим. Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевевшей шубе и шапке. Было около восьми часов утра. Не знаю, что делалось. Прибежавшая старуха застала нас в об'ятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один— почти голый, другой — весь забросанный снегом. Наконец пробила слеза (она и теперь, через тридцать три года, мешает писать в очках), мы очнулись. Совестно стало перед этой женщиной, впрочем она

[1] Клико — шампанское.

все поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая — чуть не задушил ее в об'ятиях.

Все это происходило на маленьком пространстве. Комната Александра была возле крыльца, с окном на двор, через которое он увидел меня, услышав колокольчик. В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами и проч. и проч. Во всем поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев (он всегда с самого Лицея писал оглодками, которые едва можно было держать в пальцах). Вход к нему прямо из корридора; против его двери — дверь в комнату няни, где стояло множество пяльцев.

После первых наших обниманий пришел и Алексей, который в свою очередь кинулся целовать Пушкина; он не только близко знал и любил поэта, но и читал наизусть многие из его стихов. Я между тем приглядывался, где бы умыться и хоть сколько-нибудь оправиться. Дверь во внутренние комнаты была заперта, дом не топлен. Кой-как все это тут же уладили, копошась среди отрывистых вопросов: что? как? где? и пр. Вопросы большею частью не ожидали ответов. Наконец помаленьку прибрались; подали нам кофе; мы уселись с трубками. Беседа пошла правильнее; многое надо было хронологически рассказать, о многом расспросить друг друга. Теперь не берусь всего этого передать.

Вообще Пушкин показался мне несколько серьезнее прежнего, сохраняя однако ж ту же веселость; может быть, самое положение его произвело на меня это впечатление. Он, как дитя, был рад нашему свиданию, несколько раз повторял, что ему еще не верится, что мы вместе. Прежняя его живость во всем проявлялась, в каждом слове, в каждом воспоминании: им не было конца в неумолкаемой нашей болтовне. Наружно он мало переменился, оброс только бакенбардами; я нашел, что он тогда был очень похож на тот портрет, который потом видел в Северных Цветах и теперь при издании его сочинений П. В. Анненковым.

Пушкин сам не знал настоящим образом причины своего удаления в деревню; он приписывал удаление из Одессы козням графа Воронцова из ревности; думал даже, что тут могли действовать некоторые смелые его бумаги по службе, эпиграммы на управление и неосторожные частые его разговоры о религии. Мне показалось, что он вообще неохотно об этом говорил; я это заключил по лаконическим отрывистым его ответам на некоторые мои спросы, и потому я его просил оставить эту статью, тем более, что все наши толкования ни к чему не вели, а только отклоняли нас от другой, близкой нам беседы. Заметно было, что ему как будто несколько наскучила прежняя шумная жизнь, в которой он частенько терялся. Среди разговоров ex abrupto [1] он спросил меня: что об нем говорят в Петербурге и Москве? При этом вопросе рассказал мне, будто бы Император Александр ужасно перепугался, найдя его фамилию в записке коменданта о приезжих в столицу, и тогда только успокоился, когда убедился, что не он приехал, а брат его Левушка. На это я ему ответил, что он совершенно напрасно мечтает о политическом своем значении, что вряд ли кто-нибудь на него смотрит с этой точки зрения, что вообще читающая наша публика благодарит его за всякий литературный подарок, что стихи его приобрели народность во всей России, и наконец, что близкие и друзья помнят и любят его, желая искренно, чтоб скорее кончилось его изгнание. Он терпеливо выслушал меня и сказал, что несколько примирился в эти четыре месяца с новым своим бытом, в начале очень для него тягостным; что тут, хотя невольно, но все-таки отдыхает от прежнего шума и волнения; с музой живет в ладу и трудится охотно и усердно. Скорбел только, что с ним нет сестры его, но что, с другой стороны, никак не согласится, чтоб она по привязанности к нему проскучала целую зиму в деревне. Хвалил своих соседей в Тригорском, хотел даже везти меня к ним, но я отговорился тем, что приехал на такое короткое время, что не успею и на него самого наглядеться. Среди всего этого было много шуток, анекдотов, хохоту от полноты сердечной. Уцелели бы все эти дорогие подробности, если бы тогда при нас был стенограф.

Пушкин заставил меня рассказать ему про всех наших первокурсных Лицея; по-

[1] Ex abrupto — латинское выражение, означающее: внезапно, без перехода.

требовал об'яснения, каким образом из артиллериста я преобразился в судьи. Это было ему по сердцу, он гордился мною и за меня! Вот его строфы из «Годовщины 19-го октября» 1825 года, где он вспоминает, сидя один, наше свидание и мое судейство:

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада
. . . . . .
. . . . . *Поэта дом опальный,*
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.
. . . . . .
Ты освятил тобой избранный сан;
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан.

Незаметно коснулись опять подозрений на счет общества. Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул: «Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать». Потом успокоившись, продолжал: «Впрочем я не заставляю тебя, любезный Пущин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не сто́ю, — по многим моим глупостям». Молча, я крепко расцеловал его; мы обнялись и пошли ходить: обоим нужно было вздохнуть. Вошли в нянину комнату, где собрались уже швеи.

Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках. Мы полюбовались работами, побалагурили и возвратились во свояси. Настало время обеда. Алексей хлопнул пробкой, начались тосты за Русь, за Лицей, за отсутствующих друзей. Незаметно полетела в потолок и другая пробка; попотчевали искрометным няню, а всех других хозяйскою наливкой. Все домашнее население несколько развеселилось; кругом нас стало пошумнее, праздновали наше свидание.

Я привез Пушкину в подарок «Горе от ума»; он был очень доволен этою тогда рукописною комедией, до того ему вовсе почти незнакомою. После обеда, за чашкой кофею, он начал читать ее вслух; но опять жаль, что не припомню теперь метких его замечаний, которые впрочем потом частью явились в печати.

Среди этого чтения кто-то под'ехал к крыльцу. Пушкин выглянул в окно, как будто смутился и торопливо раскрыл лежавшую на столе Четью-Минею. Заметив его смущение и не подразумевая причины, я спросил его: что это значит? Не успел он ответить, как вошел в комнату низенький, рыжеватый монах и рекомендовался мне настоятелем соседнего монастыря.

Я подошел под благословение. Пушкин — тоже, прося его сесть. Монах начал извинением в том, что, может быть, помешал нам, потом сказал, что узнавши мою фамилию, ожидал найти знакомого ему П. С. Пущина, уроженца великолуцкого, которого очень давно не видал. Ясно было, что настоятелю донесли о моем приезде, и что монах хитрит. Хотя посещение его было вовсе не кстати, но я все-таки хотел faire bonne mine à mauvais jeu [1] и старался уверить его в противном: об'яснил ему, что я — Пущин такой-то, лицейский товарищ хозяина, а что генерал Пущин, его знакомый, командует бригадой в Кишиневе, где я в 1820 году с ним встречался. Разговор завязался о том, о сем. Между тем подали чай. Пушкин спросил рому, до которого, видно, монах был охотник. Он выпил два стакана чаю, не забывая о роме, и после этого начал прощаться, извиняясь снова, что прервал нашу товарищескую беседу.

Я рад был, что мы избавились этого гостя, но мне неловко было за Пушкина: он, как школьник, присмирел при появлении настоятеля. Я ему высказал мою досаду, что накликал это посещение. «Перестань, любезный друг! Ведь он и без того бывает у меня, я поручен его наблюдению. Что говорить об этом вздоре!» Тут Пушкин, как ни в чем не бывало, продолжал читать комедию; я с необыкновенным удовольствием слушал его выразительное и исполненное жизни чтение, довольный тем, что мне удалось доставить ему такое высокое наслаждение.

Потом он мне прочел кое-что свое, большею частью в отрывках, которые впоследствии вошли в состав замечательных его пиес; продиктовал начало из поэмы «Цыганы» для «Полярной Звезды» и просил, обнявши крепко Рылеева, благодарить за его патриотические «Думы».

Время не стояло. К несчастию, вдруг запахло угаром. У меня собачье чутье, и голова моя не выносит угара. Тотчас же

[1] Делать приятную мину при плохих обстоятельствах.

Пушкин в селе Михайловском. *С картины художника Ге.*

я отправился узнать, откуда эта беда, неожиданная в такую пору дня. Вышло, что няня, воображая, что я останусь погостить, велела в других комнатах затопить печи, которые с самого начала зимы не топились. Когда закрыли трубы, — хоть беги из дому! Я тотчас велел открыть трубы, запер на замок дверь в натопленные комнаты, притворил и нашу дверь, а форточку открыл. Все это неприятно на меня подействовало не только в физическом, но и в нравственном отношении. «Как», — подумал я, — «хоть в этом не успокоить его, как не устроить так, чтоб ему, бедному поэту, было где подвигаться в зимнее ненастье! В зале был бильярд; это могло бы служить для него развлечением. В порыве досады я даже упрекнул няню, зачем она не велит отапливать всего дома. Видно однако мое ворчанье имело некоторое действие, потому что после моего посещения перестали экономить дровами. Г-н Анненков в биографии Пушкина говорит, что он иногда один играл в два шара на бильярде. Ведь не летом же он этим забавлялся. Я не мог познакомиться с местностью Михайловского, так живо им воспетой: она тогда была закутана снегом.

Между тем время шло за полночь. Нам подали закусить; на прощанье хлопнула третья пробка. Мы крепко обнялись в надежде, может быть, скоро свидеться в Москве. Шаткая эта надежда облегчала расставанье после так отрадно промелькнувшего дня. Ямщик уже запрег лошадей, колоколец брякал у крыльца, на часах ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилось: как будто чувствовалось, что в последний раз вместе пьем, и пьем на вечную разлуку! Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани. Пушкин еще что-то говорил мне вслед; ничего не слышал, я глядел на него: он остановился на крыльце, со свечей в руке. Кони рванули под гору. Послышалось: «Прощай, друг!» Ворота скрипнули за мною...

Сцена переменилась. Я осужден: 1828 года, 5-го генваря, привезли меня из Шлиссельбурга в Читу, где я соединился наконец с товарищами моего изгнания и заточения, прежде меня прибывшими в тамошний острог. Что́ делалось с Пушкиным в эти годы моего странствования по разным мытарствам, я решительно не знаю; знаю только и глубоко чувствую, что Пушкин первый встретил меня в Сибири задушевным словом. В самый день моего приезда в Читу призывает меня к частоколу А. Г. Муравьева и отдает листок бумаги, на котором неизвестною рукой написано было:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое Провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует тоже утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучем лицейских ясных дней.
Псков. 13-го декабря. 1826.

Отрадно отозвался во мне голос Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгнании. На́скоро, через частокол, Александра Григорьевна проговорила мне, что получила этот листок от одного своего знакомого перед самым от'ездом из Петербурга, хранила его до свидания со мною.

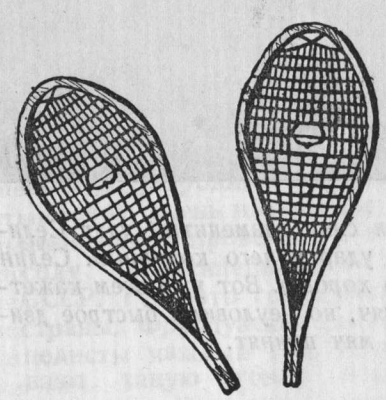
По приезде моем в Тобольск в 1839-м году я послал эти стихи к Плетневу: таким образом были они напечатаны; а в 1842-м брат мой Михаил отыскал в Пскове самый подлинник Пушкина, который теперь хранится у меня в числе заветных моих сокровищ. В своеобразной нашей тюрьме я следил с любовью за постепенным литературным развитием Пушкина; мы наслаждались всеми его произведениями, являвшимися в свет, получая почти все повременные журналы. В письмах родных и Энгельгардта, умевшего найти меня и за Байкалом, я не раз имел о нем некоторые сведения. Бывший наш директор прислал мне его стихи «19-го октября 1827 года»:

Бог помощь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!
Бог помощь вам, друзья мои,
И в счастье, и в житейском горе,
В стране чужой, в пустынном море
И в темных пропастях земли!

И в эту годовщину в кругу товарищей-друзей Пушкин вспомнил меня и Вильгельма [1], заживо погребенных, которых они не досчитывали на лицейской сходке.

[1] Вильгельм Кюхельбекер — декабрист, лицейский товарищ Пушкина.

Спорт



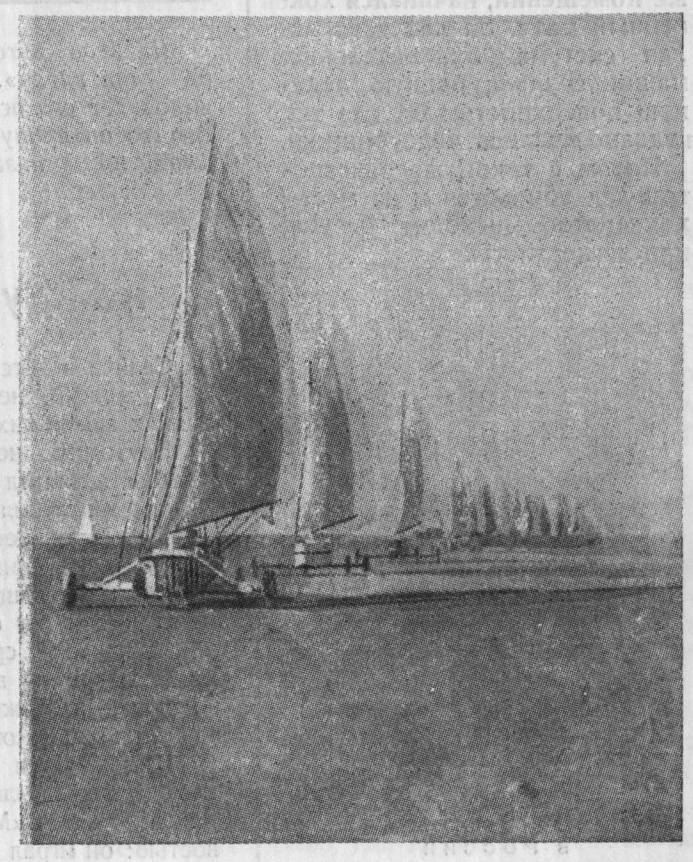
По болоту на лыжах

Давно уже растаяли катки. Убраны коньки и лыжи, а на поле с мячом выходить еще рано: грязь по колено.

Когда-то это время называлось спортивным межсезоньем. А теперь многими видами спорта можно заниматься круглый год, значит, и межсезонья нет. Теперь можно плавать зимой и бегать на лыжах летом. В январе, в трескучий мороз, можно прямо с катка отправиться нырять и плавать. Наши пловцы в больших бассейнах всю зиму тренировались, состязались и даже ставили мировые рекорды.

Ну, плавать зимой, это еще куда ни шло. К этому уже привыкли. Но чтобы летом на лыжах бегать!.. А вот бегают. Да еще как! В Америке на канадских широких плетеных лыжах ходят летом по болоту. В некоторых заграничных

Песчаные яхты



Верблюда называют обычно кораблем пустыни. А недавно в пустыню пришли настоящие парусные корабли, только на колесах.

Вот на таких песчаных яхтах в пустынях Египта устраиваются спортивные гонки. На крепком песке и при хорошем ветре эти яхты делают 70—80 километров в час.

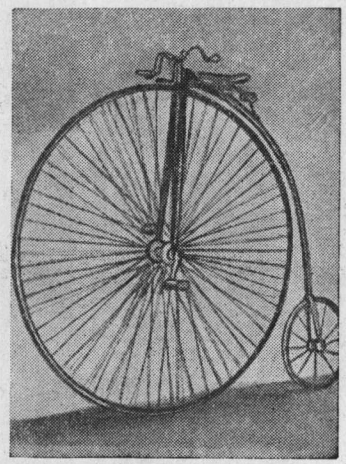
дворцах спорта устраивают снежные горы для прыжков на лыжах. Из искусственного снега, конечно.

Катки из искусственного льда открыты заграницей круглый год. Нынешним летом первый такой каток будет устроен у нас в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха.

Современная техника позволяет делать настоящие чудеса. В берлинском спортпаласе (дворце спорта) случалось так, что через 2 часа после велосипедных гонок на треке, в том же помещении, начинался хоккейный матч. За два часа целая система охладительных машин создала ровную ледяную поверхность там, где так недавно мчались велогонщики.

Потом с такой же быстротой лед убирается и на место хоккеистов выходят бегуны или легкоатлеты.

□ □ □



Первый велосипед в России

Это велосипед-дедушка — один из самых первых велосипедов в России. Около 60 лет назад его привезли из Англии. Велосипед был тогда такой диковинкой, что, когда велосипедист появлялся на улице, вокруг него собиралась толпа.

На этой фотографии снят знаменитый удар Селина — «на пятку». Этот удар у него коронный. Селин выполняет его особенно хорошо. Вот уже всем кажется, что он пропустил мяч, но неуловимо быстрое движение ногой назад — и мяч принят.

27 лет на футбольном поле

Селина в детстве прозвали «Миногой». Он был худой, длинный, необычайно увертливый, с растрепанными рыжими вихрами.

Неутомимо носился «Минога» по полю за мячом. Футбол завладел его помыслами с раннего детства. Он часами следил за игрой или тренировкой. Знал наперечет всех местных футболистов. Яростно спорил об игре с другими мальчишками. Даже дрался. Словом, был настоящим отчаянным «болельщиком».

С десяти лет сам начал играть в детской футбольной команде. И сразу же выдвинулся в лучшие игроки. Когда «Минога» вел мяч, отнять его было невозможно: ловкими неожиданными трюками он неизменно обводил противников.

Шестнадцати лет Селин перешел во взрослую команду. Это была третья команда Московского спортклуба. И здесь «Минога» поражал всех своей выносливостью: он играл по три часа подряд.

Вначале он играл в нападении, затем перешел на место центра полузащиты. Мастерство его расцветало с каждой игрой. Селин приобретает известность, переходит все в лучшие команды. И, наконец, становится постоянным игроком сборной команды Москвы.

Осенью 1924 г. он участвовал в первом матче сборной команды СССР с Турцией. Затем ездил в Германию, Турцию, Францию, скандинавские страны. Иностранные газеты восторженно писали о первоклассном советском футболисте — Селине.

СПОРТИВНЫЕ ВСТРЕЧИ

Спортивное лето предстоит горячее. По теннису, легкой атлетике, футболу, плаванью— по всем видам спорта развернутся захватывающие состязания.

Жарче всех, пожалуй, придется футболистам. Лучшие команды весною и осенью будут участвовать в розыгрыше на первенство СССР. В июле будет впервые разыгран между футболистами приз—«Кубок СССР». А осенью начнутся международные встречи.

Новое, очень интересное соревнование проведут в этом году велосипедисты — тур СССР. Тур—это гонка вокруг страны. Французские велосипедисты каждый год устраивают такую гонку вокруг Франции. Но наша страна слишком велика, чтобы устраивать скоростную гонку вокруг нее, поэтому наш тур пойдет по маршруту Москва— Минск — Киев — Москва.

Как и в прошлом году, самым интересным событием спортивного сезона будет «матч четырех городов»: Москвы, Ленинграда, Киева и Харькова—по легкой атлетике и футболу.

Интересную гонку проведут мотоциклисты. Это будет гонка в горной местности с крутыми спусками, под'емами, трудными переправами через ручьи и реки. Такую гонку называют «туристтрофи». Она требует большой ловкости и находчивости. Затем лучшие мотоциклисты союзных республик разыграют приз «Дружбы народов СССР».

Теперь старое прозвище — «Минога» — сменилось новым — «Король воздуха». Так прозвали Селина потому, что он во время игры делает головокружительные прыжки и трюки. Он буквально перелетает по воздуху за мячом. И все это необычайно легко и уверенно.

В любой команде Селин сразу бросается в глаза не только приемами игры, но и своим внешним видом. Благодаря неистовым прыжкам он в любую погоду успевает вымазаться уже через несколько минут. Рубашка у него выбивается из трусов, рыжий вихор треплется по лбу. Но вместе с тем Селин всегда спокоен. Он никогда не суетится, и в этом один из секретов его мастерства. Посмотрите на Селина во время игры. Он даже почти не бегает. Он спокойно ходит, выжидает, а потом бросается всем телом, прыгает и бьет уж почти всегда наверняка.

Мячом Селин владеет удивительно. Он, когда нужно, хватает его в воздухе ногами. Футболисты до сих пор с гордостью рассказывают, как в 1928 г. Селин таким способом защитил свои ворота.

Это было на матче Москва — УССР. Матч этот был финальной игрой всесоюзной спартакиады: победив всех остальных, две лучших команды боролись за первенство. Игра была очень напряженной. Вначале она шла вничью. Потом украинцы начали одолевать. Игра шла у ворот Москвы. В ответственнейший момент, совсем незадолго до конца игры, вратарь Москвы Леонов выбежал навстречу мячу, но мяч пролетел мимо. Перед пустыми, незащищенными воротами был один украинец с мячом. Все уже считали гол забитым. Украинец спокойно наметился и ударил. Но тут вдруг рядом с мячом по воздуху пролетел откуда-то издалека вырвавшийся Селин, у самых ворот поймал летящий мяч ногами и передал его своим игрокам.

А через 5 минут команда Москвы забила мяч в ворота Украины.

Но главный секрет мастерства Селина, пожалуй, в уменье выбрать место на поле. Иногда зрители недоумевают. Селин бежит куда-то в сторону, где нет мяча. Но через секунду мяч перелетает именно туда. Селин угадал. Дело тут в том, что Селин всегда во время игры внимательно изучает противников, отгадывает их комбинации и, рассчитав соотношение сил, совершенно точно определяет дальнейший ход игры. Он прежде всего играет головой.

Селин играет давно, уже 27 лет. В 1934 г. он одним из первых получил почетное звание заслуженного мастера спорта.

Селин — инженер. Он работает на заводе «Серп и молот» в фасонно-литейном цехе. Он не только первоклассный футболист, но и прекрасный производственник. Его цех на заводе идет в числе передовых. Ребята-футболисты «Юного динамовца» в большой дружбе с Селиным. Он очень любит ребят-спортсменов и не раз выходил тренироваться с ними вместе.

Мастер Леонардо

Это портрет великого итальянского художника, ученого и изобретателя Леонардо да Винчи. Он нарисовал его сам, когда жил вдали от родины, во Франции, в уединенном замке Клу.

Леонардо да Винчи был тогда глубоким, разбитым болезнью стариком. Вся его жизнь, полная неустанного труда, забот, обид и тревог, была позади.

Он был гениальным ученым. Но его мысли были понятны только единичным людям — лучшим философам и математикам того времени.

Он был гениальным изобретателем. Почти ни одно его изобретение не было осуществлено при жизни. Только недавно с изумлением обнаружили, что Леонардо 400 лет назад предвосхитил многие современные изобретения.

Леонардо был гениальным художником,

но ни один из великих художников не оставил так мало картин. Единственная его скульптурная работа — гигантский памятник, который современники называли «Великий колосс», — был уничтожен чуть ли не на глазах у Леонардо толпой солдат, ворвавшихся в город.

Леонардо жил в беспокойное и жестокое время. Он искал мира, тишины и сосредоточенного труда. А войны гнали его с места на место и загнали в конце жизни на чужбину.

И в научных и в художественных работах Леонардо ставил себе самые трудные задачи. В своих картинах он добивался невиданного совершенства изображения. Портрет «Джиоконда» — одно из самых великих произведений мирового искусства — Леонардо писал четыре года и все же считал его незаконченным.

О работе над картиной, написанной на стене трапезной (столовой) в монастыре Санта Мариа делле-Грацие, в Милане, сохранились интересные рассказы современников.

«Леонардо,— говорит один из них,— имел обыкновение рано утром подниматься на помост, ибо «Вечеря» (так называлась картина) довольно высоко поднята над полом, и от восхода солнца до вечерней темноты он не выпускал из руки кисти и писал непрерывно, забывая о еде и питье. А, бывало, пройдет два, три, четыре дня, и он не прикоснется к картине, а час или два простоит перед ней и, созерцая ее, про себя судит о своих фигурах...

Видел я также, что, повинуясь капризу или причуде, он в полдень, когда солнце находится в созвездии Льва, уходил со старого двора, где он лепил своего изумительного глиняного «коня», шел прямо в монастырь, поднимался на подмостки и, взяв кисть, прикасался двумя—тремя мазками к одной из фигур, а потом внезапно уходил оттуда и шел по другим делам».

Леонардо работал неприметно для окружающих. Он работал над картиной и дома, и на улице, и даже когда был занят другим делом. На улице он вглядывался в лица прохожих, стараясь сыскать то, что ему нужно было для картины. А найдя, тут же зарисовывал. Для этого он всегда носил у пояса записную книжку на длинном шнуре.

Невежественные монахи были возмущены: Леонардо придет: мазнет и уйдет, а то и совсем подолгу не показывается в монастыре, а работа подвигается медленно. Зачем он часами простаивает перед картиной? Работать нужно, кистью работать. А это что?

По жалобе приора (настоятеля) монастыря Леонардо призвал сам герцог, властитель Милана. Беседа длилась долго. Леонардо раз'яснил герцогу, как он работает, о чем он думает, стоя перед картиной. Да и картина-то почти готова: осталось написать не так много и в том числе голову Иуды.

А голову Иуды Леонардо никак не мог найти. Как изобразить этого человека, которого христиане считали олицетворением подлости и предательства? Ни одна зарисовка и ни один набросок Леонардо не удовлетворяли.

— Эту голову я хотел бы еще поискать,— сказал Леонардо герцогу, — но в конце концов, если я не найду ничего лучшего, то я готов использовать голову этого самого приора, столь назойливого и нескромного.

Посмеявшись, герцог отпустил Леонардо. А монахи, которым было передано предложение Леонардо, смутились и перестали ему надоедать.

Но картина так и осталась незаконченной: ее прервали войны и от'езд Леонардо из Милана. Но и в таком виде современники считали ее величайшим произведением живописи.

О всех достоинствах этой картины мы не можем теперь судить: она дошла до нас сильно попорченная.

С годами сырость стала проступать сквозь известку и масляную краску, постепенно затягивая картину пятнами сырости.

А монахи довершили порчу картины. Монахи делле-Грацие не знали, каким сокровищем они обладают. Их не беспокоило и то, что трапезную несколько раз заливало наводнением и стена еще больше сырела. Что наводнение — монахи сами портили картину! Вздумалось же им пробить в этой самой стене дверь, чтобы соединить трапезную с кухней. Стена при этом расшаталась, известка местами осы-

палась, а с ней и куски краски. Из кухни валил горячий пар и, осаждаясь на стене, довершал гибель картины. Мало того: пробивая дверь, монахи не церемонились срезать ноги центральной фигуры.

А позже, спустя столетия, в 1791 году, когда войска Наполеона вошли в Милан, трапезную с полуразрушенным творением Леонардо превратили сперва в конюшню, потом в склад сена и, наконец, в тюрьму.

Тайна Леонардо

«Почему не пишу я о своем способе оставаться под водой столько времени, сколько можно оставаться без пищи. Этого не оглашаю я из-за злой природы людей, которые этот способ использовали бы для убийств на дне морей, проламывая дно кораблей и топя их вместе с находящимися в них людьми; и если я учил другим способам, то это потому, что они неопасны, так как под водой показывается конец той трубки, посредством которой дышат и которая поддерживается мехом или пробками.

Неужели Леонардо додумался до изобретения подводной лодки?

Кафтан на трубе

В холодные дни даже в прекрасных дворцах Флоренции было холодно и дымно. Камины топились весь день, но ветер задувал в трубу и гнал дым назад, в комнату. Не знали в те времена такой простой вещи, как вьюшки. Топился ли камин или не топился,—труба была открыта и ветер свободно гулял по комнате.

Леонардо надоело, видно, мерзнуть и глотать дым. Он придумал особое приспособление для дымовой трубы, похожее на кафтан с растопыренными рукавами, а сверху к нему прикрепил флюгер. При ветре флюгер, а с ним и рукава поворачивались в направлении ветра. Дым тогда свободно выходил из трубы. В дымоходе Леонардо устроил заслонку и назвал все изобретение «Камин, который поворачивается в направлении ветра».

Пулемет Леонардо

Во времена Леонардо пушки делали так неумело, что за час они могли дать чуть ли не один выстрел. Не раз бывало, что при первом же выстреле пушка разлеталась вдребезги. А Леонардо изобрел скорострельные пушки, которые, как он писал, «кидают мелкие камни словно буря», а дымом своим наводят «величайший страх на неприятеля с тяжелым для него уроном и смятением». Изобрел Леонардо и разрывные снаряды. А одна из нарисованных им скорострельных пушек близка по своей конструкции к современному пулемету.

Пращур аэроплана

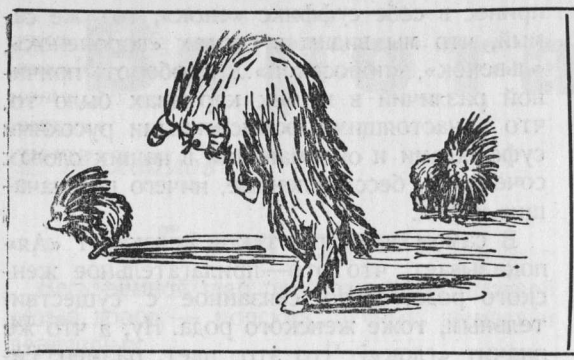
«Большая птица первая начнет полет со спины исполинского Лебедя, наполняя вселенную изумлением, наполняя молвой о себе все писания — вечной славой гнезду, где она родилась», — так написал Леонардо да Винчи на обложке одной из своих рукописей с странными рисунками птиц, стрекоз и крылатых машин.

Что за странное торжественное пророчество о какой-то большой птице? О каком лебеде говорит Леонардо?

Все станет понятно, если знать, что Леонардо много лет пытался построить летательную машину и изучал для этого полет птиц. И о летательной машине—человеке-птице — говорит он в своей таинственной записи.

А лебедь? Да это название горы близ Флоренции (Монте-Чечери, по-итальянски)! На этой горе Леонардо нашел склон, отвесный и лишенный растительности, который считал удобным для пробных полетов.

450 лет назад Леонардо знал и наш парашют. Он говорил, что с «шатром» из прокрахмаленного полотна можно броситься с любой высоты без всякой опасности для жизни.



Глокая куздра

Л. Успенский

Студенты с шумом расселись по местам и вдруг замерли: знаменитый ученый-лингвист опускался в кресло. Должна была начаться первая его лекция по языкознанию. Что он скажет?

Профессор снял пенсне и осмотрел собравшихся.

— Ну вот... Вы, — он уставился на одного из студентов.—Подойдите-ка сюда, к доске. Напишите нам одну фразу... Да... Такую фразу: Глокая... Написали? Глокая куздра...

У студента, вызванного к доске, задрожали колени: и так-то писать страшновато, а тут вдруг еще этакое непонятное... Он перестал писать и неуверенно покосился на ученого: в уме ли он?

Но языковед тоже смотрел на него добродушными близорукими глазами.

— Ну? Чего же вы испугались? Самая обыкновенная глокая куздра. Пишите дальше...

Студент пожал плечами и жирно вывел мелом на доске:

«Глокая куздра штено будланула бокра и курдянит бокренка».

В зале послышались смешки, перешептывания.

«Что за галиматья? На каком это языке?»

Профессор поднял голову и взглянул на надпись.

— Ага, ну вот, — удовлетворенно произнес он. — Садитесь. А теперь, кто мне об'яснит, что эта фраза значит?

Тут поднялся шум. «Как, что значит?— кричали студенты. — Это какая-то чепуха. Ничего это не значит. Мы ни слова не понимаем».

Тогда ученый вдруг рассердился.

— Не понимаете? Как это не понимаете? Неправда, вы отлично понимаете. Почти все. Хотите докажу?

Он вдруг прищурил глаза и спросил:

— А ну-ка, скажите мне, про кого говорится в этой фразе?

На миг все замолчали. Потом несколько голосов неуверенно ответили:

— Про... про куздру какую-то...

— Ну вот, — обрадовался профессор, — конечно, про куздру. Только почему же «про какую-то»? Про глокую куздру. Значит, что это за член предложения — куздра?

— Подлежащее, — пискнул кто-то.

— Конечно. А какая часть речи?

— Существительное, — закричало, смелея, уже несколько человек.

— Так. А падеж? А род?

— Именительный, единственного числа... Женского рода, — послышалось со всех сторон.

— Так, так, так... — склонив голову на бок, поддакивал профессор. — Так. А позвольте вас спросить, откуда же вы все это узнали, если вы решительно ничего не понимаете в этой фразе? Да вы не только это понимаете. Скажите-ка мне, что эта куздра сделала?

— Она его «будланула»,—со смехом загалдели теперь уже все.

— Штено будланула, — важно подтвердил профессор. — Будланула бокра. Определите тогда мне вот вы, — он кивнул головой на одну из студенток, — что такое бокр: живое это существо или неживой предмет?

Девушка растерялась:

— Я... Я не знаю...

— Как так не знаете? — напустился на нее ученый. — Вы не можете этого не знать. Ведь тут винительный падеж от слова «бокр». Винительный падеж отвечает на какие вопросы? Что и кого? На «что», когда говорят о неживом предмете, на «кого», если речь идет о живом существе. Куздра «будланула» «кого?» Бокра. «Бокр» живой. Иначе было бы «куздра будланула бокр». Я вижу «стол», а не «стола». Разве не верно? — Он помолчал немного.

— Ну, последние два вопроса. Что она его, куздра-то? Долго или быстро? А? Конечно, быстро... раз — и будланула. Иначе было бы забудлала, отбудлала. Как хотите. Только не будла н у л а. Глаголы с суффиксом «ну» означают однократное действие. И потому еще — вот «бокренок». Кто это такой «бокренок»? Что он: молодой или старый? И разговоров никаких быть не может... Понятно, молодой. Даже маленький. Ведь это же бокрий сын. А почему это видно? Опять-таки по суффиксу. Этот суффикс обозначает детеныша, молоденькое существо... Ведь верно?

Прочитайте повнимательнее и вы эту странную фразу. Она ничего не значит и вместе с тем значит что-то. Она написана не по-русски. Если угодно, она написана ни на каком языке. Словом, эта фраза по сути дела — не фраза. Как же так?

Мы дали двум художникам нарисовать картинки о том, как куздра будланула бокра. Немного поворчав, они вошли во вкус, картинки изображены на 103 стр. Их стоит разглядеть. С одной стороны, они как будто изображают совсем разные вещи, а в то же время в них очень много общего. И это общее и это разное — все заключено в самых словах нашей фразы.

Видите, один художник нарисовал куздру как буйволицу, другой — как козу. Можно было бы, пожалуй, принять ее еще за реку или бурю. Но все мы согласны, что куздра—женского рода. Почему? Совсем не потому, как вы сейчас подумали, что это слово оканчивается на «а». «Воевода», «староста» тоже ведь оканчиваются на «а», а они мужского рода. Потому только, что слово «глокая» имеет окончание «ая», а оно связано со словом куздра и согласовано с ним. Вот в чем тут дело.

Совершенно так же «бокренка» один представил себе как тигренка, другой—как ежика, но оба вообразили себе его как маленькое живое существо, ребенка, детеныша, бокрина сына. Эту одинаковость принес в себе суффикс «енок», тот же самый, что мы видим в словах «вороненок», «львенок», «поросенок»... Наоборот, причиной различий в наших картинах было то, что с настоящими осмысленными русскими суффиксами и окончаниями в наших словах сочетались бессмысленные, ничего не значащие корни.

В самом деле, что такое «глокая»? «Ая» показывает, что это—прилагательное женского рода, слово, связанное с существительным, тоже женского рода. Ну, а что же значит «глок»? Что это: цвет, размер, сила, быстрота? Ничего подобного. Это просто «глок»: четыре звука, с которыми не соединено никакого значения. Значит, и все «глокая»—не слово, а только чучело его, модель прилагательного женского рода. Оно напоминает нам настоящее слово только тем, что профессор, выдумав его перед лекцией, связал с этими четырьмя бессмысленными звуками настоящий русский суффикс и настоящее «живое» русское окончание. Тогда и звуки эти стали выглядеть для нас как «корень». В настоящем же слове должно быть осмыслено все: и приставка, и корень, и суффикс, и окончание. Так оно и бывает всегда, только мы не всякий раз замечаем это. И напрасно. Интересно также попробовать вывернуть нашу задачу наизнанку: взять настоящие русские корни, но придать к ним выдуманные частицы. Будет ли фраза, составленная из них, более понятной чем наша «глокая куздра» или наоборот? Вот я пишу:

«Большого воронэл клюнави журавлюль и теребико журавлисси». Попробуйте определите, что я хотел этим сказать. Каждое слово в отдельности еще туда-сюда, понятно, хотя и то не очень, но вся «фраза» совершенно утратила всякий смысл. Журавль клюнул ворона, вороненок клюет журавля или журавлята теребят ворон, никак этого не угадаешь.

Вот почему тому, кто начинает учиться чужому языку, опытные люди советуют начинать не с заучиванья отдельных слов, а с того, чтобы как можно лучше изучить значение суффиксов, предлогов, окончаний и всего того, что называется строевыми частями языка. Как видно, и впрямь на одних словах далеко не уедешь: все будет получаться «журавлюль клюнави». Наоборот, тот, кто освоился со строевыми частями чужой речи, часто сумеет догадаться о смысле фразы даже при многих вовсе не знакомых словах (узнали же мы, что бокренок приходится сыном бокру).

Ворота богов

Д. Михайлов

Город чудес

Весь земной шар перевит сейчас плотной сетью дорог — морских, речных, земных и воздушных.

Пять тысяч лет назад только два великих пути об'единяли страны и народы тогдашнего культурного мира. Один, африканский, шел по Нилу к берегам Средиземного моря; другой, азиатский, проходил от Персидского залива на север по рекам Евфрату и Тигру и у верхнего течения этих рек разветвлялся: одна дорога шла круто на запад к Средиземному морю, другая — на север к Черному.

На Нильской дороге вырос Египет.

Центром азиатских путей был Вавилон. Он господствовал во всех странах, через которые этот путь проходил.

Вавилонские купцы проникали в Индию и на южные склоны Кавказа, в Малую Азию и Сирию и на острова Средиземного моря. И все страны, в которых господствовал Вавилон, свозили в его стены богатства своих полей, лесов, рек и морей.

Для жителей этих стран, для еврейских пастухов и северных охотников и земледельцев южной части двуречья Вавилон был городом чудес.

Сами они жили в шатрах и в хижинах из необожженных кирпичей.

А вавилоняне обжигали кирпичи в больших печах и строили из них огромные дворцы, храмы и дома. И даже дороги покрывали толстыми слоями кирпичей и камней, делая их ровными и твердыми для проезда колесниц.

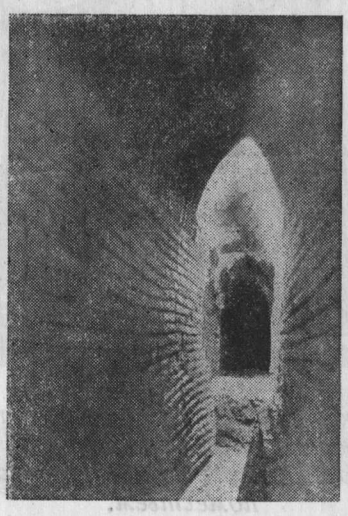
Во всех областях Востока глиняными горшками черпали воду из рек и колодцев. А вавилоняне провели к себе в город воду из Евфрата по подземным каменным улицам.

Вавилоняне знали таинственное искусство разговаривать с людьми, которых они не видели, которые жили на другом конце страны, посредством значков, нацарапанных на глиняных табличках, и передали тайну этих знаков тем народам, которые раньше не знали письменности.

Вавилоняне умели предсказывать дни, когда солнце и луна покрываются мраком. Они разделили сутки на часы.

Они построили огромный город для себя, своих царей и богов.

Бог Вавилона и всего тогдашнего мира— Мардук — сидел на троне в своем храме-дворце как истинный хозяин города. Вся земля Вавилона была «землей Мардука». Все купцы, крестьяне, рабы были его данниками. Время было над ним бессильно, так как он сделан был из самого крепкого камня. А правили вместо него его жрецы.



Вавилонский водопровод. По таким вот туннелям провели вавилоняне воду в свой город.

Город жрецов был складом золота и богатств, складом таинственных знаний измерения земли, исчисления времени, искусств врачевания и предсказаний! А название его — Вавилон — по-русски означает ворота богов.

Вавилон встает из могилы

За 3000 лет своей жизни Вавилон не раз видел в своих стенах завоевателей. Но никто не решался разрушить дворцы его царей и богов. Один Сенахериб, царь ассирийский, сравнял весь город с землей и сам

Этот каменный вавилонский барельеф изображает царя, вручающего своему приближенному знак на владение поместьем.

рассказал об этом: «Быстро выступил я против Вавилона. Я ринулся внезапный как гроза. Я опрокинул его как ураган. Я осадил этот город и взял его мощью своих рук. Я не оставил в живых ни одного его жителя, от детей до стариков. Я наполнил окрестности города их трупами. Царя Вавилона и его семью живыми я привел в свою страну. Я разграбил сокровища этого города, я роздал своим людям золото, драгоценные камни, богатства. Богов, которые здесь жили, люди мои взяли и разбили. Я разрушил, я уничтожил, я предал огню город и дома от основания до крыш».

Прошло несколько десятков лет, и Вавилон ожил. Его отстроил Навуходоносор — новый царь Вавилонии.

На взгляд правителей Вавилона, вся страна и существовала только для того, чтобы кормить и обогащать свою столицу. Вся страна, от Кавказа до Персидского залива, была только хозяйственным двором Вавилона, его усадьбой.

Завоевателям не удалось разрушить Вавилон. Но это сделало время. В течение веков возникали новые торговые пути, новые государства и новые города.

Вавилон хирел, пустел и разрушался. Он превратился сперва в маленький, захолустный городок, потом в деревню, и пришло время, когда исчезли последние хижины с песчаных холмов, похоронивших его развалины.

В 1574 году один немецкий врач захотел собственными глазами посмотреть на остатки этого города, но не смог найти даже места, где он стоял. И никто из местных жителей не слышал, чтобы когда-либо здесь существовал город с таким названием.

И действительно мудрено было найти Вавилон.

Во времена Вавилонского царства Евфрат был полноводной, судоходной рекой. Теперь он превратился в большой ручей и протекает по совершенно новому руслу. По его нижнему течению тянется выжженная солнцем пустынная степь. Только около самого берега реки растут пальмы. Редкие деревушки, окруженные небольшими пальмовыми рощами и крохотными полями, рассеяны по голой равнине.

Найти пропавший город помогли жители деревень, окружающих могильные холмы Вавилона. На этих холмах они уже давно устроили настоящие шахты и добывали из-под земли редкие ископаемые: прекрасные кирпичи тысячелетней давности. Все постройки в этой местности и целый город Хиллэ сложены из вавилонских кирпичей Навуходоносора.

Правильные раскопки начались здесь всего сорок лет назад. Они продолжаются до сих пор. Но сейчас уже почти весь древний Вавилон вырыт из своей могилы.

О чем рассказывают глиняные таблички

Древний Вавилон рассказал нам о себе гораздо больше, чем мы могли ожидать, несравненно больше, чем смогут рассказать наши города через 2000 лет.

Мы увидели дома, в которых жили вавилоняне. Они стоят тесно, стена к стене. И все они — большие и малые — построены по одному образцу. Каждый дом окружен снаружи глухой, безоконной стеной. Входная дверь приводит сначала в прихожую и отсюда прямо на двор, застроенный со всех сторон. На этот двор выходили двери всех помещений дома, причем лучшие комнаты всегда находились на теневой стороне двора.

Одни дома были велики, другие малы, но все они были одноэтажными. Никаких признаков лестниц не сохранилось. Чтобы попасть на плоскую крышу, пользовались, очевидно, деревянными приставными стремянками.

Мы увидели не только дома, в которых жили вавилоняне.

Мы узнали к а к они жили.

Почти в каждом доме археологи нашли несколько глиняных горшков. Это те же горшки, в каких на Востоке до сих пор хранят с'естные припасы.

Но в Вавилоне этими глиняными горшками пользовались не только для хранения пшена и масла. Они служили «книжными шкафами» и «ящиками письменного стола». Их заполняли исписанными табличками.

Сюда складывали молитвы и заклинания, квитанции о взносе квартирной платы и долговые расписки, письма и счета.

Каждая семья хранила, как-будто специально для нас, полную запись всей своей жизни.

Молитвы и заклинания копились главным образом на случай болезни.

Вавилоняне думали, что большинство болезней происходит от действия злых духов, которые вселяются в человека и терзают его изнутри. Выгнать их из тела можно только заговором. Рецепты этих заговоров и держали в горшках на всякий случай.

Вот, например, заговор от малярии, которая и в те времена была, очевидно, распространена на берегах Евфрата: «Усыпи свой гнев, воинственный бог огня (лихорадки). С тобой да уснут горы и реки, с тобой да уснут Тигр и Евфрат, с тобой да уснет море — великий океан, да уснет с тобой и улица, дочь великих богов, пусть уснет и трава на лугах и да утишится с тобой сердце моего бога и моей богини, которые гневаются, и да утишится с тобой сердце моего городского бога и моей городской богини, которые гневаются».

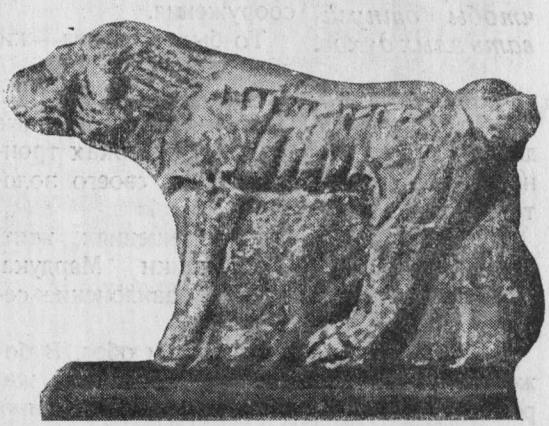
Это похоже на наши колыбельные песни.

Но болезни не только лечили: их старались предупредить. Для этого служили небольшие глиняные изображения «защитников человека»—собак. Их вешали на стене комнат или носили на шее. На некоторых глиняных собаках нацарапаны их имена: «Кусака» или «Хватай». На дверях дома вешали глиняных уродцев, чтобы «злые духи», прилетев, испугались и вернулись обратно.

Вавилоняне писали часто и много. Даже рабы получали и отправляли письма, и эти «рабские» письма мы отличаем по отсутствию отчества на адресе. Только свободных называли по отчеству.

Вавилонянин во времена Мардука пишет, например, «своей Биби Гилиль-Мардук»: «Шемаш и Мардук да даруют тебе вечную жизнь ради меня. Как ты поживаешь? Напиши же мне! Я пришел в Вавилон, но тебя там не нашел. Я был очень огорчен. Сообщи мне, что ты придешь, порадуй меня. Приходи в ноябре. Живи вечно меня ради».

Но чаще всего встречаются всякие деловые записки. И это понятно. Вавилон был центром торговли для всего великого азиатского пути.



Глиняная собака, которая должна была защищать своего хозяина от болезней. На собаке написано ее имя—„Кусака".

Для древних городов ворота были тем же, что для наших городов вокзалы. Через них проходили все богатства, которые получал Вавилон из всех «владений Мардука».

Мы точно можем сказать, где проходила главная торговая улица Вавилона.

На западе города нашли семь огромных каменных мостовых быков. Стоят они сейчас на сухой земле. Но раньше здесь протекал Евфрат. Эти быки — остатки моста, построенного Навуходоносором.

Но раз здесь был перекинут мост через Евфрат, здесь же обязательно должна была проходить и главная торговая дорога города. Здесь, на перекрестке сухопутной дороги и речного пути по Евфрату, был торговый центр Вавилона.

Город богов

И здесь же при раскопках наткнулись на необычайное сооружение.

Таких глиняных уродцев вешали на дверях дома, чтобы отпугивать злых духов.

Колоссальная крепостная стена с сотнями боевых башен замыкала квадрат величиной около 2½ километров. За этой крепостной оградой ученые увидели остатки больших зданий. Потом раскопали фундаменты, заложенные на глубине четырехэтажного дома. Там увидели залы, величиной с наши театры, остатки дворцов, складов, сараев. А в середине этой крепости нашли развалины колоссального сооружения.

То была Эсагила—жилище богов.

Здесь жил в своем дворце сам Мардук. Он сидел на троне. И люди в торжественные дни могли видеть со двора в сумерках тронного зала смутные очертания своего золотого бога.

Тут же, в боковых помещениях, жили другие боги — родственники Мардука. «Семья богов», как и все вавилонские семьи, жила вместе.

Каждый день богам подавали обед. В божественные жилища вносили огромные жареные туши быков и свиней, фрукты и вино.

Потом двери наглухо закрывались: на «обеде богов» могли присутствовать только их жрецы.

А когда двери открывались, все принесенное оказывалось с'еденным и выпитым.

Но вавилонские боги не только «ели и пили», они занимались делом. Ведь они были хозяевами вавилонской земли. И со всего, что росло и производилось, покупалось и продавалось в землях Вавилона, они получали десятую часть. Нелегко было с этим управиться!

Они даже давали в долг серебро и золото. В вавилонских храмах найдена масса расписок такого вида:

«Пять секелей серебра одолжил у бога солнца Шемаша Сализу. Деньги вместе с процентами он обязуется вернуть богу солнца».

Поэтому город богов был похож на огромный помещичий двор. Здесь ежедневно принимали сотни возов с разными припасами со всех концов вавилонской земли. Здесь вешали и продавали, здесь отдавали и принимали деньги. Жрецы-товароведы суетились около бычьих туш, жрецы-банкиры сидели в своих конторах. Тысячи рабов, сдатчиков, должников, покупателей сновали между храмами и дворцами, складами и мастерскими, которые выстроились вдоль стен божественного города.

Вавилонские крестьяне и торговцы, принося в Эсагилу свой хлеб и деньги, думали, что отдают их не жрецам, таким же людям, как они сами, а богам.

Конечно, если бы эти боги жили в обыкновенных домах, не только горожане, но и крестьяне могли бы усомниться в их божественности.

Но, приходя в Эсагилу, люди сразу переносились в необычайный мир, где все было таинственно, огромно, вечно и все порождало страх. Ведь даже сейчас, среди раскопанных развалин, люди кажутся муравьями.

Посреди Эсагилы высилось громадное сооружение: вавилонская башня — самая высокая постройка древности. Она сужиалась кверху и достигала высоты Исаакиевского собора. Ее называли «домом основания неба и земли».

Чтобы построить эту башню, всю Эсагилу и заново отстроить Вавилон, Навуходоносор согнал множество людей со всех концов своего обширного царства.

Сколько рабов потребовалось для этого Навуходоносору? Мы не можем даже себе этого представить.

Сюда пришли еврейские пастухи, северные охотники, рыбаки и крестьяне. Их смешали как скот в одно общее стадо для непонятной работы.

Смешались все наречия. Общего языка не было, и каменщик-еврей не понимал своего соседа, каменщика из Элама.

Эта башня так поразила воображение людей, что о ней сложились замечательные легенды. В них рассказывалось, что люди неспроста стали строить башню. Это был открытый бунт против бога. Они хотели взобраться на небо, чтобы там расправиться с богом или стрелами и камнями разрушить его жилище—небо.

Работали день и ночь. Когда рождался ребенок, мать не уходила с работы. Она привязывала его за спину и продолжала свое дело.

Много, много лет строилась башня. Наконец, она достигла будто бы такой высоты, что каменщику приходилось целый год взбираться на ее вершину. И если он срывался, жалели не о каменщике, а об изве-

сти и кирпичах, которые он нес, так как целый год приходилось ждать новых.

И когда башня достигла такой высоты, люди стали пускать стрелы в небо, и они возвращались оттуда окровавленными, а люди кричали: мы убили всех, кто был на небе.

Наконец, богу это надоело и в наказанье он перемешал все языки. Никто больше не понимал своего соседа, все пришло в смятение, и постройка прекратилась, не достигнув неба.

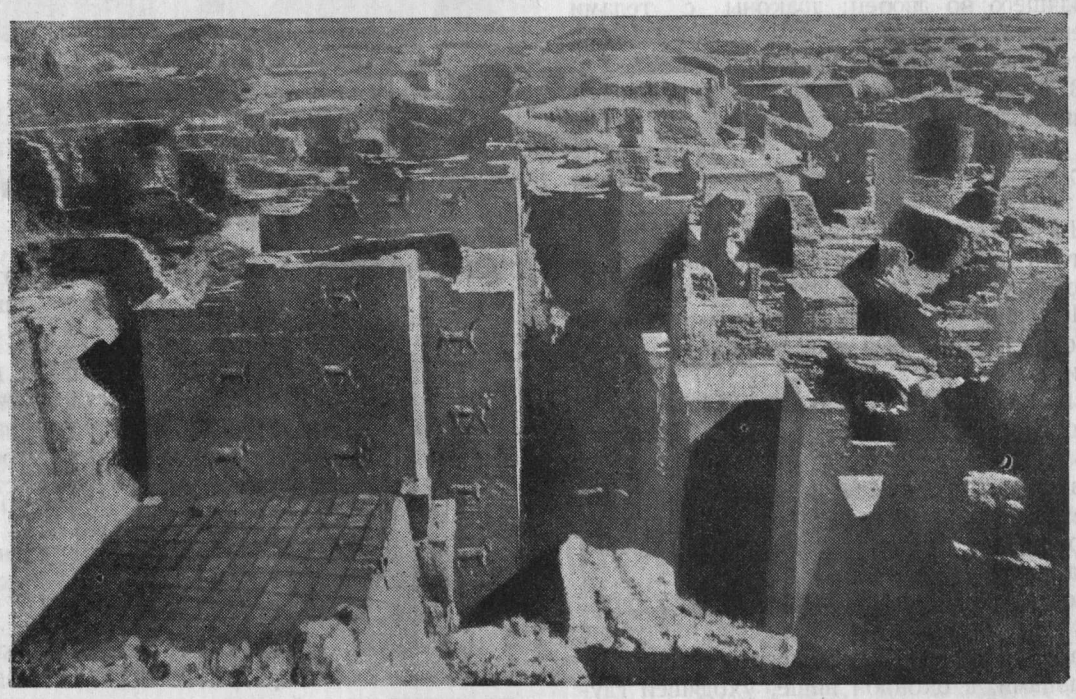
Так рассказывают легенды.

и осторожных «предсказаний». Их тайная «наука» выделяла их среди всех людей и внушала страх.

Дорога львов, быков и драконов

Эсагила, город богов, была крепостью жрецов, центром их хозяйства, науки и религии.

Центром военной власти Вавилона был царский дворец. Это был тоже особый город в городе, окруженный еще более мощными крепостными стенами чем Эсагила.



Развалины ворот Иштар.

Вавилоняне не знали, что происходит в башне: это было тайной. А что же действительно там происходило?

Там, на самой вершине, под верхней площадкой, помещалась небольшая комната дежурного жреца.

С этой вышки жрецы производили наблюдения звездного неба. Они рассчитали солнечный год, с погрешностью только в $^1/_{20}$ доли секунды, научились предсказывать солнечные и лунные затмения, расчертили небесный свод по знакам Зодиака.

Но свои точные знания они использовали главным образом для того, чтобы по положению звезд «предсказывать» события и судьбы людей. Жрецы были сами и предсказателями и толкователями своих туманных

И построен он был тоже так, чтобы внушить страх и показать величие Вавилона.

Каждый человек, шедший ко дворцу, ступив на дорогу, тотчас же чувствовал себя отрезанным от внешнего мира. Он видел перед собой только гладкую каменную дорогу, медленно поднимающуюся между глухих стен. А рядом с ним следовали львы, с оскаленной пастью, с сильными лапами и вытянутыми хвостами.

Эти львы были сделаны из эмалированных изразцов на яркосинем фоне: 120 львов шло друг за другом, по 60 с каждой стороны. И человеку, который направлялся во дворец, казалось, что львы движутся вместе с ним и сторожат каждый его шаг.

У дворцовой ограды дорогу преграждали

огромные, увенчанные башнями крепостные ворота. Они были посвящены богине Иштар, одной из главных богинь Вавилона. За ними открывался узкий дворик, упиравшийся во вторые ворота, такие же неприступные, как и первые.

Ворота охраняли быки и драконы, животные Мардука. Они стояли перед воротами, они занимали всю поверхность стен и башен. Каменные статуи у входа и изразцы на стенах повторяли десятки раз одни и те же изображения: огромные быки, опустив морды, тупо и угрожающе уставились на входящего во дворец; драконы с телами змей, лапами тигров и птиц угрожали ему вытянутым ядовитым жалом.

В этих страшных животных мы узнаем наших старых знакомых: глиняных собачек «Кусаку» и «Хватая». И те и другие должны были защищать своего владельца от злых духов.

Но простая собака, конечно, не могла защитить царя. Для этого требовались сотни огромных львов, буйволов и драконов.

Человек, прошедший львиную дорогу и ворота Иштар, был еще далек от своей цели.

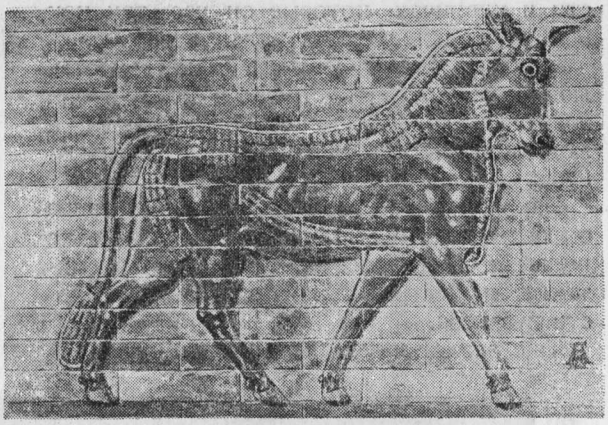
Еще трое ворот и три двора отделяли его от царского жилища.

В первых воротах помещалась стража, во вторых сидели судьи и чиновники, решавшие дела пришедших и вызванных сюда вавилонян, а в третьих стояла самая важная охрана.

Когда открывалась средняя, самая большая дверь, посетитель видел в глубине огромного зала, выложенного темносиними изразцами, в оконной нише, уходящей глубоко в стену, в сумеречном свете полутемного помещения на высоком троне самого Навуходоносора, царя Вавилона.

Новуходоносор не жил постоянно в этом дворце. Он приезжал сюда для торжественных приемов. И все эти колоссальные сооружения были построены только с одной целью: чтобы каждый входящий сюда, кто бы он ни был — вавилонянин или посол чужой страны или царь-завоеватель, — почувствовал свое ничтожество перед величием Вавилона и его царей.

Но вместе с тем этот дворец был сильной, почти неприступной крепостью.



Бык с ворот Иштар.

Что говорят стены и башни Вавилона

Дворец был крепостью в крепости, потому что и весь город был прекрасно защищен.

Вокруг всего Вавилона возвышались две параллельных стены. Пространство между ними было засыпано землей. Так получалась одна огромная стена шириной в 26 метров. Это ширина городской улицы. Длина стены—18 километров.

Через каждые 50 метров на обеих стенах выступали наружу боевые башни. Таких башен было 360.

И когда перед мирным путешественником или начальником враждебного войска издали, в раскаленной мгле, открывались очертания Вавилона, они видели за его рвами и стенами, над плоскими, как бы срезанными ножом, домами громады дворца и Эсагилы. Они возносились над городом и придавливали его своей тяжестью. На вечно безоблачном небе четко вырисовывались «Ворота Иштар». Но еще выше, выше всех дворцовых построек и всех зданий мира поднимала свою вершину гигантская башня — «дом основания неба и земли».

И всякий, кто шел в Вавилон,— крестьянин или завоеватель — знал, куда он идет: город еще издали рассказывал ему о себе.

ПОЧТА

Живой уголок

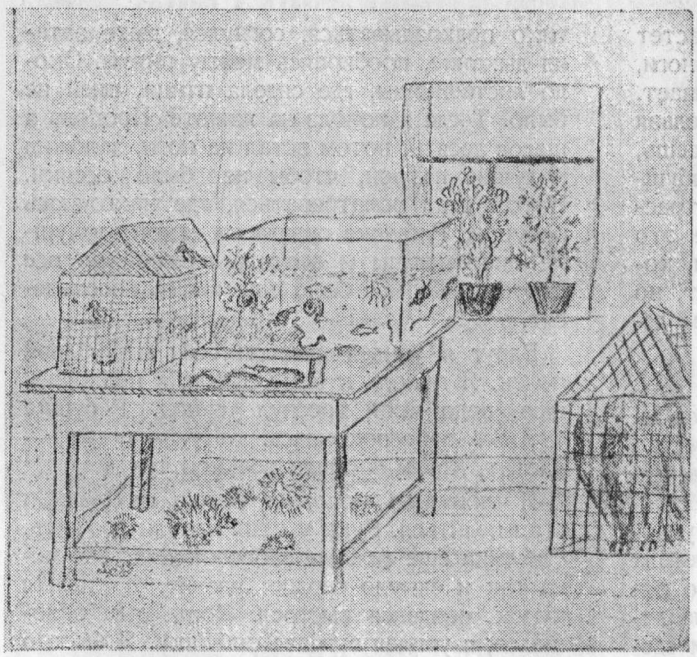
Письмо Левы Черкасова

Магнитогорск, I участок, д. 52, кв. 1

Однажды Леня Шишкин пришел в школу очень скучный. Все ребята начали спрашивать: «Что с тобой, Леня?» А Леня отвечает: «У меня болит зуб, я с'ел очень много грецких орехов и раскалывал их зубами». Ребята рассмеялись. И пока не начался урок биологии, Леня был все время надутый. А Леня очень любил биологию и мечтал стать биологом. И как только начался урок биологии, он так заинтересовался им, что забыл про свой больной зуб.

В этот день меня не было в школе. На другой день Леня рассказал мне про вчерашний урок биологии с таким интересом, что я тоже заинтересовался биологией.

Рисунок Левы Черкасова.



Наш живой уголок.

С этих пор я стал с Леней очень хорошо и весело проводить время. Мы с ним почти не расставались, потому что жили напротив друг друга, дом перед домом, и мои окна прямо выходили в окна дома, где жил Леня. Если мне надо его позвать, то я на горне заиграю — и он ко мне приходит, а если ему меня надо, то он играет на губной гармошке. И так мы с ним дружили.

Однажды наша учительница Евгения Дмитриевна говорит: «Кто, ребята, из вас хочет быть юнатами?»

Леня и я руки подняли самые первые, а там еще много ребят, и она нас с Леней записала школьными юнатами. Перед уроками мы ей носили всяких жучков, мух, бабочек и стрекоз. Как-то раз, в выходной день, мы пошли за город, сели около одного камешка, и вдруг я как закричу:

— Леня!!!

Леня испугался, подбежал ко мне, а я ему и показываю такое насекомое, что ни он, ни я его не знаем. Оно толщиной в палец, а ноги, если бы вы посмотрели, как маленькие лопаточки. Мы его завернули в бумажку, положили в сумку, отнесли учительнице по зоологии и спрашиваем у нее, что это за насекомое. Она рассмеялась и говорит: «Так ведь это «медведка».

Мы стали все чаще и чаще ходить за город и наблюдать за маленькими животными и растениями.

Это было 6 или 7 мая. Мы шли по молодой траве за городом

и прямо наткнулись на большую муравьиную кучу. Сели мы рядом и начали наблюдать за муравьями. Леня меня толкает.

— Смотри! Смотри! Что тащат два муравья?

Я посмотрел и вижу: два муравья тащат большую мертвую гусеницу, раза в четыре — пять больше их самих. Потащили к норке. Один забежал в норку — и оттуда штук шесть муравьев бегут, взяли эту гусеницу и затащили себе в норку. Смотрели, смотрели мы на них, Леня и говорит мне:

— Давай разроем эту кучу.

Я, конечно, согласился, и мы взяли палочки и стали потихоньку разрывать. Раз пять мы теряли эту норку и все-таки нашли ее. Там было вроде комнатки, и там лежали та самая гусеница и еще три штуки, а сантиметров через пять мы обнаружили сложенные по рядочкам яички, так ровно, как будто человек сложил, а еще рядом — большая-большая самка муравья. И вдруг мне ногу так что-то ужалило, что я так и отбежал; посмотрел, а по мне бегают муравьи. Я их стряхнул, а когда посмотрел на кучу, яичек уже нет. И только вдали бегают муравьи с яичками.

Когда мы кончили учиться, то поехали с Леней в пионерские лагеря. Там мы встретили еще одного такого же юната, как и мы. Это был Витя Яковлев. Он был ровесником Лене: им было по 15 лет, а мне—14. Мы в лагерях организовали живой уголок, там у нас был беркут Рэкс. Мы его достали из гнезда еще маленьким, а сейчас он уже может летать. Кроме того были два копчика и много других животных.

Моя охота

Письмо Жени Артемьева
Западносибирский край, с. Чарыш, Кооперативная ул., дом № 4

Иду я с ружьем по лесу. А вокруг растет очень высокая трава. Так и путает ноги, как будто кто-то веревками связывает. Под ногами сучья трещат — никак нельзя тихо подойти к дичи. Только подойдешь, станешь целиться в тетерева или в рябушку, а тут, как назло, под ногой сучок треснет. Тетерев с испугом взглянет, где это треснуло, и быстро улетит. Можно бы, конечно, стрелять в него, когда он летит, но тетерев уж очень быстро укрывается за деревьями.

Долго я ходил по лесу, но ни одной птицы убить не удавалось. Потом я вышел на широкую поляну. На ней было множество старых пней. Трава здесь была скошена, но вокруг пней росла высокая трава. У ближней лиственницы стоял маленький акуратный стог. Вдруг из-под моих ног вылетела рябушка. Я быстро вскинул ружье, но рябушка уже скрылась за деревьями. Она летела сначала к густому лесу, но потом сделала над поляной два круга и села на другую, более дальнюю лиственницу. Я начал тихо подкрадываться, согнулся, даже затаил дыхание, пробираясь между пнями. Около лиственницы, где сидела птица, пней не было. Тогда я пополз на животе. Прополз я шагов десять, потом встал на ноги, заложил получше патрон, чтобы не было осечки. Потом стал всматриваться, где находилась рябушка. Рябушка сидела на самой верхушке лиственницы и вертела головой во все стороны. До нее было еще шагов восемьдесят.

Вдруг я увидел впереди себя небольшой пенек. Я пополз к нему. Когда я подполз к пню, подо мной треснул сучок. Рябушка тут же забеспокоилась. «Ну, — думаю, — улетит, даром пропали все мои труды».

Я тихонько положил ружье на пень и стал целиться. Руки у меня начали дрожать. Рябушка еще сильнее забеспокоилась. У меня так и ёкнуло сердце: улетит. Я нажал курок, раздался выстрел. Когда дым разошелся, я увидел в траве рябушку. Я быстро подбежал к ней и положил в сумку, потом отдохнул и пошел домой.

Огненный шар

Письмо Юры Катасонова
Ойротия, Турачакский аймак, с. Дмитриевка, НСШ, 5-й класс „А“

Однажды вечером я и Шура Побединский пошли в школу. Там у нас была назначена репетиция новой пьесы, которую мы ставили.

Когда репетиция окончилась, на улице было уже совсем темно. Я, Шура, Ваня Филиппов и еще кто-то из ребят вышли на улицу вместе. Около ворот мы остановились. Вдруг кто-то из ребят закричал:

— Смотрите, смотрите!.. Летит!

Мы все посмотрели на небо.

По небу с бешеной скоростью по горизонтали несся большой огненный ком с длинным искрящимся хвостом.

Ком этот был величиной примерно с голову человека, а хвост был длиной метров в пятнадцать. Свет вокруг этого шара и хвоста был очень яркий.

Очень быстро шар скрылся за горизонтом.

Мы много говорили про этот шар, но где он упал, мы не знали.

Потом к нам приехал учиться Коля Гаев из поселка Гусевки. Этот поселок находится в 15 километрах от нас.

И вот однажды он начал нам рассказывать, как он видел огненный шар на небе. Мы тогда сказали ему, что тоже видели этот шар.

Наверно, он был очень большой, если его было видно за 15 километров от нас.

Огненный шар, который видели Юра Катасонов и его товарищи, вероятно, был метеоритом. В небесном пространстве, кроме звезд, солнца и планет, множество небольших тел. Они бывают величиной с пылинку, а некоторые достигают десятков метров в диаметре. Эти частицы называются метеоритами. Они вращаются вокруг солнца по самостоятельным путям. Иногда их пути пересекаются с орбитой земли. Если в этот момент земля и метеорит оказываются близко друг к другу, метеорит попадает в сферу земного притяжения и падает на землю. Так как и земля и метеориты двигаются с большой скоростью (десятки километров в секунду), то при встрече с землей метеорит подвергается сильным ударам частиц воздуха и потому на высоте в 120—150 километров уже начинает нагреваться и светиться. Иногда он сгорает, не долетев до земли.

Метеориты состоят из тех же основных химических веществ, что и наша земля. Ни одного неизвестного элемента в метеоритах до сих пор не найдено.

Старший научный сотрудник Астрономического института им. Штернберга
И. АСТАПОВИЧ

Как мы выиграли сражение

Письмо Вани Бакулова
Башкирия, ст. Янаул, средняя школа

В прошлом году я и Ваня Рябов решили устроить военную игру. Мы сказали об этом всем ребятам. Нас собралось 15 человек. Мы разделились на две партии. Командиром нашей дивизии выбрали меня, а у «противников» командиром Ваня Яковлев.

В нашем дворе мы устроили военный штаб. А играть решили в лесу.

Мы сделали себе сабли, винтовки и пики. А кроме того у всех ребят были луки, и многие уже хорошо стреляли из них.

Все бойцы нашили на рубашки петлицы. И мы начали играть каждый день.

Мы выбрали хорошую полянку в лесу, где можно было стрелять из луков, и построили там лагерь.

Ровно в 6 часов утра по сигналу мы собирались в штабе и шли в лес.

В первый же день мы решили хитростью заманить к себе «врага» и взять его в плен.

Недалеко от полянки, где можно было стрелять, мы поставили колья и надели на них фуражки. Кругом были кусты, и издалека можно было принять эти колья за людей.

Сами же мы тихонько ушли в лес, чтобы зайти в тыл «противнику».

Яковлев как командир наблюдал за нашим лагерем с пригорка. Он увидел фуражки и решил, что мы все в лагере. Он хотел не стрелять в нас, а взять в плен весь отряд.

Он оставил в лагере почти все оружие и поставил часового, а сам со своим отрядом пошел в наступление.

Мы залегли в траве и видели, как они удалялись от своего лагеря.

Мы подошли совсем близко к их лагерю. Тогда наш разведчик Валя кинул сучок. Часовой насторожился. Валя начал ломать сучья, и часовой оставил свой пост и пошел посмотреть, кто ходит около лагеря.

Валя в это время забежал с другой стороны и вошел в шалаш «противника».

Когда часовой убедился, что за кустами никого нет, он вернулся к шалашу. Валя выбежал к нему и скомандовал: «Руки вверх!»

Часовой растерялся и поднял руки.

Валя свистнул (это у нас был такой сигнал), и мы вошли в лагерь.

А Ваня Яковлев пришел в наш лагерь и увидел колья. Он решил, что мы пошли купаться и, выставив вперед часовых, отдал приказание — дождаться нашего прихода и взять в плен. День был очень жаркий, и весь его отряд заснул.

Ваня Яковлев со своим помощником решил вернуться в лагерь за оружием, которого они не взяли с собой.

Ваня знал, что около шалаша он оставил часового, и шел, громко разговаривая.

Один наш красноармеец в это время гулял по лесу. Он заметил их, но так как их было двое, а он один, он пустился на хитрость. Прячась за кустами, он перегнал их. Написал записку «Путь опасен» и положил ее на дорогу, а сам побежал предупредить нас.

Яковлев увидел эту записку и остановился. Потом говорит:

— Ты, Сережа, иди вперед и узнай, в чем там дело, а я подожду тебя. Если опасно идти, выстрели из пугача.

Сережа пошел вперед. А мы были уже предупреждены нашим дозорным и взяли в плен Ваню Яковлева и Сережу.

Когда мы взяли их в плен, отряд Яковлева сдался нам.

Вот как мы выиграли первое сражение.

Все ребята очень любят устраивать военные игры. И обычно, когда игра хорошо организована, всем ребятам бывает весело. Вот Ваня Бакулов рассказал о том, как они устроили военную игру. Игра у них получилась хорошая. Они маскировались, придумали очень интересный план нападения на «врага».

Только мы предупреждаем всех ребят — осторожней обращайтесь с оружием, какое бы оно ни было,— настоящее или самодельное. Очень часто из-за неосторожного обращения с оружием бывают несчастные случаи.

Когда поедете в лагеря, ребята, и будете играть в военные игры,—хорошо маскируйтесь, старайтесь перехитрить противника, но, повторяем, будьте осторожны и ни в коем случае не превращайте военную игру в драку.

РЕДАКЦИЯ

Город Дия

Письмо Игоря Шевченко

Керчь. Камышбурунстрой, школа им. Максима Горького, ученик IV класса Игорь Шевченко

Около города Керчи начали строить аглофабрику и проводить железнодорожную ветку. Когда рабочие копали землю, они неожиданно натолкнулись на остатки какого-то древнего города.

Ученые решили, что это древний греческий город Дия.

Мы узнали об этих раскопках, и все ребята очень заинтересовались ими. Мы решили пойти на то место, где нашли остатки Дии.

Город находится под землей, на глубине до двух метров. Теперь почти весь его откопали.

Мы видели во время экскурсии отдельные комнаты, амбары для хранения зерна и ванны для засолки рыбы.

Дия с запада была обнесена каменной стеной от нападения кочевых племен—скифов и тавров, которые осаждали Дию. Раньше море подходило с востока к самому городу и Дия была неприступна и с этой стороны тоже. Теперь же с востока от Дии уже не море, а суша.

Жители Дии провели себе воду по каменным трубам, а для сбора дождевой воды устроили большие бассейны.

Нам показали стены, которые снизу, у фундамента, сложены неровно, кверху кладка идет лучше. Стены местами клали елочкой — ставили плоские камни.

Амбары для хранения зерна и ванны для засолки рыбы были обмазаны розовым цементом, сохранившимся на стенах амбаров до сих пор. Город Дию основали древние греки 2500 лет назад, затем, несмотря на то что город был хорошо защищен, кочевники разрушили его. Как же ученые узнали, что это Дия, а не другой город? Ведь сам город не сохранился. Но сохранились древние книги, и вот в одной из книг древнего географа написано, что к югу от города Пантикапеи (теперешней Керчи) находится город, который называется Дия. Около Камышбурунстроя есть много холмов, в которых греки хоронили своих покойников. В одном холме, когда копали глину для постройки домов, откопали каменный детский склеп, в котором нашли глиняные игрушки. Они изображали собак, лошадей. Некоторые были сломаны, и мы не могли отгадать, что они изображают. Почти все могильные холмы раскопаны, и, по словам местных старожилов, находились в них золотые и серебряные вещи, которые отданы теперь в музеи.

Письмо Игоря Шевченко мы показали научным сотрудникам Исторического музея.

Они прочли все письмо Игоря и сказали нам:

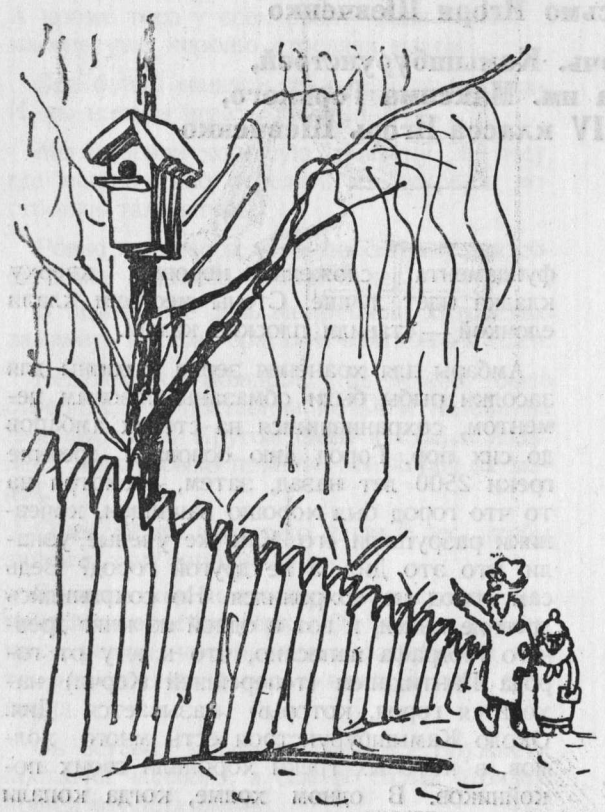
— Все, что написал Игорь, — совершенно правильно. Город Дия, действительно, существовал 2500 лет назад. Сейчас его откопали, только не весь, а очень небольшую часть его.

Игорь пишет, что они видели амбары для хранения зерна. Игорь ошибся: амбаров тогда не было, просто это ямы, в которых хранилось зерно.

И еще одно замечание: кладка стен, которые вы видели, действительно, не одинакова. Кладка стен как раз лучше внизу, верхнюю же часть стены клали во времена римского владычества, и она сделана небрежно.

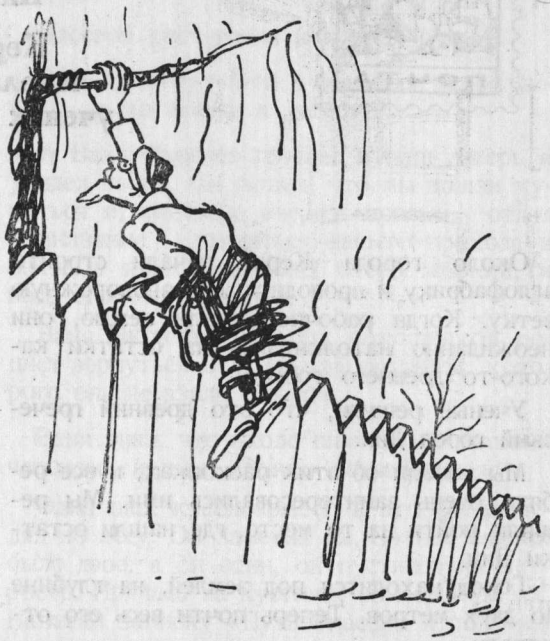
Возвращение Тут-Итама

Рис. А. Каневского



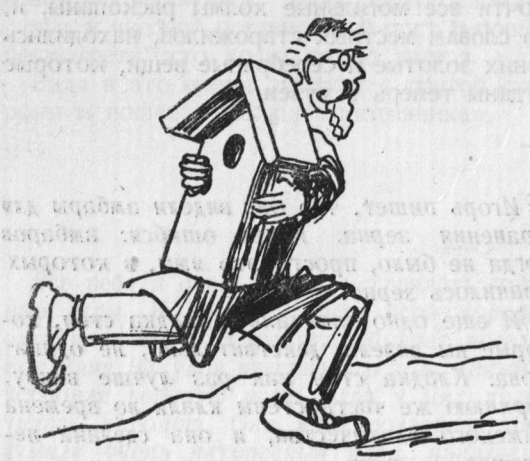
1. Вы знаете Петю Пешеходова? Вот он гуляет в выходной день со своей женой Авдотьей Федоровной.

— Авдотья Федоровна, смотри — скворешня!—сказал Петя, и глаза его загорелись.



2. — Ты куда, Петя? — закричала добрая старушка.

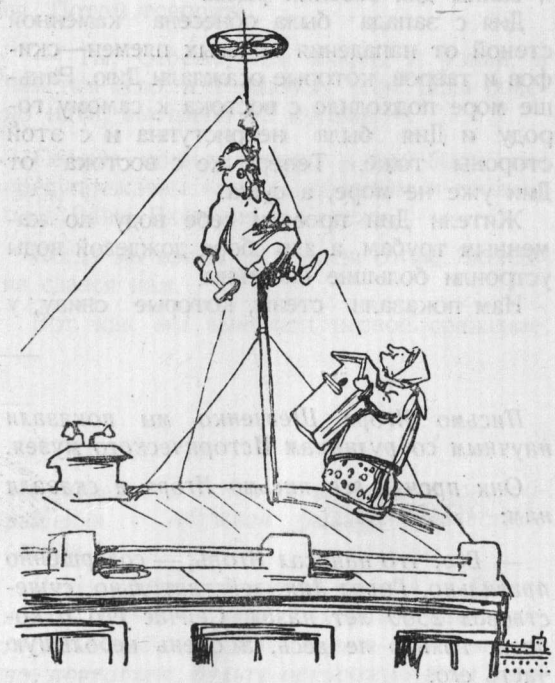
Но озорной старик был уже высоко.



3. Схватив скворешню в охапку, Петя пустился бегом.

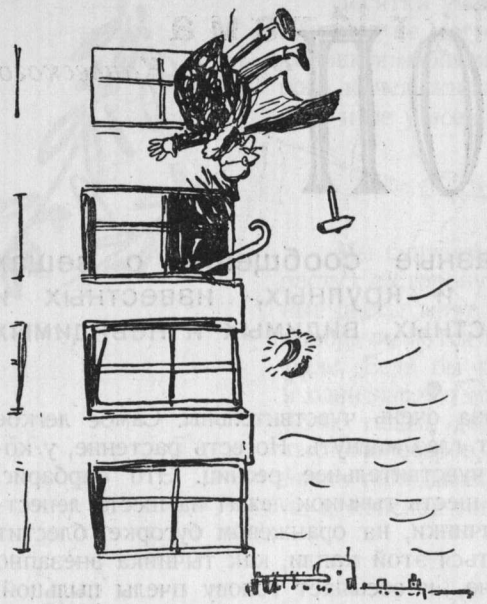
— Тише, Петя, не забудь, что у тебя сердце больное, — кричала старушка.

Но Петя — куда там!



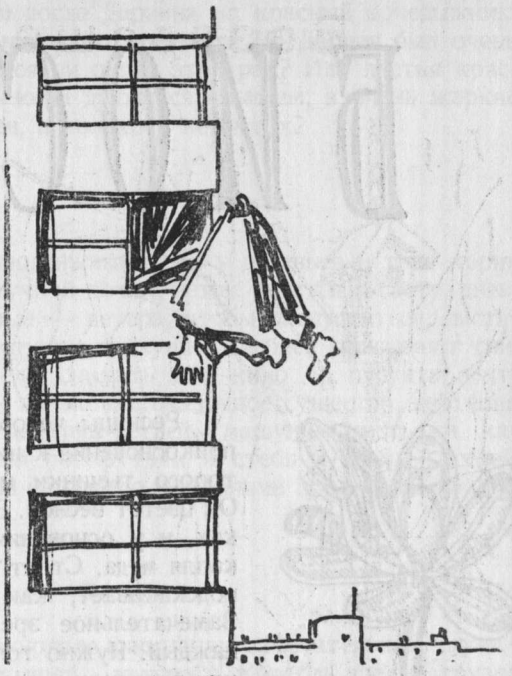
4. Опасаясь, как бы чего не вышло, Авдотья Федоровна, собрав последние силы, полезла за своим неугомонным стариком.

— Только не сорвись, Петя, — умоляла Авдотья Федоровна, — только не сор...

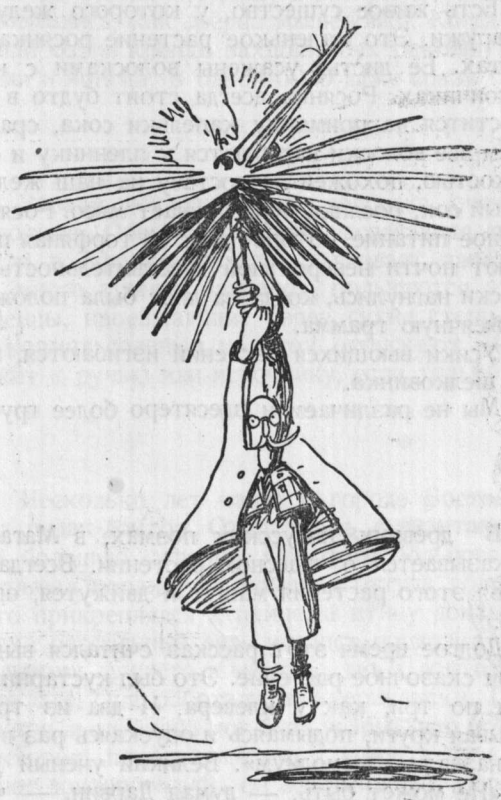


5. Но, как видите, она предупреждала напрасно.

Петя летел и думал: «Интересно, что это за костыль торчит из окна третьего этажа?»



6. Это был удачливый старик: он как будто нарочно летел на спасительный крючок.



7. Ба! Да кто же это? Старый знакомый — необыкновенный Тут-Итам появился в нашем журнале как раз в ту минуту, когда нужно было спасти редакцию и читателей от тяжелой утраты!

Ждите его приключений в номере шестом журнала «Пионер».

БИОСКОП

или разные сообщения о вещах мелких и крупных, известных и неизвестных, видимых и невидимых

Ресницы человеческого глаза очень чувствительны. Самое легкое прикосновение к ним заставляет глаз мигнуть. Но есть растение, у которого тычинки цветка еще чувствительнее ресниц. Это барбарис. Он цветет весной. В его цветке шесть тычинок лежат на шести лепестках, и у основания каждой тычинки, на оранжевом бугорке, блестит капля меда. Стоит пчеле коснуться этой капли, как тычинка внезапно подскакивает, как на пружине, и обсыпает голову пчелы пыльцой. Замечательное зрелище подскакивающих тычинок может наблюдать каждый. Нужно только дотронуться до медоносной бородавки иголкой или волоском.

●

Есть живое существо, у которого желудок находится не внутри, а снаружи. Это маленькое растение росянка. Она растет на северных болотах. Ее листья усажены волосками с капельками клейкого сока на кончиках. Росянка всегда стоит будто в росе. Насекомое, которое польстится на приманку капельки сока, сразу приклеивается к листу. Затем все волоски нагибаются к пленнику и обволакивают его клейкой жидкостью, похожей по составу на наш желудочный сок. Как и желудочный сок, росянка переваривает мясо. Росянка дополняет насекомыми скудное питание, которое дает ей торфяная почва. Волоски росянки обладают почти невероятной чувствительностью. Дарвин видел, как все волоски нагнулись, когда на лист была положена щетинка весом в одну стотысячную грамма.

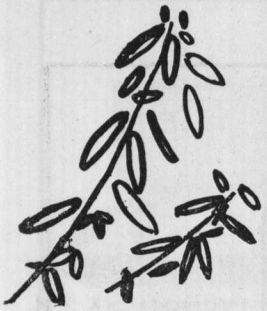
Усики вьющихся растений изгибаются, когда их коснется легчайшая шелковинка.

Мы не различаем и вдесятеро более грубых прикосновений.

●

В древних индусских поэмах, в Магабхарате и Бхагават-Гите, рассказывается о чудесном растении. Всегда, в самую тихую погоду, листья этого растения машут и движутся, оно шевелит ими как пальцами.

Долгое время этот рассказ считался выдумкой. Но потом ученые нашли сказочное растение. Это был кустарник с листьями, расположенными по три, как у клевера. И два из трех непрерывно движутся, описывая круги, подымаясь и опускаясь раз в полторы минуты. Кустарник назвали «десмодиум». Великий ученый Дарвин тщательно изучал его. «Не может быть, — думал Дарвин, — чтобы десмодиум был одинок». И он написал: «Незачем ездить в Индию за растением с движущимися листьями. Я нашел такое растение у нас. Это папоротник красный кочедыжник».



Десятки ученых смотрели после Дарвина на красный кочедыжник. И никто не мог обнаружить никакого движения. Но Дарвин был очень хорошим наблюдателем. Ошибся ли он на этот раз? Или листья красного кочедыжника все-таки иногда движутся, скажем, в очень жаркие дни, и не у всех папоротников, а только у немногих?

●

Мы считаем растения неподвижными. Но у деревьев и трав корни растут в сторону влажной и тучной почвы, ветви тянутся к свету, дневные цветы ждут утра, а ночные — вечера, чтобы распуститься, листья поворачиваются к солнцу, растущие верхушки стеблей описывают спирали. Если бы растение неделю снимать для кино и пустить ленту в один час, то мы увидели бы на экране сказочное существо, вертящее всем телом, дергающее сотней рук-ветвей, машущее листьями как тысячью вееров, взбирающееся по прутьям и стеблям своих соседей, ловко накидывая на них усики как лассо, а корнями шныряющее в земле в поисках пищи и влаги.

●

В одном американском журнале рассказан замечательный случай, как на корабле истребили мышей... устрицы. Корабль шел с грузом живых устриц. Запах живого с'едобного товара собрал в трюм всех мышей. Груды устриц лежали с приоткрытыми створками. Но чуть только мышь совала мордочку в раскрытые створки, как они мгновенно захлопывались, как дверца мышеловки. Когда стали разгружать корабль, нашли сотни крепко захлопнутых раковин с висящими мышиными хвостами и ногами. В одной было даже сразу три мыши.

●

Запахи, неуловимые для человека, очень отчетливо слышат многие животные. Обезьяна-павиан, населяющая пустынные скалистые местности в Африке, издали улавливает запах воды. В Южной Африке, где много ручных павианов, пользуются этой их способностью переселенцы, проезжающие через сухие степи, — везут с собой обезьяну. Ее кормят соленым и затем отпускают. И павиан кратчайшим путем бежит к ручью или источнику, если только он есть поблизости.

●

Несколько лет назад в городе Бостоне, в Соединенных штатах, жил чудак-доктор. Отправляясь с визитами к больным, он брал с собой большую корзину. Осмотрев больного и написав рецепт, доктор открывал корзину и извлекал оттуда голубя. Рецепт с адресом больного прикреплялся к птице, а птицу доктор выпускал. Через короткое время рассыльный велосипедист привозил больному лекарство на дом. Больному лучшего и не надо, но и доктор с аптекарем не оставались внакладе. Они работали по-американски. Голубь был из голубятни аптекаря, и аптекарь мог быть уверен, что все рецепты, прописанные этим доктором, попадут именно к нему, а не в другие аптеки: куда бы ни занес доктор голубя, он всегда найдет дорогу домой.

●

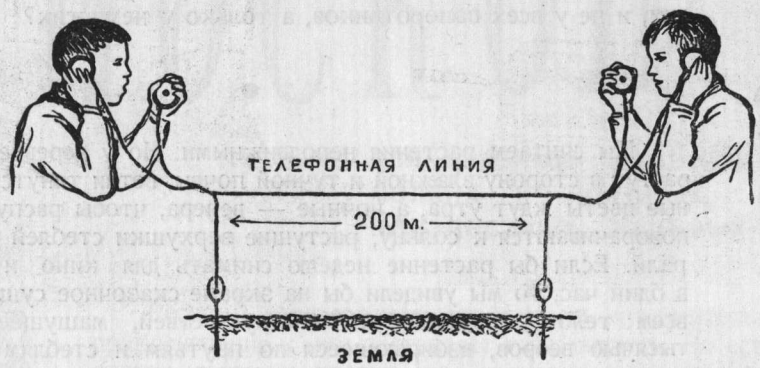


Рис. 1

М. Евгенов

Самодельный телефон

Телефон в Красной армии — одно из важнейших средств связи.

Связь в военном деле имеет огромное значение: при помощи связи управляют войсками во время боя.

Управление войсками состоит в том, что командиры передают свои распоряжения подчиненным им войсковым частям и получают от них донесения.

Передача всех этих приказаний, донесений и сообщений ложится целиком на средства связи: на посыльных, сигнализацию флажками по азбуке Морзе, телефон, телеграф, радио.

Летом в лагерях вам придется проводить военные игры, походы. Иметь в качестве средства связи телефон было бы очень хорошо. Настоящий полевой телефон достать трудно; сделайте его сами из тех отдельных частей, которые можно купить в магазине, где продают радиопринадлежности.

Для телефона потребуются: две пары радиотрубок (наушников), 200 метров обыкновенного звонкового провода 0,5 или 0,8 м/м сечением.

Из толстого железного прута надо изготовить 2 стержня длиною по 20 см для заземления.

В одном пионерском лагере Кировского района ребята провели такой самодельный телефон. Делали они его так.

Один конец шнура от одной пары радиотрубок очистили от изоляции и соединили с звонковым проводом, а второй конец шнура присоединили к железному стержню (заземлению). Железный стержень (заземление) поглубже воткнули в землю.

У первой пары радиотрубок в штабе военной игры осталась Аня Емельянова, а Витя Захаров потянул звонковый провод по направлению к посту наблюдения. По пути провод маскировали в кустах, в траве так, чтобы его трудно было заметить «врагу».

Дотянув провод до наблюдательного поста, Витя присоединил оставшуюся пару радиотрубок так же, как и в первый раз: один конец шнура трубок очистил от изоляции, присоединил к проводу, а другой конец шнура присоединил к железному стержню (заземлению). Железный стержень воткнул поглубже в землю (см. рис. 1).

Вот телефон и готов.

Витя взял одну трубку от наушников, приложил ее к уху, а в другую трубку крикнул: «Алло! Алло! Аня, слушай!»—и услышал довольно отчетливый ответ: «Штаб слушает».

Такой простейший телефон называется форпостным и действует, давая четкую передачу речи, на расстоянии до 1500 метров. Неудобство его заключается в том, что отсутствует приспособление для вызова (звонок, гудок). Поэтому им можно пользоваться

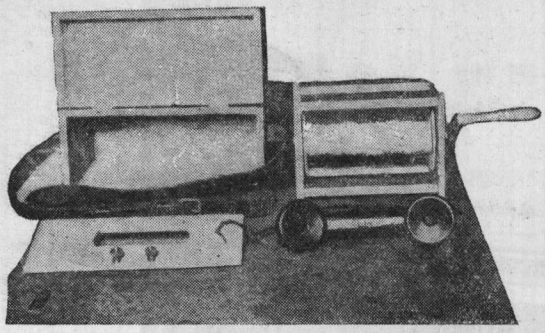


Рис. 2

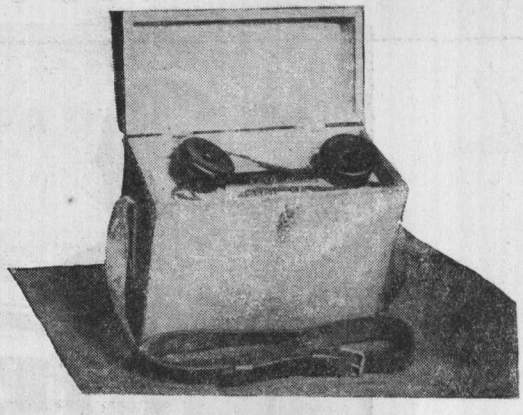


Рис. 4

при условии, что на каждом конце телефонной линии постоянно дежурят у трубки телефонисты.

Чтобы во время похода телефон было удобно переносить, надо сделать к нему ящичек из досок или толстой фанеры. Размер ящика: длина 27 см, ширина 12 см, глубина 23 см. Внутри он разделен на 2 части: в одной, верхней части будет трубка, а в другой — катушка с проволокой (см. рис. 2).

Трубки для удобства соединим деревянной рукояткой (см. рис. 3).

Сбоку ящика надо сделать две клеммы для соединения с проводом и землей. Одну из клемм отметим буквой «З» (земля), а другую — «Л» (линия). Затем к этому ящику прибьем тесемку, чтобы ящик можно было носить через плечо.

Во вторую половину ящика уложим телефонную катушку, на которой намотан провод (см. рис. 4).

Катушку сделать можно так: взять две дощечки размером 9×14 см, толщиной в 1 см, скрепить их четырьмя квадратными брусочками длиною по 17 см. В середине дощечки вставить круглую палочку длиною в 21 см, диаметром в $1\frac{1}{2}$ см так, чтобы она насквозь проходила боковые дощечки и одним концом выходила наружу. С внутренней стороны ее надо укрепить двумя фанерками так, чтобы она могла свободно вращаться, но не выскакивать из боковых дощечек. На выходящий конец круглой палочки укрепляется ручка, которая могла бы сниматься.

Остается намотать звонковый провод на круглую палочку, находящуюся в центре катушки, и катушка готова.

Сделаем еще один такой ящик, и у нас будет два «полевых телефона», готовых для военной игры в лагере.

Для того чтобы телефон лучше работал, можно присоединить карманную батарейку, но в крайнем случае можно обойтись и без нее.

Когда телефон готов, нужно научиться разговаривать по телефону. Необходимо уметь точно и ясно передавать и принимать по телефону донесения.

Вот пример такого донесения:

«Звено противника появилось на холме близ деревни Немчиновки, со стороны водяной мельницы. Продолжаю наблюдение за противником с левого берега реки.

Подписал: командир разведки Леша Волков.

Передала: Нюра Павлова. 3 мая 1936 года в 20 часов 15 минут.

Принял: Витя Кузьмин».

Все донесения по телефону нужно записывать.

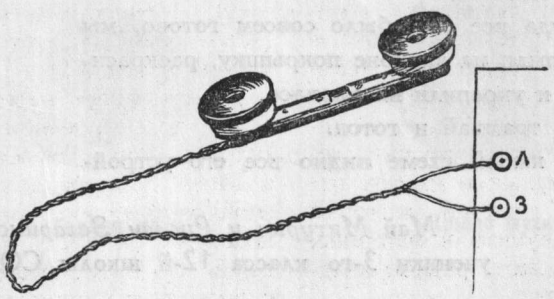
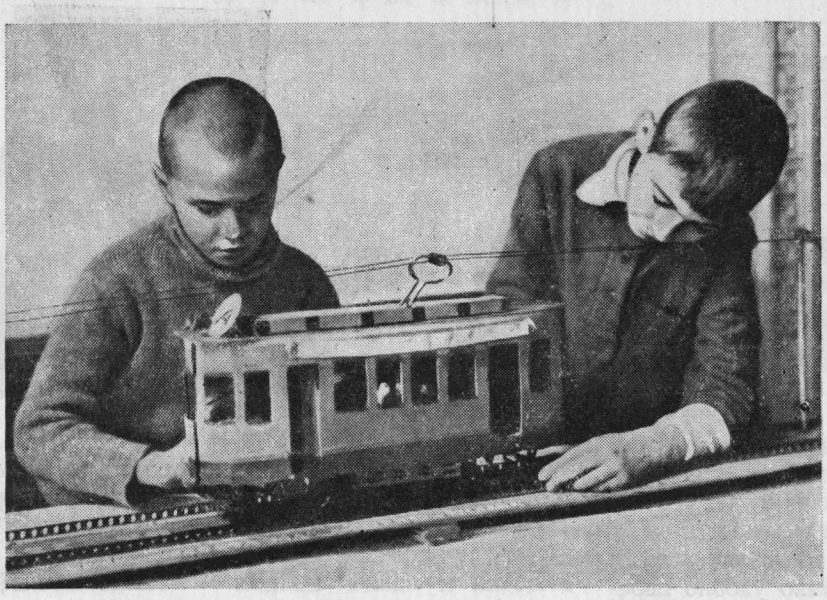


Рис 3



Как мы делали трамвай

Нам захотелось сделать трамвай, чтоб он был совсем как настоящий. Сперва мы из частей «конструктора» сделали каркас — остов трамвая. Мотор у нас был, мы привинтили его. Мы сами придумали применить червячную передачу, чем достигли медленного вращения ведущей оси.

Из проволоки сделали дугу и вставили ее. Наш трамвай не только движется, он и освещен электрической лампочкой, как настоящий трамвай. Мы ввели трансформатор для понижения тока до 6 вольт для лампочек.

Когда все уже было совсем готово, мы вычертили на картоне покрышку, раскрасили ее и укрепили на каркасе.

Вот трамвай и готов.

На нашей схеме видно все его устройство.

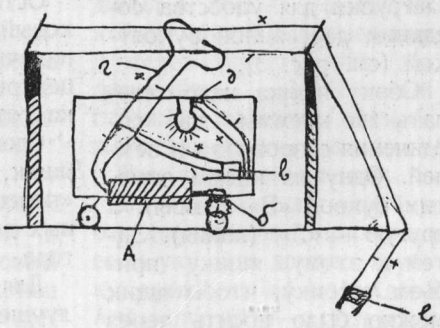


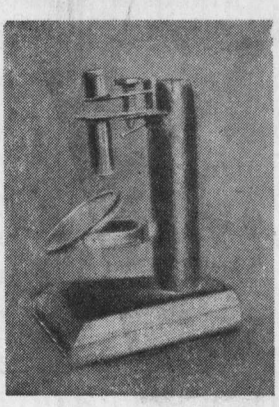
Схема: а) мотор, б) червячная передача, в) трансформатор, г) дуга (принимает оба полюса), д) лампа, е) штепсель.

Май Митурич и Руслан Загаринский,
ученики 3-го класса 12-й школы СОНО.

Мой микроскоп

В одном из старых номеров журнала «Пионер» я нашел описание, как сделать микроскоп с водяной каплей. Я очень заинтересовался и через неделю сделал точно такой микроскоп, как в журнале.

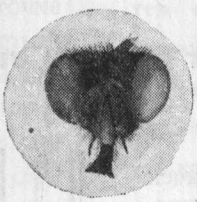
Первым предметом, который рассмотрел я в свой микроскоп,— была ножка мухи. Увеличение и ясность изображения мне очень понравились, но все-таки в микроскопе были недостатки. Я решил сам их исправить и решил построить второй,— более усовершенствованный микроскоп. В этом моем новом микроскопе прежде всего я сделал подставку, чтобы он мог стоять на столе и чтобы капля не дрожала.



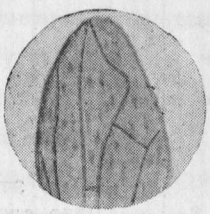
Первый микроскоп приходилось направлять на небо, чтобы в него смотреть. Это очень неудобно и в моем втором микроскопе есть зеркало, которое направляет свет. Зеркало прикреплено к подставке и может вращаться во все стороны. Кроме этого к тому месту, где ставится капля воды или глицерина, я припаял небольшой цилиндрик для того, чтобы капля не размазывалась нашим глазом. К стеклышку, где кладутся рассматриваемые предметы, я прикрепил две пружинки: они зажимают предметное стекло. Для того чтобы можно было приближать или отдалять каплю, в зависимости от требования зрения, я приделал винт. Я очень люблю свой микроскоп. В свободное время рассматриваю мельчайших животных и делаю зарисовки. Поймаю какую-нибудь крохотную мошку и рассматриваю ее. Здесь мои зарисовки: лапка паука, голова мухи. А еще я видел туфельку в капле воды из аквариума. Но всего не зарисовать.

Ученик 7-го класса, 14 лет, школы «Коминтерн».
Гомель. Интернациональная, 25.
Абраша Дорфман.

Нога мухи



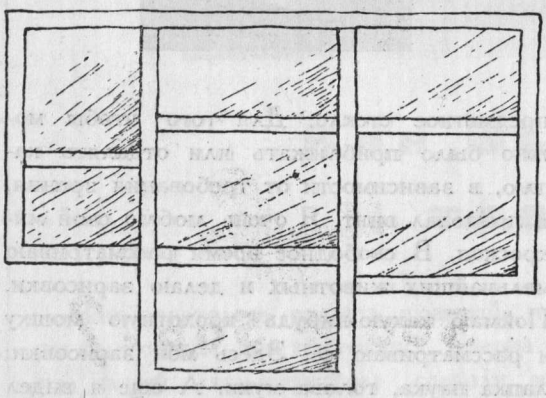
Голова мухи



Крыло мухи

Загадки доктора Каррабелиуса

Четыре проекта



Позвал один капиталист архитекторов и говорит:

— Есть у меня фабрика, в ней семь цехов. Но так как теперь кризис и товаров покупают мало, то я хочу уничтожить два цеха, чтобы осталось только пять.

— Что ж, это можно,—сказали архитектора и тут же стали разрабатывать проекты.

— По моему проекту надо снести пять стен,— сказал первый архитектор,— а кирпич вы можете продать.

— Мой проект требует сноса только четырех стен,— сказал второй архитектор,— из кирпичей вы можете построить себе дом — вполне хватит.

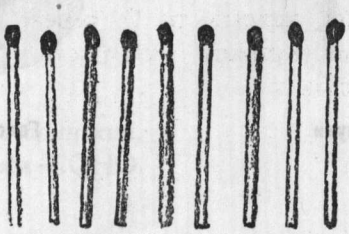
— Совершенно достаточно убрать три стены,— вмешался третий архитектор,— тем более, что никто теперь кирпич покупать не будет, да и дом вы вряд ли станете строить.

— В таком случае мой проект наиболее пригоден, — сказал последний архитектор,— я разберу всего две стены, после чего останется пять цехов!

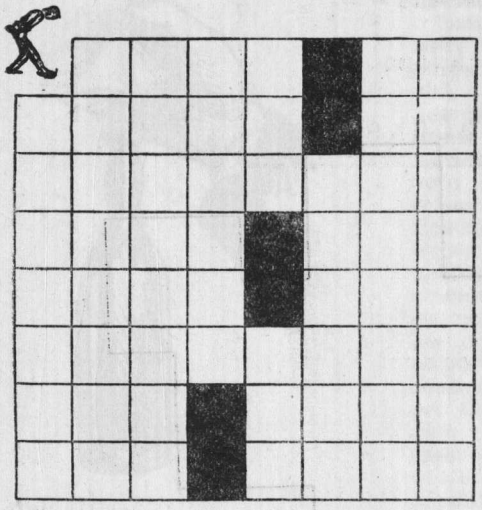
Не сможете ли вы указать, какие именно стены хотели сносить первый, второй, третий и четвертый архитекторы?

Девять спичек

Из этих девяти спичек надо сложить четыре квадрата одинаковой величины. Мне кажется, что лишь немногим удастся это сделать.



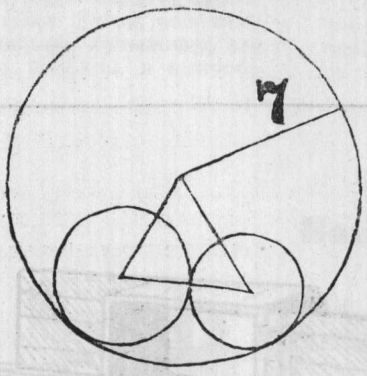
Полотер



Полотер согласился натереть паркет в большой комнате, в которой стояли три стола. Начал он от дверей и натер весь пол, причем натирал клетки подряд, одну за другой, ни разу не возвращаясь на уже натертые клетки и не перепрыгивая через них. Под столами он не натирал, так как столы были тяжелые, письменные, и сдвинуть их он не мог.

Начертите карандашом путь полотера.

Хороший ли ты математик?



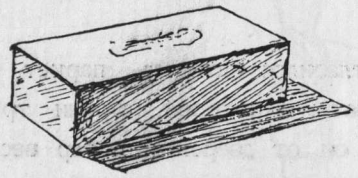
Здесь нарисован большой круг. Внутри круга изображены два неровных маленьких круга, которые касаются в одной точке друг с другом и с большой окружностью. Центры кругов, соединенные прямыми линиями, образуют треугольник. Нам известен радиус большой окружности. Он равен семи. Нужно найти периметр (сумму сторон) этого треугольника.

500 + 500 = ?

Один летчик решил полететь на южный полюс и водрузить там флаг. Находился летчик в 500 километрах от полюса. Полетел. Но ему захотелось сперва посмотреть на льды, и поэтому он направил самолет прямо на запад, а затем, пролетев 500 километров, свернул на юг и, пролетев еще 500 километров, опустился на самом полюсе. И тут он увидал, что забыл флаг на стоянке. Делать нечего: пришлось возвращаться за флагом.

Сколько километров надо пролететь летчику, чтобы достигнуть лагеря?

Загадка-шутка

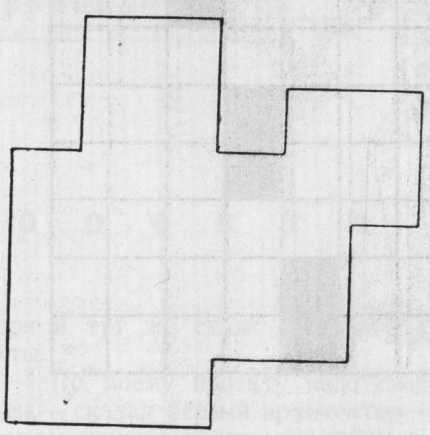


Кирпич весит фунт и еще столько, сколько весит полкирпича. Сколько весит кирпич?

Что это такое?

Вот их приметы: оба в броню одеты. Один на суше живет, другой—среди вод,
У одного зубы, у другого трубы,
А имя у них одно на двоих.

Головоломка

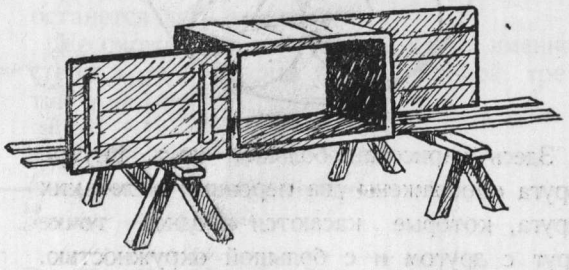


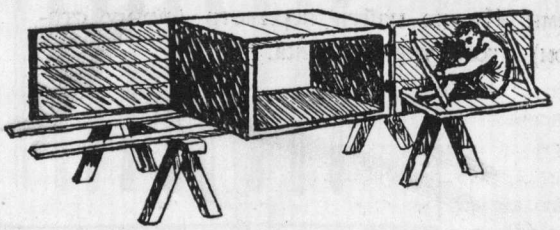
Возьмите ножницы и разрежьте эту фигуру на пять равных, одинаковых частей.

Фокусы

Таинственный ящик

С таким простым ящиком можно сделать фокус, который, наверняка, покажется замечательным. Ящик показывается открытым, затем захлопывается сперва передняя крышка, а затем—задняя, так что зрители не видят, как вместе с задней крышкой в ящик задвигается и спрятавшийся за ней мальчик. Теперь можно открыть переднюю крышку—и в ящике мальчик.





Мельница на бутылке

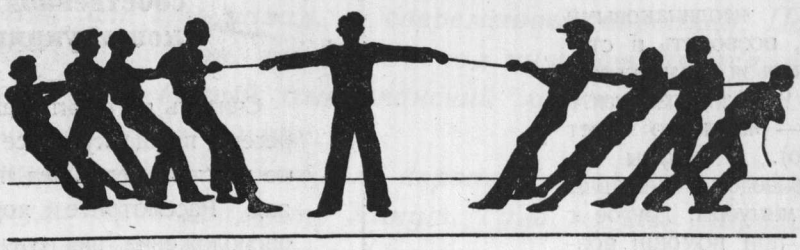
Возьмите квадратный кусочек легкой папиросной бумаги размером 5×5 сантиметров и перегните его с угла на угол, по диагоналям, так, чтобы у вас получалось нечто в роде пирамидального колпачка. Затем, возьмите какую-нибудь бутылочку, заткнутую пробкой, и в пробку воткните обыкновенную швейную иголку.

Наконец, осторожно положите бумажный колпачок на острие иголки самой серединой, т. е. тем местом, где диагонали пересекаются. Колпачок будет устойчиво держаться на иголке, и если на него слегка подуть, то он сейчас же начнет вращаться. Дождитесь, когда колпачок остановится, и осторожно приблизьте к нему снизу и немного сбоку слегка согнутую ладонь правой руки. Вы сейчас же заметите, что колпачок начнет вращаться сначало медленно, а потом все быстрее и быстрее. Удалите руку от колпачка, и движение его замедлится, а потом и совсем прекратится. Приблизьте к колпачку какой-нибудь предмет, например линейку, и вы увидите, что колпачок остается в покое: он начинает вращаться только при приближении живой человеческой руки.

Отчего же колпачок начинает вращаться, ведь вы к нему не прикасались рукой и не дули?

Оказывается, колпачок приходит во вращение вследствие движения вверх теплого воздуха, нагретого вашей рукой. Замените руку электрической лампочкой или даже чайной ложкой, только что вынутой из стакана с горячим чаем, и вы увидите, как колпачок придет в очень быстрое вращение.

Невиданный силач



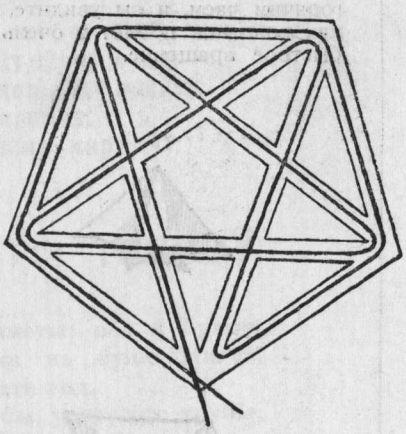
Сила не только в мускулах, но и в сообразительности. Десять человек не могут одолеть этого чемпиона. Он держит в каждой руке по длинной веревке. Восемь человек, ухватившись за нее, пробуют тянуть в разные стороны. Кажется, что они разорвут его пополам или он бросит веревку. Но он расставил ноги и только покачивался из стороны в сторону, крепко держа концы веревок. Что за невиданный силач!

А дело об'яснилось очень просто: четверо с одной стороны стараются преодолеть силу другой четверки, а вовсе не силу силача, который держит не две веревки, а только одну, пропущенную через рукава у него под одеждой. Две четверки ребятишек тянут одну веревку в разные стороны, невиданный силач же наклоняется то вправо, то влево в зависимости от того, кто перетягивал в данный момент. Силы почти равные, и никто не одолеет.

Ответы на задачи, помещенные в номере втором

Почтальон

Можно. И почтальон сделал это таким образом:



Великий математик

Ошибка девочки заключается в том, что возводить числа равенства в квадрат можно только в одном случае: если обе цифры равны. Даже если равенство есть, но оно выражено неодинаковыми цифрами, возводить в степень нельзя (например $7 + 2 = 9$, если возвести в квадрат — равенство будет нарушено). А цифры девочки заведомо неравны (одно с минусом, другое с плюсом), при помощи возведения в квадрат (чего нельзя было делать) девочка нарушила это неравенство и «доказала» невозможное.

ГАРАЖ

Перенумеруйте легковые автомобили сверху вниз цифрами 1, 2, 3, 4 и грузовые 5, 6, 7 и 8 и передвигайте их так:

1. 2Б—З	13. 8М—З	25. 2Д—А	37. 6К—Б
2. 1А—Ж	14. 4И—М	26. 2З—В	38. 5Л—Д
3. 3В—Д	15. 8З—И	27. 6К—Б	39. 3Ж—Л
4. 4Г—А	16. 7Е—Л	28. 5И—Д	40. 5Д—Ж
5 3Д—Г	17. 8И—Ж	29. 1Ж—И	41. 6Б—К
6 1Ж—В	18. 5Д—И	30. 7Л—Ж	42. 2А—З
7. 4А—Ж	19. 6Б—К	31. 5Д—Л	43. 5Ж—А
8. 2З—А	20. 7А—З	32. 6Б—К	44. 2З—Ж
9 6К—Б	21. 8Ж—А	33. 2В—З	45. 6К—Б
10. 5И—Д	22. 1В—Ж	34. 7Ж—В	46. 2Ж—К
1. 4Ж—И	23. 3Г—Д	35. 3А—Ж	
2. 7Л—Е	24. 8А—Г	36. 2З—А	

Цифра — номер автомобиля, первая буква — клеточка, в которой автомобиль стоит. Вторая буква — клетка, в которую автомобиль переводится.

Вова Клейнгольд (Магнитогорск) решил эту задачу в 66 ходов. Володя Белов (г. Балашов) в 63 хода. Мы печатаем решение в 46 ходов. А может быть, можно решить в меньшее количество ходов? Попробуйте, ребята.

Велосипед собственной конструкции

Считать не стоит, так как пересечь площадку Васе вообще не удастся: велосипед поедет назад. Рассмотрите хорошенько расположение шестеренок и вы сами легко в этом убедитесь.

Ответ. редактор **Б. ИВАНТЕР** Худ. редактор **М. АСКИНАЗИ**

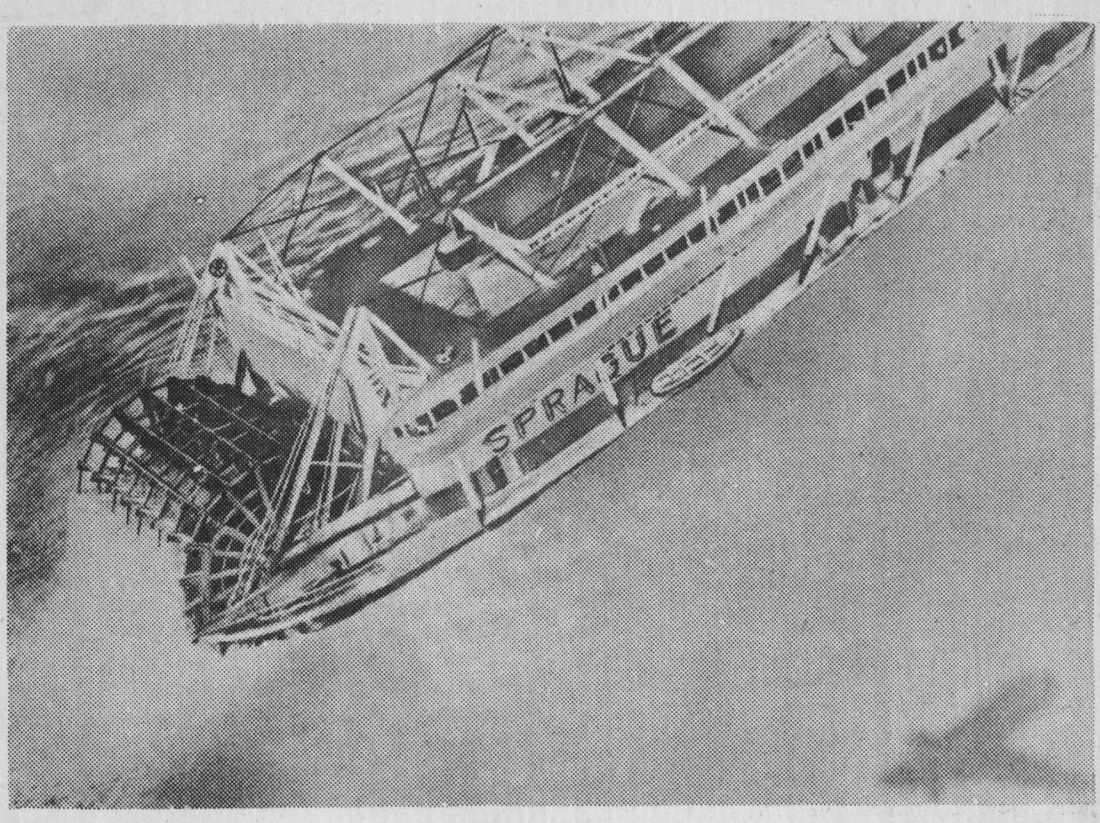
Сдано в набор 23/IV 1936 г. Подписано к печати 14/V 1936 г. Изд. № 475. 1/16 листа Формат 82×110 см.

16 п. л. 39 000 зн. в печ. листе.

Уполномоченный главлита № Б-21592 Зак. № 907 Тираж 75 000

Типография газеты „Правда“ им. Сталина. Москва, улица „Правды“, дом № 24.

Встреча на реке Миссисипи



Однажды на реке Миссисипи, в Северной Америке, встретились и уместились на одной фотографии пароход с колесом за кормой, какие строили лет сто назад, и современный аэроплан. Пароход шел по реке, а аэроплан, пролетая над ним, отразился в воде. Аэроплан вел знаменитый американский летчик Линдберг. Он и сделал с высоты этот снимок.

Покружившись над пароходом, аэроплан взял курс на город и прилетел туда через двадцать минут. Туда же шел пароход, но прибыл он на место через четыре часа.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24.

ПРОСЬБА К ЧИТАТЕЛЯМ:

При обнаружении экземпляров с производственным браком (перепутанные страницы, плохая печать и т. п.) возвращать их для обмена в издательство „Правда“.

Адрес: Москва, 40, ул. „Правды“, 24, комн. № 216.

Цена 1 р. 30 к.

М35 15 П 29
34

Ц. 193
Акт №
Вклеен в